

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

**СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ**

2020

№ 4 (36)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2020

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2020.
№ 4 (36). 132 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бершедова Людмила Ивановна (Москва),
Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург), Дочкал Владимир (Братислава, Словакия),
Дубровина Ирина Владимировна (Москва), Жданова Светлана Юрьевна (Пермь),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Левченко Ирина Юрьевна (Москва), Ленков Сергей Леонидович (Тверь),
Лех Витковски (Слупск, Польша), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь)
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Ананишнев Владимир Максимович (Москва),
Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Георгиева Росица (София, Болгария), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Иванников Вячеслав Андреевич (Москва), Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Рац Александр Яковлевич (Санкт-Петербург), Романова Евгения Сергеевна (Москва),
Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций Регистрационный номер ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и метод системной психологии

Рыжов Б. Н. Система мотивационных оппозиций как основа психологической индивидуальности (с переводом на английский язык)	5
---	---

Психологические исследования

Романова Е. С., Сомова Н. Г. Системное исследование качества жизни в пожилом и преклонном возрасте	22
Круглова Е. А., Попель Н. В. Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов	34
Еськов К. Н. Стили инструментального поведения операторов при выполнении гомеостатических задач	48
Филясова Ю. А. Моделирование конструкта личности перфекционистов	58
Карпов А. Б., Смирнова М. В. Эволюция системных представлений о трудовой мотивации	70
Горбунова И. В. Системный анализ деятельности руководителей общеобразовательных организаций	84

История психологии и психология истории

Артамонова Е. Р., Лобанов Е. В. Системные идеи в творческом наследии П. П. Блонского	93
Иванов Д. В. Системные представления о человеке борющемся в отечественной психологической мысли XVI века	103

Наши юбиляры

Юбилей Евгении Сергеевны Романовой!	121
---	-----

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2020, № 4 (36)	124
Требования к оформлению статей	128

CONTENTS

Theory and Method of Systems Psychology

Ryzhov B. N. The system of motivational oppositions as the basis of psychological individuality (with translation into English)	5
--	---

Psychological Researches

Romanova E. S., Somova N. G. System research of the life quality in the elderly and old age	22
Kruglova E. A., Popel N. V. A systematic approach to the study of professional destructions of teacher's personality	34
Eskov K. N. Classification of instrumental behavior styles of operators while the homeostat tasks are performing	48
Filyasova Yu. A. Perfectionist personal construct modelling	58
Karpov A. B., Smirnova M. V. Evolution of conceptions of labor motivation.....	70
Gorbunova I. V. Systems analysis of the main activities groups of directors of schools with various level of productivity	84

History of Psychology and Psychology of History

Artamonova E. R., Lobanov E. V. Systems ideas in the creative heritage of P. P. Blonsky	93
Ivanov D. V. Systemic ideas about man struggling in the native psychological thought of the XVI century.....	103

Our Anniversaries

Anniversary of Evgenia Sergeevna Romanova!	121
--	-----

Information

Authors of the journal «Systems Psychology and Sociology», 2020, № 4 (36).....	124
Author Guidelines.....	128

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.1

СИСТЕМА МОТИВАЦИОННЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва,
RyzhovBN@mgpu.ru

Статья посвящена описанию трех мотивационных оппозиций, лежащих в основе углубленной психодиагностики личности. Современная системная психология выделяет восемь видов мотивации, каждый из которых отвечает трем дополняющим друг друга бинарным критериям.

Первый критерий связан с системной формой мотивации, представляющей либо тенденцию развития системы, отвечающую требованию увеличения числа ее элементов, либо тенденцию к сохранению порядка (уменьшению энтропии) системы. Второй — с системным уровнем объекта, на развитие или сохранение которого направлена мотивация. Им могут быть индивид и личность, что соответствует центральному уровню живой системы, либо вид и общество, что соответствует макросистемному уровню. Третий критерий связан с типом известных форм жизни — биологической или социальной, — на продолжение которой направлена мотивация. Данные критерии лежат в основе трех мотивационных оппозиций, каждая из которых распадается на четыре частных контрапункта, в которых пара видов мотивации, совпадая по двум критериям, различается по третьему.

Выделение трех системных видов мотивационной оппозиции и соответствующих им контрапунктов конкретных видов мотивации представляет собой схему качественной интерпретации количественных данных, получаемых посредством методики определения мотивационного профиля личности (СПМ). Выявление с помощью методики СПМ доминирующих видов мотивации и образованной ими ведущей мотивационной оппозиции позволяет определить область возможных интраперсональных конфликтов и предложить пути их рационального преодоления.

Таким образом, описанный способ аналитического исследования мотивации открывает новые возможности для системной психологической диагностики и коррекции.

Ключевые слова: системная психология; мотивация; мотивационная оппозиция; мотивационный контрапункт; мотивационный конфликт; индивид и вид; личность и общество; развитие и сохранение.

Для цитаты: Рыжов Б. Н. Система мотивационных оппозиций как основа психологической индивидуальности // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 5–21. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.1

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

Введение

Композиция, или иерархия мотивационных тенденций, составляет основу мотивационного ядра личности человека. Данная идея высказывается в контексте теории деятельности, разработанной А. Н. Леонтьевым [3: с. 247]. Многие современные исследователи, среди которых В. Зейглер-Хилл [19], Л. Декерс [10: с. 38], П. М. Голлвитцер [11], Э. Накчедди [16] и другие, также указывают на это. Раскрытие закономерностей формирования структуры мотивации является необходимым условием понимания личности [1: с. 28; 14; 17]. Сущность мотивации зачастую сводится к удовлетворению потребностей человека [5: с. 12; 18: с. 55]. Вместе с тем ряд мотивационных концепций предусматривает определенные механизмы, лежащие в основе иерархической диспозиции видов мотивации.

Как известно, З. Фрейд видел эти механизмы в противоречии требований биологического «Оно» и социального «Я» человека [2: с. 186; 7: с. 42], Х. Хекхаузен — в противопоставлении мотивации достижения и избегания [8: с. 218], А. Маслоу — в соподчиненности высших и низших видов мотивации¹ [4: с. 137].

Системная психология рационализирует эти взгляды, выделяя их системную сущность и таким образом превращая их в три дополняющих друг друга бинарных критерия. Первый из них связан с системной формой мотивации, представляющей либо тенденцию развития системы, отвечающую требованию увеличения числа ее элементов, либо тенденцию к сохранению порядка (уменьшению энтропии) системы. Второй — с системным уровнем объекта, на развитие или сохранение которого направлена мотивация. Им могут быть индивид и личность, что соответствует центральному уровню живой системы, либо вид и общество, что соответствует макросистемному уровню. Наконец, третий критерий связан с типом известной нам формы жизни — биологической или социальной, — на продолжение которой направлена мотивация.

Применение всех трех критериев образует восемь возможных комбинаций вытекающих из них тенденций, или соответствующих видов мотивации: витальную (развитие биологической системы индивида); познавательную (развитие социальной системы личности); репродуктивную (развитие биологической системы вида); мотивацию самореализации (развитие социальной системы общества); нравственную (сохранение порядка в социальной системе общества); альтруистическую (сохранение порядка в биологической системе вида); мотивацию сохранения «Я» (сохранение порядка в социальной системе личности) и мотивацию самосохранения (сохранение порядка в биологической системе индивида) [6: с. 141].

Выделяемые системной психологией критерии лежат в основе трех мотивационных оппозиций (оппозиция биологических и социальных видов мотивации; оппозиция антропоцентрических, индивидуально-личностных и коллективистских, или социопцентрических, видов мотивации; оппозиция мотивации развития и сохранения порядка), каждая из которых распадается на четыре частных контрапункта, в которых пара видов мотивации, совпадая по двум критериям, различается по третьему.

Для тех видов мотивации, которые приобрели доминирующее положение в мотивационном профиле личности, эти оппозиции становятся важным маркером психологической индивидуальности, помогающим обнаружить причины многих скрытых интраперсональных конфликтов.

Оппозиция биологических и социальных видов мотивации

В основе мотивационных оппозиций нередко лежат взаимоисключающие тенденции, вытекающие из биологической или социальной направленности различных видов мотивации, благодаря чему эта оппозиция чаще других оказывается причиной острых внутриличностных конфликтов. Оппозиция биологических и социальных видов мотивации распадается на четыре частных контрапункта, в каждом из которых пара видов мотивации совпадает по критериям системной формы и системного уровня

¹ Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. № 50 (4). P. 370–396.

мотивации, но различается ее биологической или социальной направленностью, в их числе следующие противопоставления:

1) витальная мотивация (мотивация развития индивида) — мотивация познания (мотивация развития личности);

2) репродуктивная мотивация (мотивация развития макробиологической системы вида) — мотивация самореализации (мотивация развития макросоциальной системы общества);

3) альтруистическая мотивация (мотивация сохранения макробиологической системы вида) — мотивация нравственности (мотивация сохранения макросоциальной системы общества);

4) мотивация самосохранения (мотивация сохранения индивида) — мотивация сохранения «Я» (мотивация сохранения личности).

Графическая схема оппозиции биологических и социальных видов мотивации приведена на рисунке 1.

В более старшем возрасте один человек выбирает туристический маршрут, связанный с постоянными переездами, но зато сулящий посещение многих интересных мест, другой, напротив, с большим удовольствием проведет отпуск на пляже, не интересуясь экскурсиями, в которых он был бы лишен привычного комфорта.

Выраженность мотивационного конфликта нарастает по мере сближения уровней интенсивности находящихся в оппозиции видов мотивации. В случае превалирования одного из них переживание конфликта может отсутствовать даже в объективно экстремальной ситуации. Например, И. П. Павлов в голодном 1918 году отдавал полагавшийся ему мясной паек лабораторным собакам. Интерес исследователя у него явно возобладал над естественной потребностью в хорошем питании. Весьма показательное утверждение этого знаменитого физиолога и великого труженика

Рис. 1. Оппозиция биологических и социальных видов мотивации

Первый контрапункт этой схемы (рис. 1, поз. 1) представляет собой оппозицию витальной и познавательной мотиваций. Обусловленный этой оппозицией конфликт интересов чаще всего возникает в юности, когда материальные возможности человека еще весьма невысоки, а духовные интересы, напротив, сильны и разнообразны. В этой ситуации один человек откладывает получение образования на потом, поскольку прежде всего надо зарабатывать на жизнь, а другой предпочитает жизнь бедного студента.

о том, что он никогда не работал в своей жизни, а лишь только удовлетворял свое любопытство. Известно также немало трагических случаев, когда исследователь погибал, проводя очень для него интересный, но опасный эксперимент (физик Г. Рихман, биолог А. Н. Богданов и др.).

Второй контрапункт оппозиции биологических и социальных видов мотивации (рис. 1, поз. 2), представляющий собой противопоставление мотиваций самореализации и репродукции, чаще лежит в основе интраперсонального конфликта молодого и взрослого

возраста. Одна женщина отказывается от продолжения карьеры из-за рождения детей, другая, напротив, делает блестящую карьеру, откладывая создание семьи и рождение потомства до тех пор, когда рождение здорового потомства становится проблематичным вследствие естественных возрастных ограничений.

Прекрасное поэтическое описание этого конфликта дал М. Ю. Лермонтов. «Как знать, быть может, те мгновенья, что протекли у ног твоих, я отнимал у вдохновенья! А чем ты заменила их? — пишет он своей возлюбленной Н. Ф. Ивановой в знаменитом стихотворении и продолжает: — Быть может, мыслию небесной и силой духа убежден, я дал бы миру дар чудесный, а мне за то бессмертье он?»².

Болезненный конфликт между любовным влечением и стремлением к творческой самореализации переживали многие представители мира искусства. Гюстав Флобер негодовал, что Ги де Мопассан, к которому он относился как к сыну, из-за бесконечных любовных походов мало работает. Иногда он запирали знаменитого писателя в комнате, поставив условие, что отпустит его на очередное свидание только после предъявления нового рассказа.

Сублимация — явный пример победы самореализации над репродуктивными импульсами. Весьма вероятно, что, разрабатывая учение о механизмах психологической защиты, создатель психоанализа использовал свой опыт, и в том числе болезненное разочарование, которое он пережил в молодости. (Как известно, не закончив исследование действия кокаина на слизистые оболочки, он отправился в свадебное путешествие; возвратившись, узнал, что его коллега блестяще закончил начатую З. Фрейдом работу, собрав все причитающиеся ему лавры.)

Вместе с тем, когда речь идет о соотношении самореализации и других видов мотивации, весьма важным аспектом является то, на что главным образом направлена мотивация самореализации — на стремление создать правдивый образ или раскрыть объективные закономерности окружающего мира, или же добиться самоутверждения, запечатлеть

в других свое субъективное «Я». Для творческой личности это вопрос приоритета искусства или науки как таковых или же решения вопросов «Я в искусстве» и «Я в науке».

В тех случаях, когда приоритетом личности становится служение науке или искусству, сублимация может принимать крайние формы, вплоть до практически полной блокады репродуктивных устремлений, пример чему можно найти в жизнеописаниях Платона, Исаака Ньютона и Иммануила Канта. Там же, где верх одерживает стремление к личному самоутверждению, успешная самореализация часто становится причиной всплеска репродуктивной активности. Победа в сражении или важном состязании нередко ведет к сексуальным эксцессам (мужской половой гормон тестостерон иногда называют гормоном победы). Высокая сексуальная активность свойственна многим актерам, поэтам и другим представителям творческих профессий, ставших кумирами для своих многочисленных поклонников.

В основе третьего контрапункта оппозиции биологических и социальных видов мотивации (см. рис. 1, поз. 3) лежит конфликт нравственной и альтруистической мотиваций. Классическими примерами такого конфликта, заканчивающегося победой нравственного импульса, является гоголевский Тарас Бульба, убивающий своего сына-предателя, или исторические личности: первый консул Древнего Рима Луций Брут, приказавший казнить уличенных в измене сыновей, или Сталин, которому молва приписывает слова: «Я солдата на фельдмаршала не меняю»³. Однако, как показывает современная судебная практика рассмотрения правонарушений, совершенных детьми высокопоставленных родителей, гораздо чаще в этом споре мотиваций побеждает альтруистический импульс.

² Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. М.: Белый город, 2019. 464 с.

³ После победы Красной армии в Сталинградской битве германское руководство, по свидетельству С. И. Аллилуевой, предложило обменять плененного фельдмаршала Фридриха Паулюса на попавшего в начале войны в немецкий плен сына Сталина, старшего лейтенанта Якова Джугашвили, но Сталин не стал рассматривать это предложение (Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М.: Книга, 1989. 216 с.). Вскоре Яков Джугашвили был убит в концлагере «Заксенхаузен».

Четвертый контрапункт оппозиции биологических и социальных видов мотивации (см. рис. 1, поз. 4) представляет собой противоречие мотивации самосохранения и сохранения «Я». Примером такого противоречия служит ситуация дилеммы при столкновении с группой агрессивных хулиганов. Дать им отпор и сохранить лицо — такое поведение может быть связано с угрозой здоровью и даже жизни. Подчиниться наглým требованиям — значит потерять лицо.

Нормы морали в подобном конфликте мотиваций почти всегда стоят на стороне защиты личности, называя самосохранение ценной «потерей лица» малодушным поступком. Погибший за свою честь остается жить в памяти других людей, имя малодушного исчезает вместе с ним самим.

Оппозиция антропоцентрических и социоцентрических видов мотивации

В основе этой оппозиции лежит принадлежность человека к двум уровням организации живых систем. На одном из них человек предстает как целостная система — индивид и личность, а на другом — как элемент сверхсистемы: вида и общества. В отличие от оппозиции биологических и социальных видов мотивации эта оппозиция часто носит позитивный характер, а образующие ее виды мотивации дополняют друг друга. При этом при неблагоприятных условиях для реализации одного вида мотивации соответствующий ему другой вид мотивации также оказывается полностью или частично заблокированным. Особенно хорошо это видно на примере биологических видов мотивации.

Первый контрапункт оппозиции антропоцентрического и социоцентрического видов мотивации (см. рис. 2, поз. 1) отражает соотношение репродуктивной и витальной мотиваций, или тенденций развития биологической системы на уровне вида и индивида. У человека, как и у большинства животных, эти два вида мотивации имеют тесную корреляцию. Неудачи в любви ведут к потере аппетита. И, наоборот, затруднения в реализации витальной мотивации ведут к снижению репродуктивной мотивации.

Второй контрапункт (см. рис. 2, поз. 2) представляет собой соотношение мотивации самосохранения и альтруистической мотивации, направленной на сохранение своего вида. Стремление защитить свой организм от опасностей в большинстве случаев сочетается с аналогичным стремлением по отношению к окружающим. В то же время угроза общей опасности заставляет и людей, и животных сплотиться и реагировать на угрозу другим членам группы как на угрозу себе самому. Для социальных видов мотивации эта тенденция также сохраняется.

Третий контрапункт оппозиции антропоцентрического и социоцентрического видов мотивации (см. рис. 2, поз. 3) образован соотношением познавательной мотивации и мотивации самореализации. Стремление к субъективному саморазвитию и познанию приводит к раскрытию человеком закономерностей и особенностей окружающего мира. Отчуждаясь от субъекта-производителя при общении с другими членами социума или в виде продукта деятельности, эта информация объективизируется, становясь элементом общественного знания. Таким образом, развитие познавательной мотивации закономерно способствует самореализации.

Творческие личности всегда обладают высоким познавательным потенциалом. Однако творческие неудачи часто ведут к апатии и нежеланию узнавать что-либо новое. При этом ограничения в реализации познавательной мотивации (например, в условиях вынужденной изоляции) у большинства людей ведут к снижению мотивации самореализации.

Аналогичная сочетанная динамика характерна для нравственной мотивации и мотивации сохранения «Я», образующих последний, четвертый контрапункт в этой оппозиции (см. рис. 2, поз. 4). Человек с высоким нравственным потенциалом испытывает закономерное уважение к своей личности. Но тот, кого обстоятельства заставили поступиться нравственными принципами, перестает уважать себя. Также и человеку, утратившему связь с обществом, ставшему в этом обществе изгоем, редко удается сохранить прежний уровень самоуважения.

Рис. 2. Оппозиция антропоцентрического и социоцентрического видов мотивации

Мотивационный конфликт в этой оппозиции, как правило, возникает лишь в экстремальных случаях. Так, конфликт репродуктивной и витальной мотивации (первый контрапункт) может возникнуть при длительной депривации репродуктивных импульсов. Реакцией на психологический дискомфорт при этом нередко становится аутоагрессия, одной из разновидностей которой является нервная булимия — болезненные приступы переедания.

Конфликт мотивации самосохранения и альтруистической мотивации (второй контрапункт этой оппозиции) может возникнуть в том случае, когда реальная угроза своей жизни может заставить забыть о других или, напротив, когда необходимость защиты других может приводить к самопожертвованию. (Родители защищают потомство, невзирая на угрозу своей жизни, в сражении герой закрывает своим телом товарища.)

Конфликт третьего контрапункта оппозиции антропоцентрического и социоцентрического видов мотивации (рис. 2, поз. 3) может возникнуть в ситуации творческого порыва или максимально напряженной деятельности, когда человек временно утрачивает интерес к получению новой и даже нужной информации, поскольку она может помешать завершению его труда.

Обратная сторона такого конфликта может проявиться, например, в том, что увлеченный чтением интересной книги или погруженный в изучение важной для него проблемы

человек временно уходит в себя, испытывает раздражение от кажущихся ему пустыми разговоров с окружающими и необходимости выполнять кажущуюся теперь рутинной привычную работу.

Конфликт нравственной мотивации и мотивации сохранения «Я», или конфликт четвертого контрапункта этой оппозиции, характерен для состояния человека, находящегося в перевозбужденной толпе, где происходит утрата уникального психологического «Я» личности. Другой вариант этого конфликта представляет ситуация, в которой болезненное повышение мотивации сохранения «Я» ведет к деградации нравственных устоев личности. Такая ситуация иногда возникает при социальной дезадаптации в пожилом возрасте или как проявление звездной болезни.

Оппозиция мотиваций развития и сохранения

Оппозиция мотиваций развития и сохранения относится к системным формам мотивации, направленным на увеличение числа элементов или снижение энтропии системы. В ее основе лежит не конфликт, а, скорее, связка дополняющих друг друга видов мотивации.

Первый контрапункт оппозиции мотивации развития и сохранения (рис. 3, поз. 1) отражает соотношение мотивации самосохранения и витальной мотивации. В животном

Рис. 3. Оппозиция видов мотивации развития и сохранения

мире существует баланс инстинктивных побуждений, направленный на выживание особи. Действие витального инстинкта (поиска пищи) ограничивается инстинктом самосохранения (например, даже очень голодный хищник не станет нападать на более сильное животное, способное нанести ему серьезные травмы или убить). У современного человека столкновение мотивации самосохранения и витальной мотивации возможно лишь в экстремальных условиях. При этом витальная активность, как и у животных, может быть заблокирована необходимостью самосохранения.

Второй контрапункт оппозиции мотивации развития и сохранения (рис. 3, поз. 2) представляет соотношение, или связку, репродуктивной и альтруистической мотиваций. Репродуктивное поведение теряет смысл в случае гибели рожденного потомства, поэтому репродуктивные инстинкты у животных тесно связаны с инстинктом заботы о потомстве. Гармоничное сочетание репродуктивной и альтруистической мотивации у человека преследует ту же цель выживания вида.

Третий контрапункт этой оппозиции отражает связку познавательной мотивации и мотивации сохранения «Я» (рис. 3, поз. 3). Стремление к развитию личности сочетается со стремлением к сохранению ее структуры. Чем больше мы знаем, тем более открыты для получения новой информации, поскольку уверены, что никакая информация не может

заставить нас изменить мнение о самих себе. В то же время человек с ограниченными знаниями и кругозором нередко испытывает раздражение при получении непривычной информации (например, слушая классическую музыку), поскольку такая информация обнажает недостатки его образования и может снижать самооценку. Конфликт в этой связке мотиваций редко бывает выражен в юности, когда недостаток тех или иных знаний лишь стимул для их приобретения. Однако для зрелой личности в старших возрастных группах фиксация своей несостоятельности всегда протекает болезненно.

Наконец, в четвертом контрапункте этой оппозиции (рис. 3, поз. 4) связка мотиваций самореализации и нравственности, подобно связке «репродукция – альтруизм», чаще всего представляет собой сочетание дополняющих друг друга тенденций. Создание новых элементов социальной макросистемы имеет своим логическим продолжением необходимость защитить эту систему и сохранить в ней порядок. Личность с высоким уровнем самореализации, эффективно создающая новые элементы социальной системы, осознает себя частью этого социума и закономерно имеет высокий уровень нравственной мотивации по отношению к этому социуму.

В ряде случаев, однако, возникает кажущееся противоречие: самореализованная, творческая личность отказывается признавать и поддерживать ценности общества (страны,

государства), которому она формально принадлежит. Для большинства общества такая позиция может казаться проявлением безнравственности. Причина здесь кроется в различиях при определении для себя релевантного социума большинством и отдельной личностью. Для большинства релевантный социум — это и есть территориальная, культурная, политическая и экономическая общественная система, называемая государством. Сохранение ее внутреннего единства и защита от внешних посягательств рассматривается как важнейший нравственный императив, несмотря на любые несогласия с осуществлением тех или иных функций этой системы.

Но для отдельной личности релевантным социумом может оказаться либо какая-то отдельная часть этого общества, обладающая особым положением и приверженная столь же особым ценностям, либо, напротив, суперсоциум (например, все человечество), обладающий в понимании этой личности иным набором ценностей. Подобный конфликт смыслов часто возникает между представителями творческой интеллигенции и большинством той общественной среды, в которой они живут. При этом творческая личность может быть убеждена, что создает новые элементы

и стремится к сохранению порядка именно в этом релевантном для нее социуме, по отношению к которому она занимает безусловно нравственную позицию.

Заключение

Выделение трех системных видов мотивационной оппозиции (биологической и социальной, антропоцентрической и социоцентрической, развития и сохранения порядка) и соответствующих им контрапунктов конкретных видов мотивации представляет собой схему качественной интерпретации количественных данных, получаемых посредством методики определения мотивационного профиля личности (СПМ). Выявление с помощью методики СПМ доминирующих видов мотивации и образованной ими ведущей мотивационной оппозиции позволяет определить область возможных внутриличностных конфликтов и предложить пути их рационального преодоления.

Таким образом, описанный способ аналитического исследования мотивации открывает новые возможности для системной психологической диагностики и коррекции.

Литература

1. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2014. 512 с.
2. **Кутгер П., Мюллер Т.** Психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. М.: Когито-Центр, 2011. 384 с.
3. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 345 с.
4. **Маслоу А.** Новые рубежи человеческой природы. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн; Смысл, 2011. 496 с.
5. **Ричи Ш., Мартин П.** Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.
6. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
7. **Фрейд З.** Введение в психоанализ. СПб.: Алетейя, 2005. 437 с.
8. **Хекхаузен Х.** Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
9. **Ashton M. C.** Individual differences and personality. 3-d ed., London: Academic Press, 2018. 404 p.
10. **Deckers L.** Motivation: Biological, psychological, and environmental. 4th ed. Boston, MA: Allyn & Bacon; Альпина нон-фикшн, 2014. 463 p.
11. **Gollwitzer P. M., Oettingen G.** Motivation and actions, psychology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed. 2015. Vol. 15. P. 887–893. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.26040-6
12. **Hauser D. J., Preston S. D., Stansfield R. B.** Altruism in the wild: When affiliative motives to help positive people overtake empathic motives to help the distressed // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. Vol. 143. № 3. P. 1293–1305.

13. **Le B. M., Impett E. A., Lemay E. P., Muise A., Tskhay K. O.** Communal motivation and well-being in interpersonal relationships // An Integrative Review and Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. 2018. Vol. 144. № 1. P. 1–25.
14. **Miele D. B., Scholer A. A.** The role of metamotivational monitoring in motivation regulation // *Educational Psychologist*. 2018. № 53 (1). P. 1–21.
15. **Musek J.** The general factor of personality. London: Academic Press, 2017. 330 p.
16. **Nuckcheddy A.** The effect of personality on motivation and organisational behaviour // *Psychology and Behavioral Science*. 2018. Vol. 9. Issue 2. May 2018. URL: <https://juniperpublishers.com/pbsij/PBSIJ.MS.ID.555760.php> DOI: 10.19080/PBSIJ.2018.09.555760
17. **Parks-Leduc L., Feldman G., Bardi A.** Personality traits and personal values: a meta-analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2015. Feb. № 19 (1). P. 3–29. DOI: 10.1177/1088868314538548
18. Why people do the things they do: Building on Julius Kuhl's contributions to the psychology of motivation and volition / by ed. N. Baumann, M. Kazén, M. Quirin, S. L. Kool. Boston: Hogrefe Publishing, 2018. 430 p.
19. **Zeigler-Hill V., Vrabel J. K., Sauls D., Lehtman M. J.** Integrating motivation into current conceptualizations of personality // *Personality and Individual Differences*. 2019. № 147. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.paid.2019.04.019

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.1

THE SYSTEM OF MOTIVATIONAL OPPOSITIONS AS THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL INDIVIDUALITY¹

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow,
RyzhovBN@mgpu.ru

The article is devoted to the description of three motivational oppositions underlying the in-depth psychodiagnostics of personality. Modern system psychology identifies eight types of motivation, each of which meets three complementing each other binary criteria.

The first criterion is related to the systemic form of motivation, which represents either the tendency of the system development that meets the requirement of increasing the number of its elements; or the tendency to preserve the order (decrease in entropy) of the system. The second is related to the systemic level of the object, the development or preservation of which the motivation is aimed at. It can be an individual and a person, that corresponds to the central level of a living system; or a species and a society, that corresponds to the macrosystem level. The third criterion is related to the type of known forms of life: biological or social, on the continuation of oppositions, each of which is divided into four parts to which the motivation is directed. These criteria are the basis of three motivational counterpoints, in which a pair of motivation types coinciding in two criteria, differs in the third.

The identification of three systemic types of motivational opposition and the corresponding counterpoints of specific types of motivation is a scheme for the qualitative interpretation of quantitative data obtained by the method of determining the motivational profile of a person (SPM). The identification of the dominant types of motivation and the leading motivational opposition formed by them using the SPM technique allows us to determine the area of possible intra-personal conflicts and suggests ways to overcome them rationally.

Thus, the described method of analytical study of motivation opens up new opportunities for systemic psychological diagnosis and correction.

Keywords: system psychology; motivation; motivational opposition; motivational counterpoint; motivational conflict; individual and species; personality and society; development and preservation.

For citation: Ryzhov B. N. The system of motivational oppositions as the basis of psychological individuality // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 5–21. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.1

Ryzhov Boris Nikolaevich, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Practical Psychology, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City Pedagogical University, Moscow.

E-mail: *RyzhovBN@mgpu.ru*

ORCID: 0000-0001-8848-3622

¹ Перевод статьи на английский язык выполнен А. А. Волковой, кандидатом педагогических наук, профессором кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета.

The article was translated into English by A. A. Volkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University.

Introduction

The composition or hierarchy of motivational tendencies forms the basis of the motivational core of a person's personality. This idea is expressed in the context of the theory of activity developed by A. N. Leontiev [3: p. 247]. This is also indicated by many modern researchers, including V. Zeigler-Hill [19], L. Dekers [10: p. 38], P. M. Gollwitzer [11], E. Nakcheddi [16] and others. The disclosure of regularities of the motivation structure formation is a necessary condition for understanding the personality [1: p. 28; 14; 17]. The essence of motivation is often reduced to meeting a person's needs [5: p. 12; 18: p. 55]. At the same time a number of motivational concepts provides certain mechanisms underlying the hierarchical disposition of motivation types.

Freud, as we know, has seen these mechanisms in contradiction of the requirements of the biological "It" and social "I" [2: p. 186; 7: p. 42]. H. Heckhausen — in the opposition between achievement motivation and avoidance [8: p. 218]. Maslow — in subordination of "higher" forms of motivation to "lower" ones² [4: p. 137].

Systems psychology rationalizes these views, highlighting their systemic nature and thus turning them into three complementary binary criteria.

The first of them is related to the system form of motivation, which is either the tendency of the system development that meets the requirement of increasing the number of its elements; or the tendency to preserve the order (decrease in entropy) of the system.

The second is related to the system level of the object, the development or preservation of which the motivation is aimed at. It can be an individual and a person, that corresponds to the central level of a living system; or a species and a society, that corresponds to the macrosystem level.

Finally, the third criterion is related to the type of life form known to us — biological or social, the continuation of which is directed by motivation.

The application of three criteria forms eight possible combinations of the resulting trends, or corresponding types of motivation: vital (the development of the biological system of the individual), cognitive (the development of the social system of the individual), reproductive (the development of biological systems), self-actualization (the development of the social system of the society), moral (the preservation of order in the social system of the society), altruistic (the preservation of order in the biological system of the form), preservation of Ego (preservation of order in the social system of the individual) and self-preservation (preservation of order in the biological system of the individual) [6: p. 141].

At the same time, the criteria identified by system psychology are the basis of three motivational oppositions (the opposition of biological and social types of motivation; the opposition of anthropocentric, individual-personal and collectivist or sociocentric types of motivation; the opposition of motivation for development and preservation of order), each of which is divided into four particular counterpoints, in which a pair of motivation types coinciding in two criteria, differs in the third.

For those types of motivation that have acquired a dominant position in the motivational profile of the individual, these oppositions become an important marker of psychological individuality, helping to discover the causes of many hidden personal conflicts.

The opposition of biological and social types of motivation

Motivational oppositions are often based on mutually exclusive trends arising from the biological or social orientation of various types of motivation, so that this opposition is more often a cause of acute intrapersonal conflicts. The opposition to biological and social forms of motivation, breaks down into four private counterpoints, in each of which a pair of types of motivation matches the criteria of the system form and the system level of motivation, but differs in its biological or social orientation. They include:

² Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. № 50 (4). P. 370–396.

1. The opposition of vital motivation and motivation of cognition (motivation of development of the individual or personality);

2. The opposition of reproductive motivation and motivation of self-realization (motivation of development of the macrobiological system of the species or the macro-social system of society);

3. The opposition of altruistic motivation and moral motivation (motivation to preserve the macro-logical system of the species or the macro-social system of society);

4. Contrasting the motivation of self-preservation and the motivation of preserving the Ego (the motivation of preserving the individual or personality).

A graphical diagram of the opposition of biological and social types of motivation is shown in figure 1.

to visit many interesting places, another, on the contrary, will spend a holiday on the beach with great pleasure, not interested in excursions in which he would be deprived of the usual comfort.

The intensity of the motivational conflict increases as the intensity levels of the opposing types of motivation come closer.

In case if the intensity of one of them prevails, the stress of the conflict may be absent even in an objectively extreme situation. The example of this is given by I. P. Pavlov, who gave his meat ration to laboratory dogs in the famine of 1918. The interest of the researcher in him clearly prevailed over the natural need for good nutrition. A well-known remark of this famous physiologist and great worker that he never worked in his life, but only satisfied his curiosity, is very significant. There are also many tragic cases when a researcher died while conducting a very interesting

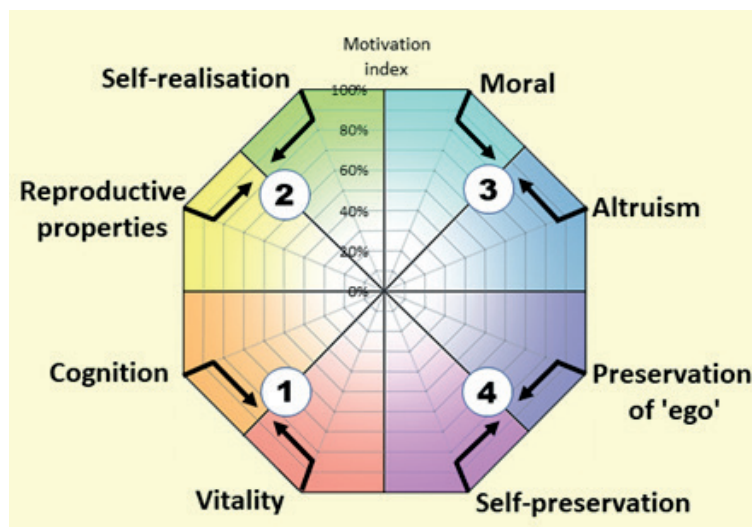

Fig. 1. The opposition of biological and social types of motivation

The first counterpoint of this scheme (fig. 1, pos. 1) represents the opposition of vital and cognitive motivation. The conflict of interests caused by this opposition most often occurs in youth, when the material resource of a person is still very low, and spiritual interests on the contrary are strong and diverse. In this situation, one person puts off getting an education “for later”, because first of all it is necessary to “earn a living”; and the other prefers the life of a poor student.

At an older age, one person chooses a tourist route associated with constant travel, but promising

but dangerous experiment (physicist G. Rikhman, biologist A. N. Bogdanov, etc.).

The second counterpoint of the opposition of biological and social types of motivation (fig. 1, pos. 2), which is the contradiction between the motivation of self-realization and reproduction, is more often the basis of intrapersonal conflict between young and adult age. One woman refuses to continue her career because of the birth of children, another, on the contrary, makes a brilliant career, delaying the creation of a family and the birth of offspring until the birth of healthy

offspring becomes problematic due to natural age restrictions.

A beautiful poetic description of this conflict was given by M. Y. Lermontov: “Who knows, maybe those moments that passed at your feet, I took away from inspiration! and what did you replace them with?” — he writes to his beloved N. F. Ivanova in the famous poem “К*”, and continues: “Perhaps, being convinced by the thought of heaven and the power of the spirit, I would give the world a wonderful gift, and for that he would give me immortality?”³.

Many creative personalities experienced a painful conflict between the desire for self-realization and reproductive tendencies. Gustave Flaubert was indignant that Guy de Maupassant, whom he treated like a son, did not work enough because of his endless love stories. Sometimes he locked a famous writer in a room, making it a condition that he would let him go on another date only after presenting a new story.

Sublimation is a clear example of the victory of self-realization over reproductive impulses. It is highly likely that in developing the doctrine of psychological defense mechanisms, the founder of psychoanalysis used his experience, including the painful disappointment which he experienced in his youth (as you know, not having finished studies on the influence of cocaine on mucous membranes, he went on a honeymoon, and upon their return learned that his colleague had finished Z. Freud’s work and collected all the laurels.

At the same time, when we speak about the relationship between self-realization and other types of motivation, a very important aspect is what the motivation for self-realization is mainly aimed at — the desire to create a truthful image or to reveal the objective laws of the surrounding world, or to achieve self-affirmation, to imprint your subjective “I” in others. For a creative person, this is a matter of prioritizing art or science as such, or solving the problem “I am in art” and “I am in science”.

In cases when the priority of the individual becomes the service to science or art, the sublimation can take extreme forms, up to the almost

complete blockade of reproductive aspirations, an example of which can be found in the lives of Plato, Isaac Newton and Immanuel Kant. But in cases when the desire for personal self-affirmation prevails, successful self-realization often causes a surge in reproductive activity. Winning a battle or an important competition often leads to sexual excesses (the male sex hormone testosterone is sometimes called the “victory hormone”). High sexual activity is characteristic of many actors, poets and other representatives of creative professions who have become idols for their many fans.

On the basis of the third counterpoint of the opposition of biological and social types of motivation (fig. 1, pos. 3) there is a conflict of moral and altruistic motivation. Classical examples of such a conflict ending in the victory of the moral impulse are Gogol’s Taras Bulba, who kills his traitorous son, or historical figures — the first consul of ancient Rome, Lucius Brutus, who ordered the execution of sons convicted of treason, or Stalin, to whom the rumor attributes the words: “I don’t exchange soldiers for marshals”⁴. However, as the modern judicial practice of considering offenses committed by children of high-ranking parents shows, the altruistic impulse wins much more often in this dispute of motivations.

The fourth counterpoint of the opposition of biological and social types of motivation (fig. 1, pos.4), is the contradiction of the motivation of self-preservation and preservation and saving the “I”. An example of such a contradiction is the situation of a dilemma with a clash of a group of aggressive hooligans. To fight back and “save face” — this behavior can be associated with a threat to health and even life. To submit to insolent demands is to “lose face”.

⁴ After the victory of the Red Army in the Battle of Stalingrad, the German leadership, according to the testimony of S. I. Allilueva, offered to exchange the captured Field Marshal Friedrich Paulus for Stalin’s son, senior lieutenant Jacob Dzhughashvili, who was captured at the beginning of the war, but Stalin did not consider this proposal (*Allilueva S. I. Twenty letters to a friend. M.: Book, 1989. 216 p.*). Soon, Yakov Dzhughashvili was killed in the Sachsenhausen concentration camp.

³ *Lermontov M. Yu. Poems. Poems. M.: White City, 2019. 464 p.*

Moral norms in such a conflict of motivations almost always stand on the side of protecting the individual, calling self-preservation at the cost of “losing face” a cowardly act. The one who died for his honor remains alive in the memory of other people, the name of the faint-hearted disappears with him.

The opposition to the anthropocentric and the sociocentric forms of motivation

This opposition is based on the fact that a person belongs to two levels of organization of living systems. On one of them, a person appears as an integral system — an individual and a person, and on the other as an element of a supersystem — a species and a society. Unlike the opposition of biological and social types of motivation, this opposition is often positive in nature, and the types of motivation that form it complement each other. At the same time, under unfavorable conditions for the implementation of one type of motivation, the corresponding other type of motivation is also completely or partially blocked. This is especially evident in the biological types of motivation.

The first counterpoint of the opposition of anthropocentric and sociocentric types of motivation (fig. 2, pos. 1), reflects the ratio of reproductive and vital motivation or trends in the development of the biological system at the level of species and individual. In humans, as in most animals, these two types of motivation have a close correlation. Failure in love leads to loss of appetite. And conversely, difficulties in the implementation of vital motivation leads to a decrease in reproductive motivation.

The second counterpoint (fig. 2, pos. 2) represents the ratio of self-preservation motivation and altruistic motivation aimed at preserving one's species. The desire to protect your body from dangers in most cases is combined with a similar desire in relation to others. At the same time, the threat of a common danger causes both humans and animals to unite and react to the threat to other members of the group as a threat to themselves. This trend also persists for social types of motivation.

The third counterpoint of the opposition of anthropocentric and sociocentric types of motivation (fig. 2, pos. 3) is formed by the ratio of cognitive motivation and self-realization motivation. The desire for subjective self-development and cognition leads to the disclosure of human laws and features of the surrounding world. Alienating from the subject-producer when communicating with other members of society or in the form of a product of activity, this information is objectified, becoming an element of public knowledge. Thus, the development of cognitive motivation naturally contributes to self-realization.

Creative individuals always have a high cognitive potential. However, creative failures often lead to apathy and unwillingness to learn anything new. At the same time limitations in the implementation of cognitive motivation (for example, in conditions of forced isolation) in most people lead to a decrease of self-realization motivation.

Similar combined dynamics is specific to moral motivation and motivation of preserving the Ego, which form the last, fourth counterpoint in this opposition (fig. 2, pos. 4). A person with a high moral potential has a natural respect for his personality. But those who are forced by circumstances to sacrifice their moral principles stop respecting themselves. Likewise, a person who has lost the contact with society, who has become an outcast in this society, rarely manages to maintain the same level of self-esteem.

The motivational conflict in this opposition usually occurs only in extreme cases. Thus, the conflict of reproductive and vital motivation (the first counterpoint) can occur during prolonged deprivation of reproductive impulses. In this case autoaggression, one of the varieties of which is bulimia — painful bouts of overeating, often becomes the reaction to a psychological discomfort. The conflict of self-preservation motivation and altruistic motivation (the second counterpoint of this opposition) can arise when a real threat to one's life can make one forget about others or, on the contrary, when the need to protect others can lead to self-sacrifice. (Parents protect their offspring despite the threat to their lives, in a battle the hero covers his friend with his body.)

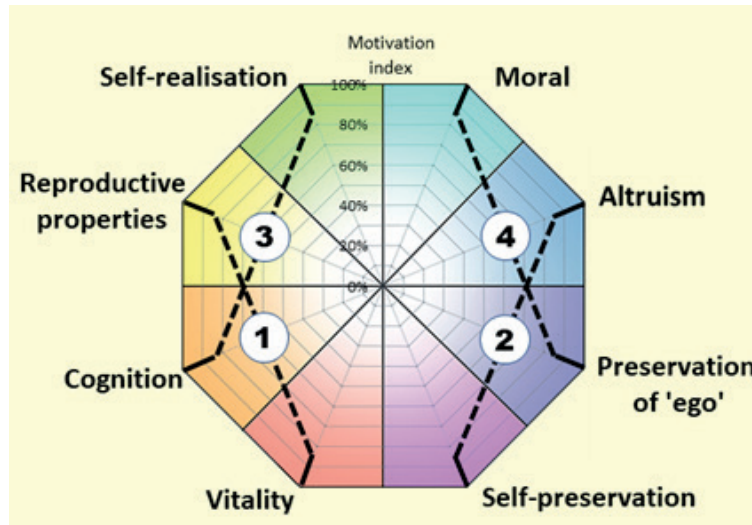

Fig. 2. The opposition to the anthropocentric and the sociocentric forms of motivation

The conflict of the third counterpoint of the opposition of the anthropocentric and sociocentric types of motivation (fig. 2, pos. 3) can occur in a situation of a creative impulse or extremely intense activity, when a person temporarily loses interest in obtaining new and even necessary information, as it can prevent from the completion of his work.

The reverse side of such a conflict may occur, for example, in the situation when a person is keen on reading interesting books or immersed in the study of important problems, temporarily “withdraws into himself” experiencing the irritation from seemingly idle talk with others and the need to run apparently routine everyday work.

The conflict of moral motivation and the motivation of preserving the Ego or the conflict of the fourth counterpoint of this opposition is specific to the state of a person who is in an overexcited crowd, where there is a loss of the unique psychological “I” of the individual. Another variant of this conflict is the situation in which a painful increase in the motivation of preserving the Ego leads to the degradation of the moral foundations of the individual. This situation sometimes occurs with social maladaptation in an old age or as the manifestation of “a star disease”.

The opposition to development and conservation motivation

This is the opposition of systemic forms of motivation aimed at increasing the number of elements or reducing the entropy of the system. It is not based on the conflict, but rather the combination of complementary types of motivation.

The first counterpoint of the opposition to the motivation of development and preservation (see fig. 3, pos. 1), reflects the ratio of self-preservation motivation and vital motivation. In the animal world, there is a balance of instinctive drives aimed at the survival of the individual. The action of the vital instinct (search for food) is limited by the instinct of self-preservation (for example, even a very hungry predator will not attack a stronger animal that can cause serious injury or kill it). Modern man has the clash of self-preservation motivation and vital motivation only in extreme conditions. In this case, vital activity, as in animals, can be blocked by the need for self-preservation.

The second counterpoint of the opposition to the motivation of development and preservation (see fig. 3, pos. 2), represents the ratio or bundle of reproductive and altruistic motivation. Reproductive behavior loses its meaning in the event of the death of the born offspring. Therefore, the reproductive instincts of animals are closely related to the instinct of caring

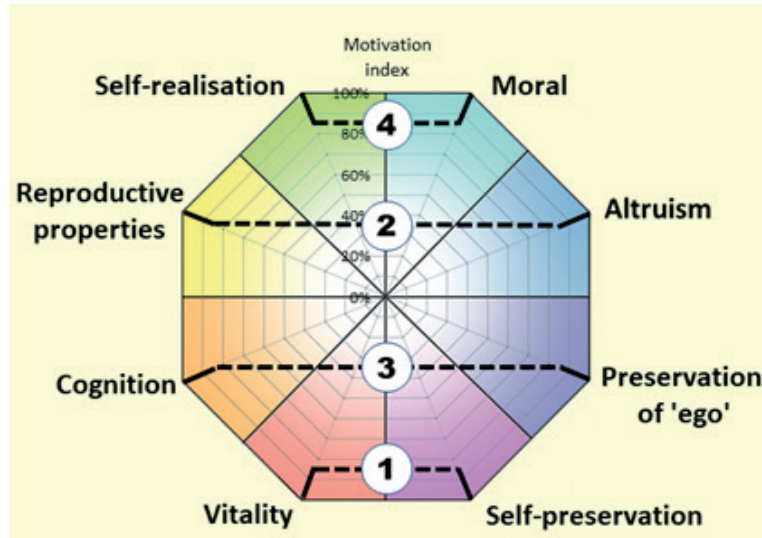

Fig. 3 Opposition of types of motivation for development and preservation

for offspring. The harmonious combination of reproductive and altruistic motivation in humans pursues the same goal of species survival.

The third counterpoint of this opposition reflects the combination of cognitive motivation and the motivation of preserving the Ego (fig. 3, pos. 3). The desire for personal development is combined with the desire to preserve its structure. The more we know, the more open we are to new information, because we are sure that no information can make us change our opinion of ourselves. At the same time, a person with limited knowledge and horizons often feels irritated when receiving unusual information (for example, listening to classical music) because such information exposes shortcomings of his education and can reduce his self-esteem. The conflict in this bundle of motivations is rarely expressed in youth, when the lack of certain knowledge is only an incentive for its acquisition. However, for a mature person in older age groups, fixing their insolency is always painful.

Finally, in the fourth counterpoint of this opposition (fig. 3, pos. 4), the bundle of motivations for self-realization and morality, like the bundle of reproduction — altruism, is most often a combination of complementary trends. Logical continuation of the creation of new elements of the social macrosystem is the concern for the protection of this system and the preservation of order in it. A person with a high level of self-realization, effectively creating

new elements of the social system, is aware of himself as a part of this society and naturally has a high level of moral motivation in relation to this society.

In some cases, however, there is an apparent contradiction: a self-realized, creative person refuses to recognize and support the values of the society (country, state) to which he formally belongs. For the majority of society, such a position may seem to be a manifestation of immorality. The reason for this lies in the difference in the definition of a relevant society by the majority and an individual. For the majority, the relevant society is the territorial, cultural, political and economic social system called the state. The preservation of its internal unity and protection from external encroachments is considered to be the most important moral imperative, despite any disagreement with the implementation of certain functions of this system.

But for the individual the relevant society may be a kind of a separate part of this society, with its special position committed to special values or, on the contrary, supersocium (e. g., all humanity) possessing from the point of view of that person a different set of values. Such a conflict of meanings often arises between representatives of the creative intelligentsia and the majority of the social environment in which they live. At the same time, a creative person can be convinced that it creates new elements and strives

to preserve order in this particular society, relevant to it, in relation to which it takes an absolutely moral position.

Conclusion

The identification of three systemic types of motivational opposition (biological and social, anthropocentric and sociocentric, development and preservation of order) and corresponding counterpoints of specific types of motivation is

a scheme of qualitative interpretation of quantitative data obtained by the method of determining the motivational profile of a person (SPM). The identification of the dominant types of motivation and the motivational opposition formed by them using the SPM technique allows us to determine the area of possible intra-personal conflicts and suggests ways to overcome them rationally. Thus, the described method of analytical study of motivation opens up new opportunities for systemic psychological diagnosis and correction.

References

1. **Ил'ин Е. П.** Motivaciya i motivy` [Motivation and motives]. SPb.: Piter, 2014. 512 p.
2. **Kutter P., Myuller T.** Psixoanaliz. Vvedenie v psixologiyu bessoznatel'ny`x processov [Psychoanalysis. Introduction to the psychology of unconscious processes]. M.: Kogito-Centr, 2011. 384 p.
3. **Leont'ev A. N.** Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Smy'sl, Akademiya, 2005. 345 p.
4. **Maslou A.** Novy'e rubezhi chelovecheskoj prirody` [New frontiers of human nature]. 2-e izdanie. M.: Al'pina non-fikshn, Smy'sl, 2011. 496 p.
5. **Richi Sh., Martin P.** Upravlenie motivaciej: ucheb. posobie dlya vuzov [Motivation Management: Study Manual for Universities]. M.: YuNITI-DANA, 2004. 399 p.
6. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems Psychology]. M.: T8: Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
7. **Frejd Z.** Vvedenie v psixoanaliz [Introduction to psychoanalysis]. SPb.: Aletejya, 2005. 437 p.
8. **Hekxaufen H.** Motivaciya i deyatel'nost` [Motivation and activity]. 2-e izd. SPb.: Piter; M.: Smy'sl, 2003. 860 p.
9. **Ashton M. C.** Individual differences and personality. 3-d ed., London: Academic Press, 2018. 404 p.
10. **Deckers L.** Motivation: Biological, psychological, and environmental. 4th ed. Boston, MA: Allyn & Bacon; Al'pina non-fikshn, 2014. 463 p.
11. **Gollwitzer P. M., Oettingen G.** Motivation and actions, psychology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed. 2015. Vol. 15. P. 887–893. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.26040-6
12. **Hauser D. J., Preston S. D., Stansfield R. B.** Altruism in the wild: When affiliative motives to help positive people overtake empathic motives to help the distressed // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. Vol. 143. № 3. P. 1293–1305.
13. **Le B. M., Impett E. A., Lemay E. P., Muise A., Tskhay K. O.** Communal motivation and well-being in interpersonal relationships // An Integrative Review and Meta-Analysis. Psychological Bulletin. 2018. Vol. 144. № 1. P. 1–25.
14. **Miele D. B., Scholer A. A.** The role of metamotivational monitoring in motivation regulation // Educational Psychologist. 2018. № 53 (1). P. 1–21.
15. **Musek J.** The general factor of personality. London: Academic Press, 2017. 330 p.
16. **Nuckcheddy A.** The effect of personality on motivation and organisational behaviour // Psychology and Behavioral Science. 2018. Vol. 9. Issue 2. May 2018. URL: <https://juniperpublishers.com/pbsij/PBSIJ.MS.ID.555760.php> DOI: 10.19080/PBSIJ.2018.09.555760
17. **Parks-Leduc L., Feldman G., Bardi A.** Personality traits and personal values: a meta-analysis // Personality and Social Psychology Review. 2015. Feb. № 19 (1). P. 3–29. DOI: 10.1177/1088868314538548
18. Why people do the things they do: Building on Julius Kuhl's contributions to the psychology of motivation and volition / by ed. N. Baumann, M. Kazén, M. Quirin, S. L. Kool. Boston: Hogrefe Publishing, 2018. 430 p.
19. **Zeigler-Hill V., Vrabel J. K., Sauls D., Lehtman M. J.** Integrating motivation into current conceptualizations of personality // Personality and Individual Differences. 2019. № 147. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.paid.2019.04.019

УДК 159.9.07

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.2

СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ПОЖИЛОМ И ПРЕКЛОННОМ ВОЗРАСТЕ

Е. С. Романова,
МГПУ, Москва,
RomanovaES@mgpu.ru,

Н. Г. Сомова,
МОЦРИ, Королёв,
Somovang@mail.ru

Статья посвящена системному исследованию компонентов качества жизни в пожилом и преклонном возрасте. Проведена оценка современного понимания понятия «качество жизни». Целью работы является определение факторов, оказывающих влияние на уровень качества жизни в пожилом и преклонном возрасте. Системное исследование затрагивает такие компоненты качества жизни, как тревога, депрессия, агрессия, общее психологическое благополучие. Системно-психологический анализ компонентов качества жизни позволяет рассмотреть потребности, возникающие в пожилом и преклонном возрасте через призму системного единства, и предлагает качественно новое восприятие эмоциональных переживаний, характерных для данного периода.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2019 г. на базе Московского областного центра реабилитации инвалидов с участием 39 получателей услуг — лиц пожилого и преклонного возраста. Проведено сравнение показателей качества жизни лиц, проходящих реабилитационные мероприятия в центре социального обслуживания, с показателями качества жизни лиц, получающих услуги социального обслуживания на дому.

В ходе системного исследования было выявлено, что показатели психологического и физического компонентов здоровья среди лиц, посещающих реабилитационные мероприятия, превышают показатели лиц, получающих уход на дому. Кроме того, среди лиц, обслуживаемых на дому, выявлен повышенный уровень тревожности и депрессии, что свидетельствует о более низком показателе качества жизни по сравнению с лицами, получающими услуги социальной реабилитации в центре социального обслуживания. Исходя из полученных данных сделан вывод, что качество жизни является сложным системным конструктом, включающим как индивидуально-психологические характеристики личности, так и возможности установления прочных социальных связей в пожилом и преклонном возрасте.

Ключевые слова: системно-психологический анализ; системная периодизация; качество жизни; пожилой возраст; преклонный возраст; депрессия; агрессивность; тревожность; физический компонент здоровья; психологический компонент здоровья.

Для цитаты: Романова Е. С., Сомова Н. Г. Системное исследование качества жизни в пожилом и преклонном возрасте // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 22–33. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.2

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Сомова Наталья Геннадьевна, директор Московского областного центра реабилитации инвалидов, Королёв.

E-mail: Somovang@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4160-4711

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.2

SYSTEM RESEARCH OF THE LIFE QUALITY IN THE ELDERLY AND OLD AGE

E. S. Romanova,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru,

N. G. Somova,

MRCRD, Korolev,

Somovang@mail.ru

The article is devoted to a systematic study of the quality of life components in the elderly and old age. The assessment of the modern understanding of the concept of “quality of life” is carried out. The aim of this work is to determine the factors affecting the quality of life in the elderly and old age. The system study touches upon such quality of life components as anxiety, depression, aggression, and general psychological well-being. The system-psychological analysis of the quality of life components allows us to consider the needs that arise in the elderly and old age through the prism of system unity and offers a qualitative new perception of emotional experiences characteristic of this period.

The article presents the results of the study conducted in 2019 on the basis of Moscow regional center for rehabilitation of disabled people with the participation of 39 recipients of elderly and old people.

The quality of life indicators of elderly and old people receiving social rehabilitation services in the center of rehabilitation for the elderly people with the indicators of the quality of life of those who are taken care at home were compared.

In the course of a systematic research, it was revealed that the indicators of the psychological and physical health components among people who attend rehabilitation activities in the social service center exceed the indicators of people who are taken care at home. There is also an increased level of anxiety and depression among people who are served at home, which indicates a lower quality of life compared to elderly and old people who receive social rehabilitation services in the center. Based on the data obtained, it is concluded that the quality of life is a complex system construct that includes both individual psychological characteristics of a person and the ability of establishing strong social ties in the elderly and old age.

Keywords: systems analysis; old age; activity; satisfaction; quality of life; aging; meaning of life; social quality; psychological well-being.

For citation: Romanova E. S., Somova N. G. System research of the life quality in the elderly and old age // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 22–33. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.2

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of General and Practical Psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Somova Natalya Gennadievna, Director of the Moscow Regional Center for Rehabilitation of Disabled People, Korolev, Russia.

E-mail: Somovang@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4160-4711

Введение

Увеличение продолжительности жизни населения приводит к возникновению интереса к поиску путей замедления темпов старения с целью улучшения качества жизни в пожилом и преклонном возрасте. Рост доли пожилых людей становится мировой демографической тенденцией, бросая новый вызов современному обществу.

Исследование компонентов качества жизни в пожилом и преклонном возрасте нацелено на определение факторов, оказывающих влияние на уровень социально-психологической адаптации к возрастным изменениям. Системная оценка компонентов качества жизни позволяет рассмотреть потребности, возникающие в пожилом и преклонном возрасте через призму системного единства, и предлагает качественно новое восприятие эмоциональных переживаний личности.

Современные подходы к пониманию категории «качество жизни»

На сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию термина «качество жизни», при этом можно увидеть общую системную тенденцию в эволюции данного понятия [12].

Изначально понятие «качество жизни» связывалось с обеспечением прав человека и включало в себя следующие показатели: наличие работы, величина дохода, гарантирующего определенный уровень благосостояния, качество образования, медицинского обслуживания и других социальных услуг. Затем добавились экологические вопросы, такие как благоустроенность городского пространства, качество окружающей среды. Еще более широкую интерпретацию понятие «качество жизни» получает в дальнейшем, включая в себя состояние физического здоровья, психологическое самочувствие, оптимизацию условий труда, возможность участия в принятии жизненно важных решений, а также использование экономических, политических и социальных свобод.

В научный оборот категория «качество жизни» была введена Дж. Гэлбрейтом

в 60-х гг. XX века. Качество жизни определялось через экономические показатели как возможность потребления благ и услуг характерных для того или иного образа и стиля жизни. Начиная с середины 90-х годов прошлого столетия содержание понятия «качество жизни» было переосмыслено [3].

В настоящее время категория «качество жизни» рассматривается как новая цивилизационная парадигма развития современного человечества, не сводимая только лишь к биомедицинским параметрам, так как ее осмысление возможно через совокупность биологического, психологического, социального, а также духовного понимания здоровья [4: с. 4; 11]. Качество жизни оказывает влияние на все сферы деятельности человека, определяя общий уровень удовлетворенности и степень продуктивности [10].

В рамках различных направлений сформировались два подхода к изучению качества жизни, один из которых определяется как глобальное моделирование, связанное с экономической составляющей, и второй — как субъективное качество жизни, связанное с психологическим благополучием [21]. Показатели качества жизни можно разделить на три группы: субъективные, экзистенциальные, объективные.

Следуя концепции «ощущаемого качества жизни», его оценка требует рассмотрения таких категорий, как «счастье» и «удовлетворенность» [1: с. 16]. С. Любомирски и Х. Леппер выдвинули предположение, что уровень субъективного счастья человека определяется тремя основными факторами: генетическими, социальными, а также включенностью в определенную сферу деятельности [17]. Данная модель находит отражение в формуле счастья М. Селигмана, согласно которой постоянный уровень счастья является суммой установленного наследственного уровня счастья, жизненных обстоятельств и факторов, которые можно контролировать и которыми можно управлять [14: с. 54].

Психологическое благополучие является результатом динамического процесса, сконфигурированного как отношение к самопринятию, самоуважению, автономии, контролю над окружающей средой и как личностный

рост и установление позитивных отношений [22: с.105].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, психического и социального благополучия. Данное определение соответствует интегративной модели понимания качества жизни, приверженцами которой являются А. А. Новик, Г. М. Зараковский, М. Алонсо [4: с. 80]. Благодаря интегративной модели можно изучить физическое, психическое, а также социальное состояние человека [8: с. 11].

В настоящее время наблюдается увеличение продолжительности жизни в сочетании с низким уровнем рождаемости, что делает актуальной проблему глобального старения населения. По прогнозам экспертов, к концу 2050 г. пожилое население мира увеличится до двух миллиардов человек [21: с. 4]. Для пожилого возраста в первую очередь характерна утрата прежних социальных ролей. Многие исследования показывают, что 73–75 % пожилых граждан в возрасте 70–80 лет страдают от какой-либо болезни и пребывают в состоянии дискомфорта, что ведет к сокращению периода активной жизни [18].

В рамках системно-возрастной периодизации выделены две экзистенциальные эпохи, включенные в четвертую фазу системодинамики и соответствующие эре возвращения к себе (инволюции), при которой наблюдается доминирование мотивации сохранения «Я» и тенденции самосохранения. Данные экзистенциальные эпохи подразделяют эру возвращения к себе на пожилой возраст — от 73 до 84 лет; преклонный возраст — от 85 лет и старше. При этом отмечается, что переход от эры сохранения (диссипации) к эре инволюции (распада) сопровождается наступлением кризиса пожилого возраста, характеризующегося снижением интеллектуальных возможностей, ухудшением здоровья и нарастанием конфликтности на фоне обострения эгоизма [13: с. 193].

Старение — процесс, включающий в себя структурные, функциональные, химические и нейробиологические изменения [6: с. 10]. Субъективное восприятие качества жизни в пожилом и преклонном возрасте связано с индивидуальными механизмами адаптации

к возникающим изменениям. Такие личностные характеристики, как оптимизм и самообладание, играют важную роль в решении проблем, сопровождающих наступление кризиса пожилого возраста.

Исследование качества жизни в пожилом и преклонном возрасте связано с задачей определения конечной цели существования [5]. Осознание смысла жизни в сочетании с высокой субъективной оценкой качества прожитой жизни является важным фактором оптимального функционирования личности в позднем возрасте [19]. В соответствии с определением М. Флуд, «благополучное старение — это исход, предпочтительный для индивидуума, показывающий его способность адаптироваться и справляться с нарастающими изменениями, связанными с течением времени, сохраняя при этом цель и смысл жизни» (цит. по: [2: с. 212]).

Таким образом, качество жизни представляет собой системное единство объективных и субъективных факторов. Системный анализ понятия качества жизни позволяет утверждать, что ключевой аспект повышения качества жизни в пожилом и преклонном возрасте связан с понятиями социальной вовлеченности и социальной интеграции. Высокий уровень социальной вовлеченности является одним из ключевых факторов в достижении цели успешного старения.

Организация и методы исследования

Психодиагностическая оценка компонентов качества жизни была организована в соответствии с содержательной логикой исследования качества жизни в пожилом и преклонном возрасте.

Испытуемые являлись получателями услуг Московского областного центра реабилитации инвалидов. В диагностической работе приняли участие 39 женщин в возрасте от 71 до 95 лет. Реабилитационные мероприятия в отделении социальной реабилитации посещали 19 испытуемых, из них 10 человек имели инвалидность. Социальными работниками на дому обслуживались 20 человек, из них 11 имели инвалидность.

В работе были использованы следующие психодиагностические методики:

- краткая форма оценки здоровья MOS SF-36 (Medical Outcomes Study-Short Form), направленная на измерение неспецифического качества жизни, включающая в себя оценку физического и психологического компонентов здоровья;
- шкала тревоги Спилбергера – Ханина (State-Trait Anxiety Inventory, STAI), измеряющая тревожность как свойство личности, обуславливающее поведение субъекта;
- опросник Басса – Дарки (Buss – Durkee Hostility Inventory, сокращенно — BDHI) предназначен для выявления уровня агрессивности респондентов;
- методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. А. Жмурова, направленная на выявление изменений отношения к жизни и деятельности под воздействием депрессивных настроений.

Результаты исследования

На первом этапе исследования проведена дифференциальная диагностика депрессивных состояний в пожилом и преклонном возрасте. Результаты исследования уровня депрессии распределены по двум группам. Первая включает в себя граждан, получающих услуги социального обслуживания на дому. Вторая — лиц, посещающих реабилитационные мероприятия в центре социального обслуживания. Общие результаты исследования депрессии представлены в таблице 1 (в %).

встречающуюся среди лиц пожилого и преклонного возраста. Показатели депрессии у лиц пожилого и преклонного возраста различаются в зависимости от рассматриваемой выборки.

Количественный анализ данных по шкалам депрессии выявил следующее: у испытуемых второй группы уровень депрессии не превышает легкую степень выраженности, тогда как в первой группе у 25 % испытуемых наблюдается умеренный уровень депрессии, 5 % — демонстрируют высокую степень выраженности депрессии. Среди лиц, посещающих реабилитационный центр, депрессия отсутствует у 15,8 %, в то время как в группе лиц, получающих обслуживание на дому, депрессия отсутствует всего у 5 %. Среди испытуемых как первой (35 %), так и второй группы (52,6 %) подавляющее большинство имеет легкий уровень депрессии. Тем не менее у испытуемых первой группы наблюдается более широкий диапазон уровней депрессии по сравнению с испытуемыми второй группы.

В ходе исследования были выявлены статистически значимые различия ($p < 0,01$) между показателями уровня депрессии лиц пожилого и преклонного возраста, посещающих реабилитационные мероприятия, и показателями лиц пожилого и преклонного, получающими обслуживание на дому.

Таким образом, уровень депрессии зависит от того, находится ли человек в социальной изоляции или имеет обширные социальные связи. Наличие у пожилого человека какого-либо хронического заболевания и/или инвалидности не является непременно

Таблица 1

Уровень депрессии у пожилых людей, %

Группы	Депрессия отсутствует	Минимальный уровень депрессии	Легкий уровень депрессии	Умеренный уровень депрессии	Выраженная депрессия
Группа № 1 (обслуживаемые на дому)	5,0	35,0	30,0	25,0	5,0
Группа № 2 (проходящие реабилитационные мероприятия в РЦ)	15,8	52,6	31,6	0	0

Депрессивные расстройства представляют собой наиболее распространенную группу нарушений психической деятельности,

вытекающих из условия развития депрессии и потери независимости. Однако социальную изоляцию следует рассматривать как негативный фактор,

способствующий нарастанию уровня депрессивного состояния.

В соответствии с концепцией системной психологии кризис пожилого возраста, наступающий после 72–73 лет, связан с завершением эры сохранения, характерной особенностью которой является преобладание мотиваций нравственности и альтруизма. Следует отметить, что переход от эры сохранения к эре инволюции имеет весьма условные возрастные рамки, поскольку наступление кризиса пожилого возраста во многом зависит от индивидуальных качеств личности. На фоне постепенного снижения интеллектуальных возможностей и общего ухудшения самочувствия в пожилом возрасте наблюдается увеличение интереса к собственным нуждам. Данный период характеризуется обострением конфликтов, возникающих в ближайшем окружении, по причине нарастания эгоистических тенденций в поведении пожилого человека, для которого все большую значимость приобретает мотивация сохранения «Я» и отстаивание собственных интересов. При этом наблюдается глубокое переживание чувства обиды, связанное с недостатком внимания к собственной личности со стороны молодого поколения и постепенной утратой значимого положения в обществе.

С этой проблемой тесно связана тема увеличения уровня агрессивности в пожилом и преклонном возрасте. Негативный настрой в отношении других, проявляющийся на эмоциональном, поведенческом и когнитивном уровнях, как правило, обостряется сразу после наступления кризиса пожилого возраста и в дальнейшем усугубляется или сглаживается в зависимости от воздействия эндогенных и экзогенных факторов.

Исследование уровня агрессивности лиц пожилого и преклонного возраста представлено на рисунке 1.

Среднее значение уровня индекса враждебности, как и уровня индекса агрессивности, в первой группе немного выше, чем во второй. Однако разница является незначительной. И в первой, и во второй группах средний уровень индекса враждебности характеризуется как средний уровень нормы, а средний индекс агрессии находится

на низком уровне. Для обеих групп характерен средний уровень нормы обиды, подозрительности, негативизма, раздражения и вербальной агрессии. Кроме того, обеим группам присущ низкий уровень физической и косвенной агрессии.

В ходе исследования были выявлены статистически значимые различия (при $p < 0,05$) между показателями уровня физической агрессии и подозрительности лиц пожилого и преклонного возраста, посещающих реабилитационные мероприятия, и показателями лиц пожилого и преклонного, получающих обслуживание на дому.

Для испытуемых обеих групп в целом характерен средний уровень агрессивности. Вместе с тем уровень физической агрессии у получателей услуг, посещающих реабилитационные мероприятия в центре социального обслуживания, выше, чем у лиц, обслуживаемых на дому. Это связано с более высоким показателем уровня физического состояния здоровья у пожилых людей, проходящих реабилитацию в центре социального обслуживания. Частично это можно объяснить действием механизма адаптации в условиях зависимости пожилых людей от медицинских и социальных служб.

Одной из распространенных проблем, наблюдающихся с наступлением кризиса пожилого возраста, является нарастание уровня тревожности. Воздействие стрессогенных факторов оказывает негативное влияние на общее состояние здоровья человека, приводя к нарушениям в работе нервной системы. Невозможность адаптивного поведения в стрессогенной ситуации способствует формированию постоянной тревожности, которая является компонентом депрессивного состояния в пожилом и преклонном возрасте.

В ходе проведенного исследования было установлено, что диапазон и степень выраженности ситуативной тревожности у представителей первой и второй групп имеют значительные различия. В первой группе отсутствует процент лиц с низкой ситуативной тревожностью, а лица со степенью высокой ситуативной тревожностью составляют 75 %, в то время как во второй группе лица с высокой степенью ситуативной тревожности

Рис. 1. Уровень агрессивности лиц пожилого и преклонного возраста, получающих обслуживание на дому и посещающих реабилитационные мероприятия

составляют 42,1 %. В группе лиц, посещающих реабилитационные мероприятия, преобладает процент пожилых людей, имеющих умеренную ситуативную тревожность, тогда как в группе граждан, обслуживаемых на дому, наблюдается больший процент лиц с высокой ситуативной тревожностью. При этом в обеих группах преобладает процент людей с высокой степенью личностной тревожности.

В обеих группах показатели по шкалам «ситуативная тревожность» и «личностная тревожность» отличаются высоким уровнем выраженности, однако имеются и характерные различия. Личностная тревожность у получателей услуг, посещающих реабилитационные мероприятия в центре реабилитации, ниже, чем у граждан, получающих обслуживание на дому.

Полученные данные позволяют произвести сравнительный анализ результатов уровней депрессии, враждебности, агрессивности и тревожности в обеих группах.

Как показано на рисунке 2, выраженной отличительной особенностью обеих групп является уровень депрессии: в первой группе он гораздо выше, чем во второй, при уровне значимости различий $p < 0,01$. Таким образом, социальная изоляция, невозможность

быть включенным в совместную деятельность в значительной степени повышают риск развития депрессивных расстройств, что приводит к ухудшению качества жизни в пожилом и преклонном возрасте.

В ходе системного исследования было выявлено, что показатели физического компонента здоровья среди лиц, посещающих реабилитационные мероприятия в центре социального обслуживания, превышают показатели лиц, получающих уход на дому ($p < 0,01$). К составляющим физического компонента здоровья относятся:

- физическое функционирование (PF) — отражает актуальную способность к выполнению физических нагрузок;
- ролевое функционирование (RF) — отражает степень влияния физического состояния на возможность исполнения привычных ролей;
- интенсивность физической боли (BP) — отражает уровень болевых ощущений и степень влияния боли на способность выполнения повседневных обязанностей;
- общее состояние здоровья (GH) — отражает самооценку текущего состояния здоровья и перспектив лечения.

Кроме того, было выявлено, что показатели психологического компонента здоровья

Рис. 2. Сравнение уровней депрессии, агрессивности и тревожности у лиц, посещающих реабилитационный центр, и граждан, находящихся на домашнем обслуживании

среди лиц, посещающих реабилитационные мероприятия в центре социального обслуживания, превышают показатели граждан, получающих уход на дому ($p < 0,01$). К составляющим психологического компонента здоровья относятся:

- жизненная активность (VT) — отражает способность человека чувствовать прилив сил и жизненной энергии либо отсутствие таковых;
- социальное функционирование (SF) — отражает степень, в которой текущее состояние влияет на уровень включенности в социальное взаимодействие;
- эмоционально-ролевое функционирование (RE) — отражает обусловленность возможности исполнения привычных социальных ролей эмоциональным состоянием;
- психологическое здоровье (MH) — отражает самооценку психологического состояния.

Общие результаты исследования показателей качества жизни для обеих групп представлены на рисунке 3.

Для лиц пожилого и преклонного возраста, получающих услуги социального обслуживания на дому, характерны более низкие показатели психологического и физического

компонентов здоровья, чем для граждан, посещающих реабилитационные мероприятия в центре реабилитации. При этом общий средний балл по показателю психологического компонента качества жизни для лиц, посещающих реабилитационный центр, незначительно превышает общий средний балл по данному показателю для граждан, обслуживаемых на дому. В то же время общий средний балл по показателю физического компонента качества жизни имеет существенные различия ($p < 0,01$). Лица, получающие услуги социального обслуживания на дому, демонстрируют значительно более низкий уровень качества жизни по данному показателю. Средний балл уровня депрессии в этой группе лиц существенно выше по сравнению с группой посещающих реабилитационный центр ($p < 0,01$).

В ходе сравнения среднего уровня депрессии и качества жизни было обнаружено, что у испытуемых первой группы выше уровень депрессии, ниже физический и психологический компоненты качества жизни в сравнении со второй группой испытуемых. Учитывая, что уровень физического компонента качества жизни отличается в первой и во второй

Рис. 3. Сравнение результатов исследования физического и психологического компонентов качества жизни лиц, обслуживаемых на дому, и граждан, посещающих мероприятия в реабилитационном центре

группах очень сильно, в то время как разница в психологическом компоненте качества жизни не столь велика, можно предположить, что лица пожилого и преклонного возраста, посещающие реабилитационные мероприятия, склонны к более адаптивному поведению. Хронические заболевания рассматриваются данной группой лиц как естественная и неизбежная часть процесса старения. Они не стремятся к смещению ориентации смысла жизни в фокус тела, в связи с чем не происходит смещения центра жизни в рамки, установленные общим ухудшением физического состояния здоровья.

Мотивация самосохранения, хотя и достигает в этот период значительного развития, на фоне присутствия социальных контактов замедляет тенденции к росту, позволяя личности сохранять приемлемый уровень активности. Поддерживание высокого уровня альтруистической мотивации, вопреки обострению эгоизма, также способствует общему повышению качества жизни в пожилом и преклонном возрасте, позволяя личности не замыкаться на собственных нуждах, а оставаться включенным в жизнь общества.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что лица пожилого и преклонного возраста, получающие услуги социального обслуживания на дому, имеют более высокий уровень депрессии и более низкий уровень качества жизни. В этой связи показано, что посещение мероприятий социальной и социально-медицинской реабилитации приводит к статистически достоверному повышению уровня качества жизни.

Ожидаемое увеличение численности пожилых людей потенциально означает последующий рост числа социально изолированных лиц, которые окажутся наиболее уязвимой категорией населения. Увеличение числа пожилых граждан с плохим здоровьем будет способствовать нарастанию объема работы социальных служб. В этой связи улучшение социальных отношений окажет благотворное влияние на повышение качества жизни в пожилом и преклонном возрасте.

Программы, способствующие расширению социальных связей в пожилом возрасте, так же важны, как и программы, направленные на улучшение состояния физического здоровья. Социальная активность, участие

в значимых общественных мероприятиях способны помочь пожилым людям замедлить когнитивный спад. Кроме того, включенность в динамичное взаимодействие с другими людьми обеспечивает защиту от стрессогенных ситуаций.

Таким образом, понятие «качество жизни» является сложным системным конструктом, включающим в себя как индивидуально-психологические характеристики, так и возможности установления прочных

социальных связей. Уровень качества жизни в пожилом и преклонном возрасте в значительной степени определяется включением в социальную жизнь общества и особенностями эмоциональной сферы, такими как агрессия, тревожность, депрессивность. Изучение роли индивидуально-психологических характеристик личности представляется обширным полем для дальнейших исследований в области психологии старения.

Литература

1. **Алмакаева А. М.** Субъективное восприятие качества жизни: теоретико-методологические и методические аспекты анализа: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. Самара, 2007. 143 с.
2. **Альмуханов К. Г.** Благополучное старение: ретроспективный анализ и современное состояние // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-1. С. 212–216.
3. **Бобков В. Н., Бобков Н. В.** Ноосферное социальное качество: от теорий к проектированию // *Уровень жизни населения регионов России*. 2014. № 2 (192). С. 7–21.
4. **Бойцов Б. В.** Качество жизни. М.: Изд-во МАИ, 2007. 350 с.
5. **Галущинская Ю. О.** К проблеме повышения качества жизни лиц пожилого возраста // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2015. № 2 (26). С. 101–107.
6. **Геворкян Е. Н., Романова Е. С., Шалашова М. М.** Психолого-педагогическое сопровождение активного долголетия. М.: Неолит, 2020. 264 с.
7. **Ерзин А. И., Ковтуненко А. Ю.** Нейропсихология антиципации – II. Нейропсихологические синдромы. Психические расстройства. Геронтопсихология: монография. М.: Академический Проект, 2020. 212 с.
8. **Зараковский Г. М.** Качество жизни населения России. М.: Смысл, 2009. 319 с.
9. **Кузнецов О. Н.** Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. 335 с.
10. **Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю.** Оценка качества жизни населения как условие обеспечения социальной безопасности (по материалам социологического исследования) // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. № 3. С. 27–33.
11. **Мелехин А. И.** Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы // *Современная зарубежная психология*. 2016. Т. 5. № 1. С. 53–63. DOI: 10.17759/jmfp.2016050107
12. **Малыхин Ф. Т.** Качество жизни, обусловленное состоянием здоровья лиц пожилого и старческого возраста (обзор литературы) // *Качественная клиническая практика*. 2011. № 1. С. 11–18.
13. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
14. **Селигман М.** Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
15. **Стюарт-Гамильтон Я.** Психология старения. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010. 320 с.
16. **Beard J. R., Officer A. M., Cassels A. K.** The world report on ageing and health // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56. Issue Suppl. 2. P. 163–166. DOI: 10.1093/geront/gnw037
17. **Bernard M.** Meaning in life and perceived quality of life in Switzerland: results of a representative survey in the German, French and Italian regions / M. Bernard et al. // *Health Qual Life Outcomes*. 2015. № 13 (160). DOI: 10.1186/s12955-015-0353-y
18. **George L. K.** Still happy after all these years: Research frontiers on subjective well-being in later life // *The Journals of Gerontology Series Psychological Sciences and Social Sciences*. 2010. № 65B (3). P. 331–339. DOI: 10.1093/geronb/gbq006
19. **Gerino E., Marino E.** Quality of life in the third age: a research on risk and protective factors // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 187. P. 217–222. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.041
20. **Jun-E Liu, Jun-Ye Tian, Peng Yue, Yong-Li Wang, Xue-Ping Du, Shuang-Qin Chen.** Living experience and care needs of Chinese empty-nest elderly people in urban communities in Beijing, China:

A qualitative study // International Journal of Nursing Sciences. 2015. Vol. 2. Issue 1. P. 15–22. DOI: 10.1016/j.ijnss.2015.01.008.

21. **Laidlaw K., Thompson L. W., Gallagher-Thompson D., Dick-Siskin L.** Cognitive behaviour therapy with older people. Tavistock, Devon: John Wiley & Sons Ltd, 2003. 234 p.

22. Understanding quality of life in old age / ed. by A. Walker. Maidenhead, New York: Open University Press, 2005. 209 p.

References

1. **Almakaeva A. M.** Sub`ektivnoe vospriyatie kachestva zhizni: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie aspekty` analiza: dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.01 [Subjective perception of quality of life: theoretical, methodological and methodological aspects of analysis: dissertation... edging. sociological sciences: 22.00.01]. Samara, 2007. 143 p.

2. **Al`mukanov K. G.** Blagopoluchnoe starenie: retrospektivny`j analiz i sovremennoe sostoyanie [Prosperous Aging: Retrospective Analysis and Current State] // Fundamental`ny`e issledovaniya [Basic Research]. 2014. № 8-1. P. 212–216.

3. **Bobkov V. N., Bobkov N. V.** Noosfernoe social`noe kachestvo: ot teorij k proektirovaniyu [Noospheric social quality: from theories to design] // Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standards of the population of the regions of Russia]. 2014. № 2 (192). P. 7–21.

4. **Bojczov B. V.** Kachestvo zhizni [Quality of life]. M.: Izd-vo MAI, 2007. 350 p.

5. **Galushhinskaya Yu. O.** K probleme povy`sheniya kachestva zhizni licz pozhilogo vozrasta [To the problem of improving the quality of life of older persons] // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University]. 2015. № 2 (26). P. 101–107.

6. **Gevorkyan E. N., Romanova E. S., Shalashova M. M.** Psixologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie aktivnogo dolgoletiya [Psychological and pedagogical support of active longevity]. M.: Neolit, 2020. 264 p.

7. **Erzin A. I., Kovtunenkov A. Yu.** Nejropsihologiya anticipacii – II: Nejropsixologicheskie sindromy`. Psixicheskie rasstrojstva. Gerontopsixologiya: monografiya [Neuropsychology of Anticipation – II: monograph]. M.: Akademicheskij Proekt, 2020. 212 p.

8. **Zarakovskij G. M.** Kachestvo zhizni naseleniya Rossii [Quality of life of the Russian population]. M.: Smy`sl, 2009. 319 p.

9. **Kuznecov O. N.** Psixologiya i psixopatologiya odinochestva [Psychology and psychopathology of loneliness]. M.: «Medicina», 1972. 335 p.

10. **Liga M. B., Shetkina I. A., Zaxarova E. Yu.** Ocenka kachestva zhizni naseleniya kak uslovie obespecheniya social`noj bezopasnosti (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [Assessment of the quality of life of the population as a condition for ensuring social security (based on the materials of sociological research)] // Gumanitarny`j vektor [Humanitarian vector]. 2018. T. 13. № 3. P. 27–33.

11. **Melehin A. I.** Kachestvo zhizni v pozhilom i starcheskom vozraste: problemny`e voprosy` [Quality of life in old age and old age: problematic issues] // Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya [Modern foreign psychology]. 2016. T. 5. № 1. P. 53–63. DOI: 10.17759/jmfp.2016050107

12. **Maly`hin F. T.** Kachestvo zhizni, obuslovlennoe sostoyaniem zdorov`ya licz pozhilogo i starcheskogo vozrasta (obzor literatury`) [Quality of life due to older and senile health status (literature review)] // Kachestvennaya klinicheskaya praktika [Quality clinical practice]. 2011. № 1. P. 11–18.

13. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems Psychology]. M.: T8: Izdatel`skie Tekhnologii, 2017. 356 p.

14. **Seligman M.** Novaya pozitivnaya psixologiya: Nauchny`j vzglyad na schast`e i smy`sl zhizni [New positive psychology: A scientific view of happiness and the meaning of life]. M.: Izd-vo «Sofiya», 2006. 368 p.

15. **Styuart-Gamil`ton Ya.** Psixologiya stareniya [Psychology of Aging]. 4-e izd. SPb.: Piter, 2010. 320 p.

16. **Beard J. R., Officer A. M., Cassels A. K.** The world report on ageing and health // The Gerontologist. 2016. Vol. 56. Issue Suppl. 2. P. 163–166. DOI: 10.1093/geront/gnw037

17. **Bernard M.** Meaning in life and perceived quality of life in Switzerland: results of a representative survey in the German, French and Italian regions / M. Bernard et al. // Health Qual Life Outcomes. 2015. № 13 (160). DOI: 10.1186/s12955-015-0353-y

18. **George L. K.** Still happy after all these years: Research frontiers on subjective well-being in later life // The Journals of Gerontology Series Psychological Sciences and Social Sciences. 2010. № 65B (3). P. 331–339. DOI: 10.1093/geronb/gbq006

19. **Gerino E., Marino E.** Quality of life in the third age: a research on risk and protective factors // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 187. P. 217–222. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.041
20. **Jun-E Liu, Jun-Ye Tiana, Peng Yue, Yong-Li Wang, Xue-Ping Du, Shuang-Qin Chena.** Living experience and care needs of Chinese empty-nest elderly people in urban communities in Beijing, China: A qualitative study // *International Journal of Nursing Sciences*. 2015. Vol. 2. Issue 1. P. 15–22. DOI: 10.1016/j.ijnss.2015.01.008
21. **Laidlaw K., Thompson L. W., Gallagher-Thompson D., Dick-Siskin L.** *Cognitive behaviour therapy with older people*. Tavistock, Devon: John Wiley & Sons Ltd, 2003. 234 p.
22. *Understanding quality of life in old age* / ed. by A. Walker. Maidenhead, New York: Open University Press, 2005. 209 p.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Е. А. Круглова,
ИвГУ, Иваново,
kruglo-e@mail.ru,

Н. В. Попель,
ИвГУ, Иваново,
ninel@mail.ru

В статье рассматриваются особенности профессиональных деструкций разных категорий педагогических работников, которые оказывают негативное влияние на человека, приводят к различным кризисным состояниям, нарушению профессионального и личностного развития. Исследование строится на принципах системного подхода Б. Ф. Ломова — многомерности и целостности в познании изучаемого психического явления с учетом его детерминант. В исследовании приняли участие 215 педагогических работников г. Иванова и Ивановской области со стажем работы от 5 до 30 лет, работающих в различных образовательных учреждениях.

Системно-психологическому изучению подвергнуты различные проявления профессионального психического выгорания и профессиональной деформации личности педагогов общеобразовательных школ, спецшкол-интернатов, педагогов дополнительного образования, воспитателей дошкольных учреждений и руководителей образовательных организаций. Результаты исследования показали, что наибольшая степень выраженности общего уровня и симптомов профессионального психического выгорания характерна для педагогов общеобразовательных учреждений. Признаки профессиональных деструкций присутствуют в различных сферах: эмоциональной, поведенческой, мотивационно-ценностной, — а также в сфере межличностных отношений. При этом многие из них становятся у школьных учителей относительно постоянными и устойчивыми с увеличением стажа педагогической деятельности. У других категорий педагогических работников симптомы профессиональных деструкций выражены значительно меньше. Установлено, что специфика и индивидуальный стиль педагогической деятельности являются факторами, детерминирующими развитие профессиональных деструкций.

Один из главных выводов исследования состоит в том, что профессиональное выгорание и профессиональная деформация личности имеют разную специфику и психологическую природу, но в системе симптомов и проявлений у разных категорий педагогических работников создают общую картину личностно-профессиональных деструкций.

Ключевые слова: системный подход; личность; педагоги; профессиональные деструкции; профессиональное психическое выгорание; профессиональная деформация; индивидуальный стиль педагогической деятельности.

Для цитаты: Круглова Е. А., Попель Н. В. Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36) С. 34–47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3

Круглова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново.

E-mail: *kruglo-e@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7933-4921

Попель Нина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново.

E-mail: *ninel@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-9073-1194

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF PROFESSIONAL DESTRUCTIONS OF TEACHERS' PERSONALITY

E. A. Kruglova,
ISU, Ivanovo,
kruglo-e@mail.ru,

N. V. Popel,
ISU, Ivanovo,
ninel@mail.ru

The article deals with the features of professional destructions of various categories of teaching staff, which have a negative impact on a person, lead to various crisis states, disruption of professional and personal development. The research is based on the principles of B. F Lomov's systematic approach: multidimensionality and integrity in the cognition of the investigated mental phenomenon, taking into account its determinants. The research involved 215 teaching staff of the city of Ivanovo and the Ivanovo region with work experience from 5 to 30 years, from various educational institutions.

Various manifestations of professional mental burnout and professional deformation of the personality of general education school teachers, special boarding schools teachers, teachers of additional education, preschool teachers, and heads of educational organizations were subjected to systematic psychological study. The results of the research showed that the greatest degree of severity of the general level and symptoms of professional mental burnout is characteristic of teachers of general education institutions. Signs of professional destructions are present in various areas: emotional, behavioral, motivational and value, as well as in the field of interpersonal relations. At the same time, many of them become relatively permanent and stable for school teachers with a long teaching experience. In other categories of teachers, the symptoms of professional destruction are expressed much weaker. It is discovered that the specific character and individual style of pedagogical activity are the factors determining the development of professional destructions.

One of the main conclusions of the research is that professional burnout and professional deformation of the personality have different specifics and psychological nature, but in the system of symptoms and manifestations in different categories of teachers create a general picture of personal and professional destructions.

Keywords: system approach; personality; teachers; professional destructions; professional mental burnout; professional deformation; individual style of pedagogical activity.

For citation: Kruglova E. A., Popel N. V. A systematic approach to the study of professional destructions of teacher's personality // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 34–47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3

Kruglova Elena Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: *kruglo-e@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7933-4921

Popel Nina Valerievna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: *ninel@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-9073-1194

Введение

Воздействие профессии на личность человека давно считается важной и актуальной проблемой, привлекающей внимание отечественных и зарубежных исследователей. Профессиональное благополучие человека является необходимым условием его успешной социальной адаптации [1], а также важнейшим фактором карьерного развития [20]. Безусловно, труд как ведущая деятельность периода взрослости является главной направляющей силой психологического и морального развития человека. Многие исследователи, в частности А. К. Егнисова [2], А. В. Королёва [5], Л. Н. Молчанова [9], Н. А. Перепёлкина [12] и др., делают акцент на том, что долголетняя реализация одной и той же профессиональной деятельности часто приводит к кризисным состояниям, падению работоспособности, возникновению психологических барьеров в общении, психосоматическим расстройствам и другим негативным последствиям. Проблемы влияния негативных факторов трудовой деятельности на физическое и психическое здоровье, а также на субъективное благополучие профессионалов рассматриваются в работах Л. Н. Захаровой [3], Е. Б. Ольховской [11], О. В. Поляковой [26] и др. При этом профессиональное здоровье является важнейшим условием развития личностного, интеллектуального и мотивационного потенциала специалистов любой профессиональной сферы [28].

В ответ на многочисленные отрицательные обстоятельства трудовой деятельности, как подчеркивают Е. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк, нарушается ее структура, происходит разрушение и дезинтеграция профессионального развития; появляется то, что принято называть профессиональными деструкциями личности [4: с. 24]. Главная проблема профессиональных деструкций личности заключается в том, что они очень тяжело поддаются регулированию [7]. Ряд авторов указывает на необходимость проведения коррекционной работы как важного условия социальной и профессиональной адаптации [18; 24].

В нашей стране и за рубежом среди профессиональных деструкций личности, отрицательно влияющих на психику человека,

на современном этапе достаточно подробно изучен феномен профессионального психического выгорания различных специалистов. На сегодняшний день проведен анализ особенностей профессионального выгорания у государственных служащих и педагогов [6]; выявлены социально-психологические аспекты формирования профессионального выгорания у преподавателей высшей школы [19]; исследованы профессиональные факторы, являющиеся предпосылками возникновения и развития выгорания [23]; проведена оценка особенностей профессионального выгорания социальных работников [17]. В меньшей степени изучена проблема личностно-профессиональных деформаций. При этом некоторые исследователи рассматривают их в контексте профессионального выгорания [9; 27]. Терминологические сложности в данном вопросе не преодолены до сих пор [16; 21].

Профессиональные деструкции личности следует анализировать исходя из принципов системного подхода, разработанного Б. Ф. Ломовым, который интегрировал системные идеи из различных областей психологии, а принцип системности превратил в главный инструмент психологического познания [10]. Согласно Б. Ф. Ломову, понятие любое психическое явление можно только в результате его целостного анализа во множестве внешних и внутренних отношений. Современные психологи — Б. Н. Рыжов [15: с. 122], Е. А. Петраш [13], Ю. П. Поварёнков [14], В. В. Масич [22] — считают необходимым применение системного подхода в целях исследования актуальных проблем профессионального развития личности.

Данное психологическое исследование основано на следующих принципах системного подхода: многомерность психических явлений (профессиональные деструкции личности рассматриваются и анализируются с различных сторон); целостное познание изучаемого психического явления с учетом его многочисленных детерминант.

Таким образом, профессиональные деструкции рассматриваются как целостная система отрицательного влияния определенных свойств профессии на личность человека. Целью настоящего исследования стало изучение

двух основных деструктивных компонентов в профессиональной деятельности педагогов, а именно деформации личности и ее психического выгорания. Отмечается, что эти явления имеют различную психологическую природу, но в своей совокупности они оказывают определенное, чаще негативное, влияние на поведение и деятельность профессионала, его физическое и психическое здоровье.

Методика исследования

В исследовании особенностей профессиональных деструкций личности использовался следующий набор методик: 1) опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, 2) тест индивидуального стиля педагогической деятельности А. К. Марковой и А. Я. Никоновой, 3) опросник карьерных ориентаций Э. Шейна, 4) Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI, 5) методика диагностики синдрома профессионального выгорания В. В. Бойко.

В исследовании приняли участие 215 педагогов г. Иванова и Ивановской области со стажем работы от 5 до 35 лет, среди них были педагоги общеобразовательных школ (45 участников), спецшкол-интернатов для детей с отклонениями в развитии (42 участника), детских дошкольных учреждений (43 участника), дополнительного образования (42 участника), а также руководители образовательных организаций (43 участника).

Адекватность методик цели исследования, репрезентативность выборки, использование методов математической обработки результатов обеспечило достоверность положений и выводов данной работы.

Результаты исследования и их обсуждение

Первым этапом исследования стало изучение особенностей личностно-профессиональных деструкций у разных категорий педагогических работников, а также влияние стажа педагогической деятельности на их симптоматику.

1. Педагоги общеобразовательных учреждений

Согласно результатам проведенного эмпирического исследования, проблема профессионального выгорания для данной категории педагогов весьма актуальна. Практически у всех испытуемых те или иные симптомы выгорания находятся в стадии формирования, а некоторые из них уже полностью сформированы.

Наиболее выраженными среди педагогов общеобразовательных школ являются следующие симптомы выгорания: переживание психотравмирующих обстоятельств; ощущение загнанности в клетку; неадекватное избирательное эмоциональное реагирование; эмоционально-нравственная дезориентация; расширение сферы экономии эмоций; редукция профессиональных обязанностей; личностная отстраненность (деперсонализация); психосоматические и психовегетативные нарушения.

Таким образом, в общей картине эмоционального выгорания учителей представлены симптомы напряжения, резистенции и истощения, т. е. всех фаз профессионального выгорания.

Педагоги воспринимают условия работы и профессиональные межличностные отношения как психотравмирующие, ощущают безвыходность ситуации, желание сменить работу. Высок уровень тревожности, появляются депрессивные симптомы, развивается безразличие к любым профессиональным отношениям. Становятся характерными эмоциональная замкнутость, отчуждение, стремление к дистанцированию, развивается циничное отношение к объектам своего труда (ученикам, родителям, коллегам). Большинство педагогов отмечает ухудшение физического самочувствия, развитие психовегетативных нарушений.

При этом у 13 % учителей фаза истощения полностью сформирована. Учитывая то, что профессиональное выгорание является необратимым процессом и он будет продолжать развиваться, данным педагогам противопоказано продолжение педагогической деятельности. У 50 % школьных учителей данная фаза находится в стадии формирования, при этом у многих из них количественные показатели

истощения близки к критической отметке, что говорит о необходимости срочной психокоррекции их эмоционального и психического состояния, чтобы определенным образом затормозить этот процесс.

Обратимся к результатам изучения взаимосвязи эмоциональных, личностных и поведенческих проявлений со стажем педагогической деятельности. Корреляционный анализ показывает, что чем более выражен опыт и соответствующий ему профессиональный стаж, тем более усиливается невротичность учителей. Педагоги оказываются более склонны к появлению и дальнейшему развитию невротического синдрома по астеническому типу. Данный невротический синдром часто сопровождается наблюдаемыми психосоматическими нарушениями. Так, заметно возрастает тревожность личности, отмечаются нарушения ее общего психоэмоционального состояния.

Увеличение профессионального стажа зачастую ведет к явлениям усиления депрессивных проявлений у личности педагога, что находит свое отражение в эмоциональной, а главное, в поведенческой сферах, влияет на выстраиваемое отношение как к собственной личности, так и к социуму. Подобного рода реагирование психопатологического характера на профессиональные ситуации зачастую становится относительно постоянным, даже устойчивым в своих проявлениях. Можно отметить, что у педагогов общеобразовательных школ достаточно часто наблюдается высокий уровень так называемой спонтанной агрессивности, которая позволяет, в свою очередь, выявить психопатизацию интротенсивного типа. Подобного рода тип психопатизации является предпосылкой для импульсивного агрессивного поведения. Для них также характерно неустойчивое эмоциональное состояние, раздражительность и склонность к аффективному реагированию, что служит подтверждением присутствия у личности явлений спонтанной агрессивности.

Отмечается, что педагоги постепенно теряют сфокусированный интерес к профессиональным достижениям, к собственной работе и ее результатам в целом. Базовое чувство ответственности снижается, возникает

равнодушие к профессиональным ситуациям и событиям. Становится низким общий уровень профессиональной мотивации, что проявляется в профессиональной инерции и профессиональной закостенелости, аффективной и интеллектуальной ригидности.

Наблюдаемая деформация поведенческой сферы проявляется в нарастающем стремлении к выявлению и сохранению дистанции во взаимоотношениях с другими, желанию остаться наедине со своими профессиональными и личными проблемами.

В целом можно отметить следующее: у педагогов общеобразовательных школ нарастают признаки разнообразных профессиональных деструкций. Подобного рода явления поддаются активной психологической коррекции. Не исключается во многих конкретных случаях и профильная медицинская помощь.

2. Педагоги спецшкол-интернатов для детей с отклонениями в развитии

Наиболее выраженными симптомами профессионального выгорания данной категории педагогов являются переживание психотравмирующих обстоятельств; неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (экономия эмоций); эмоционально-нравственная дезориентация; редукция профессиональных обязанностей.

Таким образом, общая картина профессионального выгорания педагогов спецшкол-интернатов включает в себя симптомы первой и второй фазы — фазы напряжения и фазы резистенции. В большей степени выражен симптом эмоционально-нравственной дезориентации, т. е. безразличие в профессиональных отношениях. Отметим, что у данной категории педагогов не сформированы симптомы фазы истощения, что, несомненно, является положительным моментом.

С увеличением опыта работы, как показывает практика изучения явлений профессиональных деструкций и выгорания личности, в спецшколах у педагогов снижается стрессоустойчивость, но постепенно увеличивается их предрасположенность к стрессовому реагированию даже на обыденные

жизненные ситуации. В поведении, которое демонстрируют педагоги, появляются некоторые черты психастенического характера. Среди последних очень часто — тревожность личности, скованность в умозаключениях, нерешительность в выборе действий. Педагоги обнаруживают при личной беседе эмоции страха, не замечают возникающих трудностей в установлении и поддержании социальных контактов.

Личностная деформация в некоторых своих признаках у большинства педагогов из спецшкол-интернатов обнаруживается в основном в их мотивационной сфере.

Как показывает практика, увеличение стажа профессиональной деятельности у педагогов, работающих в школах для детей с отклонениями в развитии, приводит к постепенной потере желания к усовершенствованию способов и методов педагогической работы. Пропадает интерес к обеспечению руководящей роли в групповом общении и взаимодействию в ходе управления педагогическим процессом.

Несмотря на присутствие симптомов профессиональных деструкций личности у данной категории педагогов, их количество и уровень развития ниже, чем у учителей общеобразовательных школ. Причина этого заключается в специфичности контингента учащихся, в меньшей степени ответственности педагогов за результаты обучения при большей стабильности исполняемых профессиональных функций.

3. Педагоги дополнительного образования

Среди симптомов профессионального выгорания педагогов дополнительного образования выделяются переживание психотравмирующих обстоятельств профессиональной деятельности; неудовлетворенность собой; неадекватное избирательное эмоциональное реагирование; эмоционально-нравственная дезориентация.

Результаты исследования показали наличие у педагогов симптомов первой и второй стадии профессионального выгорания (напряжения и резистенции). При этом количественные показатели данных симптомов не достигают критических значений, что

указывает на относительно медленное развитие профессионального психического выгорания у данной категории педагогических работников.

Практически все личностные характеристики педагогов дополнительного образования находятся на уровне средних баллов, т. е. явных личностных деструкций, проявляющихся в форме психопатизации, обнаружено не было. Однако наблюдается тенденция к увеличению уровня невротизации личности с увеличением стажа педагогической деятельности.

Изучение копинг-стратегий показало, что у педагогов дополнительного образования в стрессовых ситуациях одним из ведущих становится конфронтационный копинг — агрессивные действия по изменению ситуации, которые предполагают также определенную степень враждебности и готовности к риску. Это может быть связано со спецификой деятельности в данной образовательной сфере, наличием в ней различных конкурсных и соревновательных моментов.

Специфика дополнительного образования обуславливает в стрессовых ситуациях нацеленность на положительную переоценку. Таким образом, специфика педагогической деятельности в сфере дополнительного образования является стимулирующей к развитию творческих способностей, толерантности, эстетических потребностей и развитию внутреннего мира в целом, что, в свою очередь, препятствует развитию негативных психических состояний и профессиональной деформации. Творческий характер педагогической деятельности в сфере дополнительного образования сказывается на личности менее деструктивно. И, несмотря на то что с увеличением стажа работы с личностью педагогов дополнительного образования все же происходят определенные негативные изменения, они несоизмеримо малы по сравнению с глубиной личностной деформированности школьных учителей.

4. Педагоги дошкольных учреждений

Исследование показало наличие у педагогов дошкольных учреждений следующих симптомов профессионального выгорания:

переживание психотравмирующих обстоятельств профессиональной деятельности; неудовлетворенность собой; редукция профессиональных обязанностей.

Таким образом, в общей картине профессионального выгорания педагогов дошкольных учреждений присутствуют симптомы фазы напряжения и резистенции. Воспитатели осознают и переживают наличие психотравмирующих факторов деятельности, в результате чего усиливается тревожность, напряженность и нерешительность, возникает разочарование в себе и в работе. Педагоги делают попытки облегчить или сократить обязанности, особенно те, которые требуют эмоциональных затрат.

Однако с увеличением возраста и стажа работы у воспитателей снижается уровень спонтанной агрессивности и раздражительности. Личность становится более зрелой, возрастает умение контролировать проявление своих эмоций. С приобретением определенного жизненного и профессионального опыта возрастает эмоциональная устойчивость, а также чувство ответственности и появляется стремление к выполнению социальных требований.

На признаки профессиональной деформации воспитателей может указывать тот факт, что с возрастом снижается общительность. Это может быть вызвано спецификой работы воспитателей, в которой значимую роль играет интенсивная коммуникация с детьми и их родителями. С возрастом возникает пресыщенность социальными контактами, что влечет за собой снижение потребности в них и усиление формальности в межличностных отношениях.

С увеличением стажа работы воспитатели стремятся использовать более рациональные формы поведения в стрессовых ситуациях: планирование решения проблемы и положительную переоценку. При возникновении конфликта у воспитателей наблюдается стремление проанализировать ситуацию и возможные варианты ее решения с учетом прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Главную ценность с возрастом приобретает стабильность места работы. Стремление к стабильности проникает также в поведенческую сферу: появляются ригидность,

стереотипизация, страх перед новым и неизведанным, стремление все держать под контролем.

Следовательно, у педагогов детских дошкольных учреждений присутствуют признаки как профессионального психического выгорания, так и профессиональной деформации личности. Однако выраженность данных проявлений невысока, и наблюдаются признаки положительного влияния профессии на личность воспитателя.

5. Руководители образовательных учреждений

Результаты исследования позволили выделить следующие симптомы профессионального выгорания руководителей образовательных учреждений: переживание психотравмирующих обстоятельств в профессиональной деятельности; неадекватное избирательное эмоциональное реагирование; эмоционально-нравственная дезориентация; редукция профессиональных обязанностей.

Данные симптомы относятся к фазам напряжения и резистенции. Отмечается переживание условий работы и межличностных отношений как психотравмирующих, неконтролируемое влияние настроения на профессиональные отношения, развитие безразличия в обстоятельствах профессиональной деятельности, стремление как можно меньше времени тратить на выполнение профессиональных обязанностей. Однако степень выраженности данных симптомов не достигает критических значений.

Руководители образовательных организаций демонстрируют растущий уровень невротичности, являющийся своеобразным маркером присутствующего в личности синдрома профессионального психического выгорания. Стаж руководящей работы, умение организовывать себя нивелируют невротизацию личности, а также предрасположенность к стрессовому реагированию на жизненные ситуации. В личности руководителя наблюдается снижение спонтанной агрессивности и импульсивного повседневного поведения. Руководители, находящиеся в сложных профессиональных условиях, демонстрируют готовность к произвольным усилиям,

целенаправленно действуют как в кооперации с другими, так и самостоятельно для оптимизации сложившейся трудной ситуации.

На фоне растущего профессионального руководящего стажа отмечаются позитивные изменения в мотивационной сфере руководящей личности. Растет ее ориентация на кооперирование с другими участниками образовательного процесса. При этом руководящая личность осознает всю полноту ответственности за предполагаемый итоговый результат, даже в условиях прогнозируемого риска и использования новых способов решения поставленных задач. Руководители образовательных организаций демонстрируют стремление к обучению и повышению своей компетентности, к профессиональному росту.

Можно отметить, что карьерный профессиональный рост педагогов, работа на руководящей должности особым образом препятствуют развитию симптомов психического выгорания и личностно-профессиональной деформации.

Следующим этапом исследования стало изучение индивидуального стиля педагогической деятельности как фактора, детерминирующего профессиональные деструкции личности.

Стиль педагогической деятельности — это психологический феномен, в котором определенным образом сочетаются факторы, влияющие на развитие личностно-профессиональных деструкций. Как специфическое для конкретного педагога сочетание задач, средств и способов педагогической деятельности определяет индивидуальный стиль педагогической деятельности А. К. Маркова. Сюда же можно отнести ритм работы педагога, определяющийся психофизиологическими особенностями и наличием опыта.

По мнению А. К. Марковой и А. Я. Никоновой, можно выделить следующие стили педагогической деятельности: эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС), характеризующийся ориентацией на процесс обучения при низком уровне обратной связи, поддержанием высокого темпа работы на уроке, а также ориентацией на сильных учеников; эмоционально-методичный стиль (ЭМС), для которого характерны ориентация

не только на процесс, но и на результаты обучения, а также четкое планирование образовательного процесса; рассуждающе-импровизационный стиль (РИС), характеризующийся направленностью на результат и процесс обучения, при невысоком темпе работы на уроке и ориентацией на проявление активности учеников; рассуждающе-методичный стиль (РМС), направленный на результаты обучения при проявлении консервативности в выборе методических средств работы, а также характеризующийся ориентацией на слабых учеников¹. Каждый из этих стилей имеет свою педагогическую направленность, обладает определенными психологическими особенностями в плане профессиональной деятельности и общения с учащимися, своими достоинствами и ограничениями. Стиль педагогической деятельности является функцией личности специалиста, поэтому он остается относительно постоянным на протяжении всей профессиональной жизни педагога и направляет его поведение в различных ситуациях.

В проведенном исследовании индивидуальный стиль педагогической деятельности рассматривается в качестве фактора, детерминирующего развитие профессиональных деструкций личности. Проверка данного положения выполнена путем корреляционного анализа взаимосвязи симптомов профессионального психического выгорания и стилей педагогической деятельности испытуемых, по формуле К. Пирсона.

Исследование показало, что различия в представленности стилей педагогической деятельности в группах испытуемых невелики. Поэтому корреляционному анализу подверглись данные по всей выборке испытуемых. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице.

Обнаружена прямая значимая связь между общим уровнем профессионального психического выгорания и ЭМС ($r = 0,267$, $p \leq 0,05$). Это можно объяснить тем, что педагог активно и много работает, уделяя большее количество своего времени учебному процессу, тщательно планирует свою деятельность,

¹ Маркова А. К. Психология труда учителя: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.

Таблица

**Результаты корреляционного анализа взаимосвязи стиля педагогической деятельности
и симптомов профессиональных деструкций**

Стили педагогической деятельности	Симптомы профессиональных деструкций	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Эмоционально-методичный стиль	Общий уровень профессионального выгорания	0,267	$p \leq 0,05$
	Симптом загнанности в клетку	0,299	$p \leq 0,05$
	Редукция профессиональных обязанностей	0,208	$p \leq 0,05$
	Эмоциональная отстраненность	0,277	$p \leq 0,05$
Эмоционально-импровизационный стиль	Общий уровень профессионального выгорания	0,216	$p \leq 0,05$
	Неудовлетворенность собой	0,264	$p \leq 0,05$
	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,286	$p \leq 0,05$
Рассуждающе-методичный стиль	Общий уровень профессионального выгорания	-0,259	$p \leq 0,05$
Рассуждающе-импровизационный стиль	Общий уровень профессионального выгорания	-0,224	$p \leq 0,05$

прорабатывая разнообразный учебный материал. Такой педагог не позволяет себе расслабиться не только в школе, но и дома, его характеризует повышенная требовательность к себе и другим. Кроме того, высокая чувствительность и эмоциональность не позволяют ему адекватно реагировать на неудачи. Следовательно, педагоги с преобладанием данного стиля являются группой риска в плане формирования и развития синдрома профессионального выгорания.

Наиболее характерными симптомами профессионального психического выгорания при ЭМС являются симптом загнанности в клетку ($r = 0,299, p \leq 0,05$), редукция профессиональных обязанностей ($r = 0,208, p \leq 0,05$) и эмоциональная отстраненность ($r = 0,277, p \leq 0,05$).

Существует прямая значимая связь между профессиональным выгоранием и ЭИС ($r = 0,216, p \leq 0,05$). Это обусловлено тем, что учителя с подобным стилем педагогической деятельности эмоциональны, чувствительны, часто переживают тревогу и депрессию, восприимчивы к изменениям показателей внешней среды, зависимы от ситуации. Кроме того, для таких учителей характерны высокая оперативность и темп работы, использование разнообразных методов обучения, а следовательно, достаточно высокое психическое напряжение в их профессиональной деятельности,

ведущее, согласно результатам исследования, к формированию и развитию выгорания.

Для представителей ЭИС наиболее характерны следующие симптомы выгорания: неудовлетворенность собой ($r = 0,264, p \leq 0,05$) и неадекватное избирательное эмоциональное реагирование ($r = 0,286, p \leq 0,05$).

Обнаружена отрицательная значимая корреляция между общим уровнем профессионального выгорания педагогов и РИС ($r = -0,259, p \leq 0,05$), а также между уровнем выгорания и РМС ($r = -0,224, p \leq 0,05$).

По сравнению с учителями «эмоциональных стилей» педагоги с РИС меньше ориентируются на поиск новых форм и методов обучения, темп работы на уроке у них невысок. Они нечасто прибегают к новым для себя методам работы, на подготовку к занятиям тратят меньше времени, чем учителя с «эмоциональными стилями» педагогической деятельности, не расходуют свои силы понапрасну и увеличивают темп работы только по мере необходимости.

Педагоги с РМС ориентируются на такие результаты, которые позволяют строго планировать весь образовательный процесс. Более обоснованно проявляют консервативность в применении методик в повседневной педагогической деятельности. Для них характерна высокая методичность в работе: систематичность в закреплении и повторении

пройденного учебного материала, стандартные формы контроля знаний и применяемых методов обучения и воспитания, предпочтение репродуктивной, нежели творческой деятельности обучающихся.

Исследование показало, что риск формирования и развития синдрома профессионального выгорания у таких педагогов невелик.

Отметим, что значимые корреляционные связи между «рассуждающими стилями» и симптомами профессионального выгорания отсутствуют. Высокая методичность, стандартный набор используемых методик, привычные стереотипы преподавания предмета, т. е. определенный консерватизм в профессиональной деятельности имеет для педагогов в данном случае положительное значение и тормозят развитие у них симптомов профессионального выгорания.

Следующим шагом нашего исследования было изучение взаимосвязи стилей педагогической деятельности со стажем работы. И здесь мы обнаружили прямо противоположную картину, а именно отсутствие значимой корреляции «эмоциональных стилей» со стажем педагогической деятельности и прямые значимые взаимосвязи стажа работы с «рассуждающими стилями»: РИС ($r = 0,216$, $p \leq 0,05$); РМС ($r = 0,314$, $p \leq 0,05$). Следовательно, с ростом стажа педагогической деятельности увеличивается выраженность «рассуждающих стилей». Это говорит о том, что педагоги, для которых характерны данные стили, подвержены риску развития профессиональной деформации личности. Консерватизм в работе, методичность, постоянный репертуар стереотипных действий, стандартность методов обучения, с одной стороны, тормозят развитие выгорания, но, с другой стороны, провоцируют развитие профессиональной деформации.

Выводы

1. Феномены профессионального психического выгорания и профессиональной деформации личности педагогов имеют различную психологическую природу. Однако в системе симптомов и проявлений у разных

категорий педагогических работников они создают общую картину личностно-профессиональных деструкций.

2. Профессиональное психическое выгорание у педагогов протекает по невротическому типу, его общий уровень не зависит от стажа работы. Профессиональная деформация протекает по психопатическому типу, при этом ключевую роль в ее развитии играет именно стаж педагогической деятельности.

3. Педагоги общеобразовательных учреждений демонстрируют наибольшую степень выраженности общего уровня профессионального психического выгорания. Признаки профессионального выгорания личности педагогов наблюдаются в мотивационной, поведенческой и эмоциональной сферах, в отношении к себе и к собственному социальному окружению. С увеличением стажа педагогической деятельности эти признаки становятся у школьных педагогов устойчивыми и относительно постоянными. Данная категория педагогов требует повышенного внимания и комплексной медико-психологической поддержки.

4. Творческий характер педагогической деятельности, работа со специфическим контингентом учащихся, продвижение по службе и карьерный рост препятствуют развитию профессиональных деструкций личности педагогов.

5. Прогрессирующее с течением времени профессиональное психическое выгорание приводит к регрессу профессионального развития и, как следствие, к постепенной утрате педагогической квалификации, негативным образом отражаясь на выполнении служебных обязанностей педагога. Однако в ряде случаев профессиональная деформация личности педагога может иметь положительный характер. Методичность в работе, привычные стереотипы преподавания предмета и общения с объектами своего труда приводят к «сращиванию» личности и профессии, формируют профессионально важные качества и индивидуальный стиль педагогической деятельности. Однако чрезмерное развитие данных качеств деформирует личность педагога, приводит к развитию конфликтов, снижает продуктивность профессиональной деятельности.

6. Индивидуальный стиль педагогической деятельности является фактором, детерминирующим развитие профессиональных деструкций личности. При этом педагоги с «эмоциональными стилями» (ЭМС и ЭИС) наиболее подвержены возникновению и развитию профессионального психического выгорания. Педагоги с «рассуждающими стилями» (РМС и РИС) являются группой риска в плане развития профессиональных деформаций личности.

Заключение

Системно-психологический анализ личностно-профессиональных деструкций педагогических работников показал наличие в их структуре симптомов профессионального психического выгорания и профессиональной деформации личности. Их проявления и выраженность различны и во многом зависят

от специфики педагогической деятельности. Наибольшее количество симптомов профессиональных деструкций с высокой степенью выраженности обнаружено у педагогов общеобразовательных школ. Результаты исследования показали необходимость организации специальной комплексной медико-психологической поддержки педагогов для профилактики профессиональных деструкций личности и их негативных последствий.

Установлена взаимосвязь профессиональных деструкций со стажем работы и индивидуальным стилем педагогической деятельности.

Знание указанных феноменов, их учет в практике педагогической работы может помочь профессионалу предотвратить развитие психической напряженности, стрессовых и депрессивных состояний, снизить риск личностных деформаций, сохранить продуктивность профессиональной деятельности.

Литература

1. Дружилов С. А. Профессиональное благополучие человека и психологические аспекты профессиональной адаптации и профессиональных деструкций // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12 (68). С. 1236–1246.
2. Егенисова А. К., Ерубасева А. Р. Профессиональная деформация личности педагога и пути ее преодоления // Colloquium-journal. 2019. № 7-5 (31). С. 37–40.
3. Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.04
4. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций: учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2020. 240 с.
5. Королёва А. В. Теоретический анализ причин возникновения эмоционального выгорания и аддиктивизации представителей социальных профессий // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2019. Т. 18. № 2 (40). С. 13–17.
6. Круглова Е. А., Попель Н. В., Раскумандрин М. Е. Особенности профессионального психического выгорания у государственных служащих и педагогов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2017. № 1. С. 21–25.
7. Ласкин А. А., Подвойский В. П. Педагогические и психологические условия преодоления профессиональных деструкций у педагогов: личностно-ориентированный подход // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 210–215.
8. Львова С. В. Профессиональная мотивация педагогов образовательного учреждения // Системная психология и социология. 2015. № 3 (15). С. 54–62.
9. Молчанова Л. Н., Старкова Е. Е. Трансформация состояния психического выгорания в личностные свойства как проявление профессиональной деформации представителей профессий помогающего типа // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19. № 3. С. 40–44.
10. Обозов Н. Н., Полежаева О. Д. Принципы системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики в концепции Б. Ф. Ломова // Фундаментальные и прикладные

исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития: сб. статей. М.: ИП РАН, 2017. С. 289–295.

11. **Ольховская Е. Б.** Профессиональное здоровье педагогов: проблемы, пути оптимизации // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54–7. С. 70–76.

12. **Перепёлкина Н. А.** Профессиональное выгорание педагога как препятствие на пути к профессиональной самореализации // Гуманитарный научный журнал. 2017. № 1. С. 38–42.

13. **Петраш Е. А.** Историко-перспективный анализ системного подхода в психологии // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 2 (5). С. 58–69.

14. **Поварёнков Ю. П.** Системогенетический анализ профессионального развития личности // Институт психологии российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 4–39.

15. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.

16. **Самохвал В. Г.** Проблемы возникновения профессиональной деструкции и профессионального выгорания // Территория науки. 2016. № 4. С. 20–23.

17. **Benkova K., Yavor Georgiev Y., Vlaeva N., Kolev G., Peeva K. G.** Supervision of professional burnout of social workers in Bulgaria // 4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017. Conference proceedings. 2017. Book 3. Vol. 3. P. 751–758. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.098

18. **Bezliudnyi O., Kravchenko O., Maksymchuk B., Mishchenko M., Maksymchuk I.** Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators // Journal of Physical Education and Sport. 2019. Vol. 19. № 3. P. 1585–1590.

19. **Boeckelmann I., Darius S., Zavgorodnii I. V., Zavgorodnia N. I., Kapustnik W. A., Tymbota M. O.** Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers // New Armenian Medical Journal. 2017. Vol. 11. № 2. P. 63–71.

20. **Galustyan O. V., Berezhnaya I. F., Beloshitsky A. V.** Professional and career development of teachers // Sodobna Pedagogika. 2017. Vol. 68. № 4 (134). P. 158–172.

21. **Martynova N. A., Eliseeva K. A.** Terminological peculiarities of the professional deformation // Modern Research and Development. 2018. № 10 (27). P. 976–977.

22. **Masyh V. V.** Systemic and synergetic approaches to the problem of formation productive and creative competence of future specialists // News of Science and Education. 2017. № 3 (51). P. 031–037.

23. **Nagymzhanova K. M., Aykenova R. A., Baikhozhaeva B. U., Suguralieva A. M., Vlasova N. V.** Professional factors of the occurrence of emotional burnout syndrome // Journal of Intellectual Disability — Diagnosis and Treatment. 2020. Vol. 8. № 1. P. 41–51. DOI: 10.6000/2292-2598.2020.08.01.6

24. **Osipova I. S., Nikishov S. N., Rakitskaya H. V.** Psychological support of teachers with burnout syndrome // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 12. P. 3257–3260.

25. **Polyakova O. B.** Features of the image of social workers with professional deformations // Contemporary Problems of Social Work. 2019. Vol. 5. № 4 (20). P. 147–153. DOI: 10.17922/2412-5466-2019-5-4-147-153

26. **Polyakova O. B., Petrova E. A., Mironova O. I.** Features of subjective well-being of leaders with professional deformations (burnout) // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2018. P. 958–965. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.117

27. **Rukina M. V.** Teachers psycho-emotional burnout as a problem: approaches, perspectives // The Strategies of Modern Science Development. proceedings of the XVI International scientific-practical conference. North Charleston, USA, October 24–25, 2018. North Charleston: CreateSpace, 2018. P. 65–70.

28. **Zakharova L. M., Maidankina N. Yu., Kagui N. V.** Professional health as a condition of teachers' potential development // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 12. С. 870–876.

References

1. **Druzhilov S. A.** Professional'noe blagopoluchie cheloveka i psixologicheskie aspekty` professional'noj adaptacii i professional'ny`x destrukcij [Professional well-being of a person and psychological aspects of professional adaptation and professional destructions] // Sovremenny`e nauchny`e issledovaniya i innovacii [Modern research and innovation]. 2016. № 12 (68). P. 1236–1246.

2. **Egenisova A. K., Erubaeva A. R.** Professional'naya deformatsiya lichnosti pedagoga i puti ee preodoleniya [Professional personality deformation teacher and ways to overcome it] // Colloquium-journal. 2019. № 7-5 (31). P. 37–40.
3. **Zaharova L. N., Saralieva Z. X.-M., Leonova I. S.** Uсталost' kak pokazatel' social'no-psixologicheskogo vozrasta personala [Fatigue as an indicator of socio-psychological age of personnel] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2019. № 2 (30). P. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.04
4. **Zeer E. F., Sy'manyuk E. E.** Psixologiya professional'ny'x destrukcij: uchebnoe posobie [Psychology of Professional Destruction: tutorial]. M.: Akademicheskij Proekt, 2020. 240 p.
5. **Korolyova A. V.** Teoreticheskij analiz prichin vozniknoveniya e'mocional'nogo vy'goraniya i addiktivizacii predstavitelej social'ny'x professij [Theoretical analysis of the causes of emotional burnout and addictionalization of representatives of social professions] // Gaudeamus: psixologo-pedagogicheskij zhurnal [Psychological and pedagogical journal Gaudeamus]. 2019. T. 18. № 2 (40). P. 13–17.
6. **Kruglova E. A., Popel' N. V., Raskumandrina M. E.** Osobennosti professional'nogo psixicheskogo vy'goraniya u gosudarstvenny'x sluzhashhix i pedagogov [Features professional mental burnout in public servants and teachers] // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenny'e, obshhestvenny'e nauki [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural, social sciences]. 2017. № 1. P. 21–25.
7. **Laskin A. A., Podvojskij V. P.** Pedagogicheskie i psixologicheskie usloviya preodoleniya professional'ny'x destrukcij u pedagogov: lichnostno-orientirovanny'j podxod [Pedagogical and psychological conditions Overcoming Professional Destruction in Teachers: Personal oriented approach] // Obrazovanie. Nauka. Nauchny'e kadry' [Education. Science. Scientific personnel]. 2019. № 4. P. 210–215.
8. **L'vova S. V.** Professional'naya motivatsiya pedagogov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Professional motivation of educators' institutions] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2015. № 3 (15). P. 54–62.
9. **Molchanova L. N., Starkova E. E.** Transformatsiya sostoyaniya psixicheskogo vy'goraniya v lichnostny'e svoystva kak proyavlenie professional'noj deformatsii predstavitelej professij pomogayushhego tipa [Transforming Mental Health burnout into personal properties as a manifestation of professional deformations of representatives of professions of the assisting type] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika [Bulletin Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogics. Psychology. Social work. Youth studies. Sociokinetika]. 2013. T. 19. № 3. P. 40–44.
10. **Obozov N. N., Polezhaeva O. D.** Principy' sistemnogo podxoda v psixologii kak osnovnogo instrumenta poznaniya psixiki v koncepcii B. F. Lomova [Principles of a systemic approach in psychology as the main tool for knowing the psyche in the concept of B. F. Lomov] // Fundamental'ny'e i prikladny'e issledovaniya sovremennoj psixologii. Rezul'taty' i perspektivy' razvitiya: sb. statej. [In the collection: Fundamental and applied studies of modern psychology. Results and development prospects]. M.: IP RAN, 2017. P. 289–295.
11. **Ol'xovskaya E. B.** Professional'noe zdorov'e pedagogov: problemy', puti optimizacii [Professional health of teachers: problems, ways of optimization] // Problemy' sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]. 2017. № 54–7. 2017. P. 70–76.
12. **Perepyolkina N. A.** Professional'noe vy'goranie pedagoga kak prepyatstvie na puti k professional'noj samorealizacii [Professional burnout of a teacher as an obstacle to professional self-realization] // Gumanitarny'j nauchny'j zhurnal [Humanitarian scientific journal]. 2017. № 1. P. 38–42.
13. **Petrash E. A.** Istoriko-perspektivny'j analiz sistemnogo podxoda v psixologii [Historical and Perspective Analysis of the Systemic Approach in Psychology] // Kollekcija gumanitarny'x issledovanij [Collection of Humanitarian Studies]. 2017. № 2 (5). P. 58–69.
14. **Povaryonkov Yu. P.** Sistemogeneticheskij analiz professional'nogo razvitiya lichnosti [Systemogenetic analysis of professional personality development] // Institut psixologii rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psixologiya i psixologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and work psychology]. 2017. T. 2. № 4. P. 4–39.
15. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems Psychology: Monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
16. **Samohval V. G.** Problemy' vozniknoveniya professional'noj destrukcii i professional'nogo vy'goraniya [Problems of professional destruction and professional burnout] // Territoriya nauki [Territory of science]. 2016. № 4. P. 20–23.

17. **Benkova K., Yavor Georgiev Y., Vlaeva N., Kolev G., Peeva K. G.** Supervision of professional burnout of social workers in Bulgaria // 4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017. Conference proceedings. 2017. Book 3. Vol. 3. P. 751–758. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.098
18. **Bezliudnyi O., Kravchenko O., Maksymchuk B., Mishchenko M., Maksymchuk I.** Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators // Journal of Physical Education and Sport. 2019. Vol. 19. № 3. P. 1585–1590.
19. **Boeckelmann I., Darius S., Zavgorodnii I. V., Zavgorodnia N. I., Kapustnik W. A., Tymbot M. O.** Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers // New Armenian Medical Journal. 2017. Vol. 11. № 2. P. 63–71.
20. **Galustyan O. V., Berezhnaya I. F., Beloshitsky A. V.** Professional and career development of teachers // Sodobna Pedagogika. 2017. Vol. 68. № 4 (134). P. 158–172.
21. **Martynova N. A., Eliseeva K. A.** Terminological peculiarities of the professional deformation // Modern Research and Development. 2018. № 10 (27). P. 976–977.
22. **Masyh V. V.** Systemic and synergetic approaches to the problem of formation productive and creative competence of future specialists // News of Science and Education. 2017. № 3 (51). P. 031–037.
23. **Nagymzhanova K. M., Aykenova R. A., Baikhozhaeva B. U., Suguralieva A. M., Vlasova N. V.** Professional factors of the occurrence of emotional burnout syndrome // Journal of Intellectual Disability — Diagnosis and Treatment. 2020. Vol. 8. № 1. P. 41–51. DOI: 10.6000/2292-2598.2020.08.01.6
24. **Osipova I. S., Nikishov S. N., Rakitskaya H. V.** Psychological support of teachers with burnout syndrome // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 12. P. 3257–3260.
25. **Polyakova O. B.** Features of the image of social workers with professional deformations // Contemporary Problems of Social Work. 2019. Vol. 5. № 4 (20). P. 147–153. DOI: 10.17922/2412-5466-2019-5-4-147-153
26. **Polyakova O. B., Petrova E. A., Mironova O. I.** Features of subjective well-being of leaders with professional deformations (burnout) // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2018. P. 958–965. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.117
27. **Rukina M. V.** Teachers psycho-emotional burnout as a problem: approaches, perspectives // The Strategies of Modern Science Development. proceedings of the XVI International scientific-practical conference. North Charleston, USA, October 24–25, 2018. North Charleston: CreateSpace, 2018. P. 65–70.
28. **Zakharova L. M., Maidankina N. Yu., Kagui N. V.** Professional health as a condition of teachers' potential development // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. T. 8. № 12. S. 870–876.

УДК 613.693:159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.4

КЛАССИФИКАЦИЯ СТИЛЕЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТОРОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ГОМЕОСТАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

К. Н. Еськов,ГНЦ РФ – ИМБП РАН, Москва,
eskov@imbp.ru

В статье представлена классификация индивидуальных стилевых особенностей инструментального поведения операторов в процессе коллективного решения гомеостатических задач. Классификация строится на основе оценки уровня моторной активности и уровня лидерской активности. Использована двухуровневая градация моторной активности — моторно-активный и моторно-неактивный уровни, а также трехуровневая градация лидерской активности — явный лидер, неочевидный лидер и нелидер (педант). На базе выделенных уровней разработана классификация, включающая в себя шесть стилей индивидуального инструментального поведения.

На основе разработанной классификации сформулировано и обосновано понятие индивидуального стилевого портрета, характеризующего такие особенности инструментального поведения оператора, которые закреплены в структуре его личности. Стиль деятельности оператора представляет собой единство индивидуальных черт личности и ситуативных особенностей инструментального поведения, складывающихся в процессе групповой взаимозависимой деятельности при выполнении методики «Гомеостат». Таким образом, установлено, что разработанная классификация позволяет оценивать особенности инструментального поведения оператора в процессе решения гомеостатических задач.

Ключевые слова: групповая взаимозависимая деятельность; групповая эффективность; методика «Гомеостат»; моторная активность; лидерская активность; индивидуальные стили инструментального поведения.

Для цитаты: Еськов К. Н. Классификация стилей инструментального поведения операторов при выполнении гомеостатических задач // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 48–57. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.4

Еськов Константин Николаевич, кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела психофизиологии, нейрофизиологии и психофизиологии деятельности оператора Государственного научного центра Российской Федерации Института медико-биологических проблем РАН, Москва.

E-mail: eskov@imbp.ru

ORCID: 0000-0001-6192-9612

UDC 613.693:159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.4

CLASSIFICATION OF INSTRUMENTAL BEHAVIOR STYLES OF OPERATORS WHILE THE HOMEOSTAT TASKS ARE PERFORMING

K. N. Eskov,GNC RF – IMBP RAN, Moscow,
eskov@imbp.ru

The article presents the classification of individual stylistic features of the instrumental behavior of operators in the process of collective solution of homeostatic problems. The classification is based on the assessment of the level of motor activity and the level of leadership activity. Two-level motor activity gradations: a motor active and motor inactive levels, and the three-tiered gradation of leadership activity — a clear leader, the obvious leader and the nonleader (pedant) are used. On the basis of the selected levels, the classification has been developed that includes six styles of individual instrumental behavior.

© Еськов К. Н., 2020

On the basis of the developed classification, the concept of an individual style portrait, which characterizes such features of the operator's instrumental behavior that are fixed in the structure of his personality is formulated and justified. The style of the operator's activity is a unity of individual personality traits and situational features of instrumental behavior, which are formed in the process of group interdependent activity when the Homeostat technique is performed. Thus, it is established that the developed classification allows us to evaluate the features of the instrumental behavior of the operator in the process of solving homeostatic problems.

Keywords: group interdependent activity; group efficiency; Homeostat technique; motor activity; leadership activity; individual styles of instrumental behavior.

For citation: Eskov K. N. Classification of instrumental behavior styles of operators while the homeostat tasks are performing // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 48–57. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.4

Eskov Konstantin Nikolaevich, Candidate of Biology, Research Associate of the Department of Psychophysiology, Neurophysiology and Psychophysiology of Operator Activity of the State Scientific Center of the Russian Federation — Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: eskov@imbp.ru

ORCID: 0000-0001-6192-9612

Введение

Одним из важнейших требований к экипажам пилотируемых космических объектов является способность успешно выполнять групповую взаимозависимую деятельность в сложных условиях полета. Данная способность может быть выявлена в процессе комплектования экипажей с учетом результатов работы по методике «Гомеостат». Сущность методики заключается в том, что группе лиц, состоящей из 3–4 человек, предлагается совместными усилиями решить единую операторскую задачу. В процессе ее решения каждый оператор действует самостоятельно, оказывая при этом влияние на деятельность партнеров. Взаимное влияние может приводить как к положительному, так и к отрицательному результату, т. е. способствовать решению задачи или препятствовать ему. Успех достигается в том случае, если группе удастся сформировать эффективный алгоритм совместной работы.

Задача повышения эффективности групповой деятельности решается путем выявления индивидуальных стилей работы. Разработка классификации индивидуальных стилей деятельности может быть успешно реализована посредством применения методики «Гомеостат», позволяющей оценивать особенности инструментального поведения каждого оператора в процессе решения гомеостатических задач.

Групповая эффективность

Специфической особенностью космического полета является пребывание членов экипажа в условиях, сопряженных с высоким риском для жизни. В этих условиях очень большое значение имеет психологическая совместимость участников полета, обеспечивающая успешность групповой взаимозависимой деятельности. Способность эффективно взаимодействовать с партнерами по экипажу в экстремальных условиях космического полета входит в число профессионально значимых качеств космонавта.

В целях рационального комплектования экипажа способность к эффективному взаимодействию необходимо выявлять в процессе дополетного обследования кандидатов к участию в полете. Для этого в 60-е гг. XX столетия, в период осуществления в нашей стране первых пилотируемых орбитальных полетов, под руководством специалиста в области авиационной психологии Ф. Д. Горбова была разработана методика «Гомеостат» [2; 4]. В процессе работы с этой методикой группа операторов решает общую задачу. При этом действия каждого оператора автоматически включаются в деятельность других участников работы, что либо помогает решить задачу, либо мешает этому.

Обеспечение операторской деятельности осуществляется благодаря активизации всей психической системы. При этом особое внимание уделяется учету влияния текущего

эмоционального состояния на мышление операторов [5: с. 119]. Методика «Гомеостат» применяется в практике наземных исследований с частичной имитацией условий космического полета. С помощью данной методики осуществляется оценка влияния экспериментальных условий на успешность групповой взаимозависимой деятельности [3; 13].

В последние годы наблюдается рост интереса к проблеме групповой эффективности, что объясняется появлением новых исследований в рамках групповой психологии [6; 14]. Наиболее перспективные направления исследований эффективной деятельности малых групп представлены в публикациях Дж. Кейтон, Г. Йилмаза [12; 19]. Проблема повышения эффективности группы рассматривается в зарубежной литературе, однако имеющиеся публикации не затрагивают ряд вопросов, касающихся факторов, оказывающих влияние на эффективность работы гомеостатической группы [7; 9; 10; 17]. Таким образом, перед современными исследователями стоит задача определения экзогенных и эндогенных факторов, провоцирующих повышение либо снижение групповой эффективности при осуществлении взаимозависимой деятельности.

На сегодняшний день известен фактор слабого звена — присутствие в группе человека, обладающего низким уровнем мотивации к обучению при высокой направленности на избегание неудачи в процессе коллективной работы [18]. Исследование роли сильного звена в групповом взаимодействии указывает на то, что его основной характеристикой является компетентность. При этом наиболее компетентный член группы способен повысить эффективность деятельности только в случае, когда группа представляет собой сплоченный коллектив и выражает готовность подчиняться указаниям сильного участника, признавая его лидерство [11]. Таким образом, коллективная ориентация на успешное выполнение общей задачи способствует повышению эффективности групповой работы, в том числе при решении гомеостатических задач [8].

Обсуждая проблему эффективности группы, необходимо коснуться роли группового лидера в обеспечении деятельности. По мнению Г. М. Андреевой, лидеру малой группы

свойственны наибольшая активность и высокий уровень влияния на партнеров в процессе выполнения коллективной деятельности [1: с. 219]. Групповые лидеры разделяются между собой на два типа. К первому типу принадлежат лидеры, нацеленные на результат, тогда как во вторую группу входят лидеры, стремящиеся к поддержанию доброжелательных отношений со всеми членами команды [16]. Групповые лидеры, ориентированные на достижение результата совместной деятельности, оказываются более успешными, нежели лидеры, заинтересованные в сохранении комфортных отношений между членами группы [15]. Следовательно, гомеостатическому лидеру также должны быть свойственны высокий уровень личной активности в процессе решения гомеостатических задач и заинтересованность в успешности работы группы. Эти качества могут проявляться в стилевых особенностях деятельности, отраженных в классификации индивидуальных стилей инструментального поведения.

Таким образом, разработка вопроса о феномене лидерства в гомеостатических группах подлежит детальному изучению.

Методика исследования

Техническое оснащение методики «Гомеостат» включало в себя персональный компьютер (ноутбук), четыре индивидуальных пульта испытуемых и блок коммутаций (рис. 1), предназначенный для приема сигналов с индивидуальных пультов и передачу их на порт ноутбука.

Сеанс тестирования включал в себя два этапа. На первом, вводном, этапе основным действующим лицом был экспериментатор. Он проводил инструктаж операторов и давал команду к началу работы. Вторым этапом посвящался решению задач, и здесь главную роль играли операторы; участие экспериментатора сводилось к управлению процедурой тестирования: сообщению об окончании работы с очередной задачей и предъявлению новой задачи.

В рамках каждого сеанса гомеостатического тестирования малой группе операторов (3–4 человека) предъявляли 4–6 гомеостатических задач разной сложности. Уровень

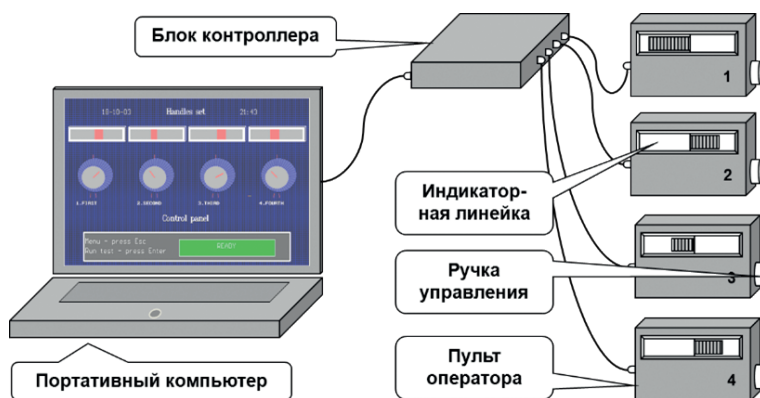

Рис. 1. Внешний вид и структура компьютеризированного устройства «Гомеостат»

сложности присваивался каждой задаче заранее в зависимости от степени взаимного влияния партнеров. Решенными считались задачи, успешно выполненные в пределах трех минут. Если за это время решение не было найдено, задача считалась нерешенной.

Порядок предъявления задач и предварительная обработка полученных данных проводились в процессе тестирования по специальной программе.

Процедура выполнения методики «Гомеостат» состояла в следующем. В руках у каждого оператора находился пульт, снабженный индикаторной линейкой (ИЛ), шкалой с нулевой отметкой в центре и поворотной (винтовой) рукояткой управления (рис. 2). В исходной позиции ИЛ операторов были разведены в крайние положения. Согласно инструкции, участникам работы предстояло одновременно

зафиксировать свои ИЛ в нулевой точке шкалы. В процессе решения задачи операторы поворачивали ручку управления, контролируя положение своего индикатора. При этом интенсивность и направление вращения могли изменяться в зависимости от индивидуального стиля работы оператора. Таким образом осуществлялось взаимное влияние как на положение собственной ИЛ, так и на положение ИЛ других участников группы. В итоге действия каждого оператора оказывали непосредственное влияние на всех операторов, включенных в совместное решение задачи. Если кто-то из операторов своими действиями приводил собственную ИЛ к нулю, то у его партнеров ИЛ могла одновременно смещаться в противоположную от нуля сторону.

На рисунке 2 видно, что во время работы операторы сидели спиной друг к другу.

Рис. 2. Выполнение методики «Гомеостат»

Это позволяло исключить возможность зрительного контроля показаний индивидуальных пультов соседей, сидящих справа и слева. При этом речевой обмен какой-либо информацией между участниками работы был полностью исключен.

Оценка инструментального поведения каждого оператора осуществлялась путем измерения показателей моторной активности и лидерской активности. На первом этапе производилась оценка времени, затраченного оператором на манипулирование ручкой управления. Затем осуществлялась оценка времени, затраченного на сознательное управление совместной деятельностью. Сознательные действия имели четко выраженный, структурированный характер и были охарактеризованы как лидерские. Если хаотичные действия можно было описать как направленные в обе стороны вращения ручки управления, то сознательные движения представляли собой упорядоченное и размеренное вращение ручкой управления. Главной отличительной особенностью сознательных действий стал их, на первый взгляд, иррациональный характер, так как они не способствовали приближению ИЛ к нулевой позиции.

В итоге особенности индивидуального поведения операторов при работе с методикой «Гомеостат» оценивались по показателям моторной и лидерской активности, которые вначале рассчитывались для каждого испытуемого в среднем за сеанс, а эти расчетные показатели, в свою очередь, усреднялись в рамках каждой отдельной группы, в которой данный оператор принимал участие. В конечном счете индивидуальный стиль работы каждого участника характеризовался сочетанием двух показателей, один из которых отражал уровень моторной активности, а другой — уровень лидерской активности.

В исследовании приняли участие 46 операторов — мужчин и женщин в возрасте от 22 до 48 лет, — работавших в различных комбинациях по 3–4 человека в составе 18 групп. Всего были предъявлены 542 гомеостатические задачи. Исследования выполнялись в разных условиях: до, во время и после, а иногда только до и после экспериментальной групповой изоляции в помещениях малого объема.

Продолжительность изоляции в разных экспериментах различалась и составляла в одних случаях 7–8 суток, в других — 14–90 суток, а в одном случае достигла 240 суток.

Программа проведенного эксперимента одобрена Комиссией по биомедицинской этике при ГНЦ РФ – ИМБП РАН.

Обсуждение результатов

В основу разработанной классификации индивидуальных стилевых особенностей инструментального поведения операторов положен многолетний опыт исследований с использованием методики «Гомеостат». Обработка результатов методики произведена на основании учета двух признаков, характеризующих уровни моторной и лидерской активности оператора. Использована двухуровневая градация моторной активности — моторно-активный и моторно-неактивный уровни, а также трехуровневая градация лидерской активности — явный лидер, неочевидный лидер и нелидер (педант). Результаты исследования выявили шесть классификационных групп, отражающих шесть стилей инструментального поведения.

В таблице 1 представлены индивидуальные стили инструментального поведения, выявленные в процессе решения гомеостатических задач (I–VI), границы классификационных групп по показателям выраженности лидерской активности (ЛА) и моторной активности (МА), представленность каждой классификационной группы в процентном соотношении.

Распределение показателей индивидуального стиля инструментального поведения представлено на рисунке 3. Пунктирной линией обозначены межгрупповые границы. Каждая из 58 точек, изображенная на рисунке, представляет собой показатель, состоящий из двух взаимосвязанных компонентов — значений уровня лидерской и моторной активности. Значения получены путем усреднения персональных данных каждого оператора, зарегистрированных в процессе работы с методикой «Гомеостат» в рамках группы, в которой испытуемый был задействован. В процессе решения гомеостатических задач некоторые

Классификация стилей инструментального поведения операторов при выполнении гомеостатических задач¹

Стили инструментального поведения	Границы групп по показателям ЛА (%) и МА (%)	Представленность
I — моторно-неактивный явный лидер	$45 \leq \text{ЛА} < 100$ $0 < \text{МА} < 20$	14 %
III — моторно-неактивный неочевидный лидер	$20 \leq \text{ЛА} < 45$ $0 < \text{МА} < 20$	31 %
V — моторно-неактивный нелидер (педант)	$0 < \text{ЛА} < 20$ $0 < \text{МА} < 20$	12 %
II — моторно-активный явный лидер	$45 \leq \text{ЛА} < 100$ $20 \leq \text{МА} < 100$	3 %
IV — моторно-активный неочевидный лидер	$20 \leq \text{ЛА} < 45$ $20 \leq \text{МА} < 100$	29 %
VI — моторно-активный нелидер (педант)	$0 < \text{ЛА} < 20$ $20 \leq \text{МА} < 100$	10 %

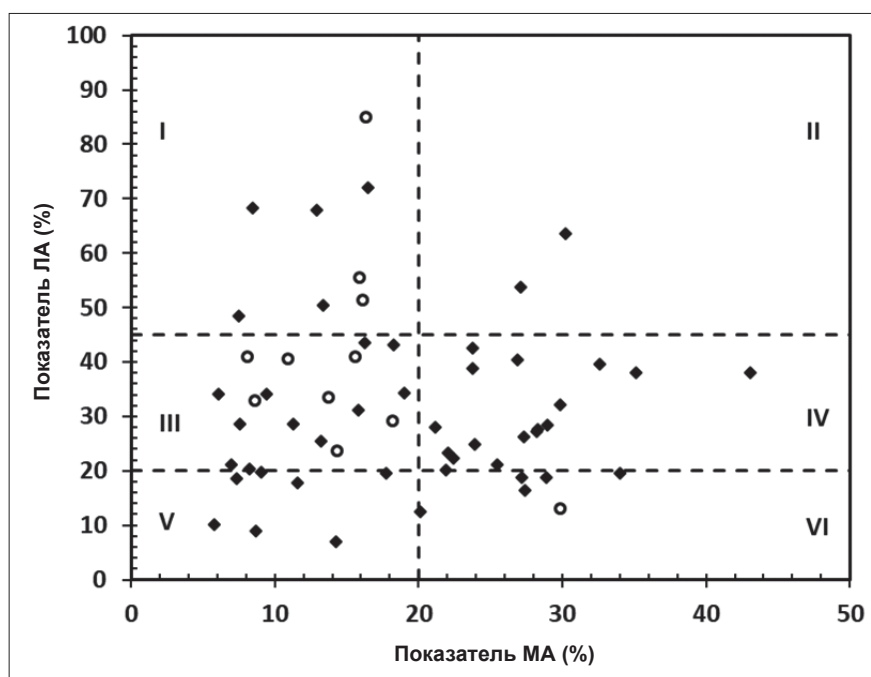

Рис. 3. Распределение показателей индивидуального стиля инструментального поведения:

I-VI — индивидуальные стили инструментального поведения, соответствующие шести классификационным группам; кружки — женщины, ромбы — мужчины; МА — моторная активность, ЛА — лидерская активность

операторы работали в составе нескольких групп, в связи с чем ряд испытуемых представлен несколькими точками, а суммарное количество точек превышает общую численность испытуемых.

Как видно на рисунке 3, среди испытуемых преобладают стили инструментального поведения, для которых характерны черты неочевидного лидерства как при наличии моторной активности, так и при отсутствии таковой. Результаты исследования указывают на то, что смешанные стили инструментального поведения операторов при выполнении групповой взаимозависимой деятельности встречаются намного чаще, чем однотипные. Тем не менее

¹ Еськов К. Н. Взаимосвязанная операторская деятельность изолированной малой группы (методика «Гомеостат»): дис. ... канд. биол. наук: 14.03.08. М., 2019. С. 106.

в смешанном стиле отчетливо видно доминирование конкретной зоны области рассеивания, что указывает на преобладание одного из шести выделенных стилей индивидуально-инструментального поведения.

Стили инструментального поведения, выявленные при выполнении методики «Гомеостат», могут использоваться с целью классификации операторов по индивидуальным параметрам деятельности, так как стиль деятельности связан со структурой личности человека. Определение индивидуального стиля поведения в условиях выполнения взаимозависимой работы может способствовать прогнозированию эффективности групповой деятельности.

Анализ данных, приведенных в таблице 2, свидетельствует о том, что стили индивидуального инструментального поведения

устойчивых и доминирующих черт, на базе которых выстраивается стилевой портрет личности. Данные таблицы 2 указывают на то, что для оператора LES характерно преобладание III и V стилей индивидуального инструментального поведения, сочетающих в себе отсутствие моторной активности при неочевидном лидерстве с признаками проявления педантизма. Для оператора А-ев характерно преобладание II и IV стилей индивидуального инструментального поведения, сочетающих наличие моторной активности и явное либо скрытое стремление к лидерству. Для оператора Р-й в большей степени характерен V стиль индивидуального инструментального поведения, сочетающий отсутствие моторной активности при отсутствии стремления к лидерству, т. е. проявлении педантизма.

Таблица 2

Частота распространения стилей инструментального поведения²

Операторы	Количество групп	Стили инструментального поведения (количество случаев)					
		I	II	III	IV	V	VI
LES	4	2	–	4	–	3	–
А-ев	8	1	5	1	5	1	–
Р-й	8	1	–	4	–	8	1

операторов, характеризующие способ взаимодействия в процессе выполнения гомеостатических задач, могут быть устойчивыми, доминирующими и ситуационными. Для устойчивого стиля индивидуальной инструментальной деятельности характерен способ поведения, проявляющийся при осуществлении взаимозависимой деятельности в любой группе. Доминирующий стиль поведения — это способ выполнения гомеостатических задач, характерный для работы в большинстве групп. Ситуационный стиль индивидуального инструментального поведения характеризуется нестабильностью, т. е. присутствием в одних группах и отсутствием в других. Таким образом, в основе индивидуального стиля поведения оператора лежит совокупность

Полученные данные свидетельствуют о том, что индивидуальный стиль деятельности представляет собой системное единство устойчивых и доминирующих черт, зафиксированных в структуре личности человека и ситуационно обусловленных особенностей инструментального поведения. В зависимости от степени выраженности стилевого портрета личности способ поведения индивида зависит либо от его личностных качеств, либо от характера текущей ситуации. Наличие устойчивых и доминирующих стилей поведения способствует успешному прогнозированию эффективности групповой взаимозависимой деятельности.

Заключение

Классификация индивидуальных стилей деятельности дает возможность объективно оценить индивидуальные особенности

² Еськов К. Н. Взаимосвязанная операторская деятельность изолированной малой группы (методика «Гомеостат»): дис. ... канд. биол. наук: 14.03.08. М., 2019. С. 116.

инструментального поведения каждого оператора в процессе коллективного выполнения гомеостатических задач. В дальнейшем необходимо изучение стилевого портрета личности и ситуационно-обусловленных изменений поведения в ходе выполнения коллективной работы. Усилия исследователей должны быть направлены на определение оптимальной стилевой конструкции группы, обеспечивающей наибольшую результативность при осуществлении взаимозависимой деятельности. Особенно важно разработать методические

подходы к выявлению лиц, участие которых в коллективной взаимозависимой деятельности будет приводить к снижению ее эффективности.

Информационный потенциал разработанной классификации позволяет глубже изучить механизмы групповой взаимозависимой деятельности и использовать полученные знания для повышения надежности не только космических экипажей, но и профессиональных групп различного назначения, работающих в экстремальных условиях.

Литература

1. **Андреева Г. М.** Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 363 с.
2. **Горбов Ф. Д., Новиков М. А.** Вопросы интегративной оценки групповой деятельности // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов / О-во психологов при Акад. пед. наук РСФСР. Вып. 3: Инженерная психология. Симпозиум «Прием и переработка информации человеком». М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. С. 49–50.
3. **Еськов К. Н.** Исследование межличностного взаимодействия с помощью компьютеризированного варианта методики «Гомеостат» // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2005. Т. 39. № 2. С. 20–25.
4. **Новиков М. А.** Психофизиологические и экпсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях // Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 178–217.
5. Очерки психологии труда оператора / под ред. Е. А. Милерян. М.: Наука, 1974. 306 с.
6. **Сидоренков А. В., Ульянова Н. Ю., Ильюков В. Л.** Социально-психологические противоречия и воспринимаемая эффективность малых групп в организации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 3. С. 94–101.
7. **Bradley B. H., Baur J. E., Banford C. G., Postlethwaite B. E.** Team players and collective performance: how agreeableness affects team performance over time // Small Group Research. 2013. Vol. 44. Issue 6. P. 680–711. DOI: 10.1177/1046496413507609
8. **Driskell T., Driskell J. E., Burke S., Salas E.** Team Roles: a review and integration // Small Group Research. 2017. Vol. 48. Issue 4. P. 482–511. DOI: 10.1177/1046496417711529
9. **Eys M., Ohlert J., Evans M. B., Wolf S. A.** Cohesion and performance for female and male sport teams // The Sport Psychologist. 2015. Vol. 29. Issue 2. P. 97–109. DOI: 10.1123/tsp.2014-0027
10. **Filho E., Dobersek U., Gershgoren L., Becker B.** The cohesion-performance relationship in sport: A 10-year retrospective meta-analysis // Sport Sciences for Health. 2014. Vol. 10. Issue 3. P. 165–177. DOI: 10.1007/s11332-014-0188-7
11. **Haе Sang Park, Soo-Young Shin.** The role of the star player in a cohesive group // Small Group Research. 2015. Vol. 46. Issue 4. P. 415–430. DOI: 10.1177/1046496415587592
12. **Keyton J.** The future of small group research // Small Group Research. 2016. Vol. 47. Issue 2. P. 134–154. DOI: 10.1177/1046496416629276
13. **Novikov M. A., Bystritskaya A. F., Eskov K. N.** HOMEOSTAT — A Bioengineering System // Proceedings of 23rd International Conference on Environmental Systems, USA, Colorado Springs, July 12–15, 1993. P. 1–8. URL: https://www.researchgate.net/publication/300680442_HOMEOSTAT_-_A_Bioengineering_System (дата обращения: 23.12.2020). DOI: 10.4271/932068
14. **Pescosolido A. T.** Informal leaders and the development of group efficacy // Small Group Research. 2001. Vol. 32. Issue 1. P. 74–93. DOI: 10.1177/104649640103200104
15. **Tortorella G. L., Fettermann D. de C., Frank A. G., Marodin G. A.** Lean manufacturing implementation: leadership styles and contextual variables // International Journal of Operations and Production Management. 2018. Vol. 38. № 5. P. 1205–1227. DOI: 10.1108/ijopm-08-2016-0453
16. **Tortorella, G. L., Fettermann D. C., Fries C. E.** Relationship between lean manufacturing implementation and leadership styles // Proceedings of the 2016 International Conference on Industrial Engineering

and Operations Management, Detroit, Michigan, USA, September 23–25, 2016. P. 85–96. URL: https://www.academia.edu/32849455/Relationship_between_lean_manufacturing_implementation_and_leadership_styles (дата обращения: 23.12.2020).

17. **Treuer K., McLeod J., Fuller-Tyszkiewicz M.** Determining the components of cohesion using the repertory grid technique // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2018. Vol. 22. № 2. P. 108–128. DOI: 10.1037/gdn0000085

18. **Valcea S., Hamdani M., Bradley B.** Weakest link goal orientations and team expertise: implications for team performance // *Small Group Research*. 2019. Vol. 50. Issue 3. P. 315–347. DOI: 10.1177/1046496418825302

19. **Yilmaz G., Youngreen R.** The application of minority influence theory in computer-mediated communication groups // *Small Group Research*. 2016. Vol. 47. Issue 6. P. 692–719. DOI: 10.1177/1046496416661033

References

1. **Andreeva G. M.** *Social'naya psixologiya. 5-e izd., ispr i dop.* [Social Psychology / 5th ed., amended and supplemented]. M.: Aspekt Press, 2014. 363 p.

2. **Gorbov F. D., Novikov M. A.** Voprosy` integrativnoj ocenki gruppovoj deyatel`nosti [Issues of integrative evaluation of group activities] // *Tezisy` dokladov na II s`ezde Obshhestva psixologov / O-vo psixologov pri Akad. ped. nauk RSFSR. Vy`p. 3: Inzhenernaya psixologiya. Simpozium «Priem i pererabotka informacii chelovekom».* [Abstracts of reports of the II Congress of the Society of Psychologists]. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1963. P. 49–50.

3. **Es`kov K. N.** Issledovanie mezhlichnostnogo vzaimodejstviya s pomoshh`yu komp`yuterizirovannogo varianta metodiki "Gomeostat" [Study of interpersonal interaction using a computerized version of the Homeostat technique] // *Aviakosmicheskaya i e`kologicheskaya medicina [Aerospace and Environmental]*. 2005. T. 39. № 2. P. 20–25.

4. **Novikov M. A.** Psixofiziologicheskie i e`kopsixologicheskie aspekty` mezhlichnostnogo vzaimodejstviya v avtonomny`x usloviyax [Psychophysiological and ecopsychological aspects of interpersonal interaction in autonomous conditions] // *Problemy` obshheniya v psixologii [Problems of communication in psychology]*. M.: Nauka, 1981. P. 178–217.

5. *Ocherki psixologii truda operatora / pod red. E. A. Mileryan* [Essays on the psychology of operator labor / ed. by E. A. Mileryan]. M.: Nauka, 1974. 306 p.

6. **Sidorenkov A. V., U`yanova N. Yu., Il'yukov V. L.** Social'no-psixologicheskie protivorechiya i vosprinimaemaya e`ffektivnost` malyx grupp v organizacii [Socio-psychological contradictions and perceived effectiveness of small groups in the organization] // *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki [News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences]*. 2014. № 3. P. 94–101.

7. **Bradley B. H., Baur J. E., Banford C. G., Postlethwaite B. E.** Team players and collective performance: how agreeableness affects team performance over time // *Small Group Research*. 2013. Vol. 44. Issue 6. P. 680–711. DOI: 10.1177/1046496413507609

8. **Driskell T., Driskell J. E., Burke S., Salas E.** Team Roles: a review and integration // *Small Group Research*. 2017. Vol. 48. Issue 4. P. 482–511. DOI: 10.1177/1046496417711529

9. **Eys M., Ohlert J., Evans M. B., Wolf S. A.** Cohesion and performance for female and male sport teams // *The Sport Psychologist*. 2015. Vol. 29. Issue 2. P. 97–109. DOI: 10.1123/tsp.2014-0027

10. **Filho E., Dobersek U., Gershoren L., Becker B.** The cohesion-performance relationship in sport: A 10-year retrospective meta-analysis // *Sport Sciences for Health*. 2014. Vol. 10. Issue 3. P. 165–177. DOI: 10.1007/s11332-014-0188-7

11. **Hae Sang Park, Soo-Young Shin.** The role of the star player in a cohesive group // *Small Group Research*. 2015. Vol. 46. Issue 4. P. 415–430. DOI: 10.1177/1046496415587592

12. **Keyton J.** The future of small group research // *Small Group Research*. 2016. Vol. 47. Issue 2. P. 134–154. DOI: 10.1177/1046496416629276

13. **Novikov M. A., Bystritskaya A. F., Eskov K. N.** HOMEOSTAT — A Bioengineering System // *Proceedings of 23rd International Conference on Environmental Systems, USA, Colorado Springs, July 12–15, 1993.* P. 1–8. URL: https://www.researchgate.net/publication/300680442_HOMEOSTAT_-_A_Bioengineering_System (accessed: 23.12.2020). DOI: 10.4271/932068

14. **Pescosolido A. T.** Informal leaders and the development of group efficacy // *Small Group Research*. 2001. Vol. 32. Issue 1. P. 74–93. DOI: 10.1177/104649640103200104
15. **Tortorella G. L., Fettermann D. de C., Frank A. G., Marodin G. A.** Lean manufacturing implementation: leadership styles and contextual variables // *International Journal of Operations and Production Management*. 2018. Vol. 38. № 5. P. 1205–1227. DOI: 10.1108/ijopm-08-2016-0453
16. **Tortorella, G. L., Fettermann D. C., Fries C. E.** Relationship between lean manufacturing implementation and leadership styles // *Proceedings of the 2016 International Conference on Industrial Engineering and Operations Management*, Detroit, Michigan, USA, September 23–25, 2016. P. 85–96. URL: https://www.academia.edu/32849455/Relationship_between_lean_manufacturing_implementation_and_leadership_styles (accessed: 23.12.2020).
17. **Treuer K., McLeod J., Fuller-Tyszkiewicz M.** Determining the components of cohesion using the repertory grid technique // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2018. Vol. 22. № 2. P. 108–128. DOI: 10.1037/gdn0000085
18. **Valcea S., Hamdani M., Bradley B.** Weakest link goal orientations and team expertise: implications for team performance // *Small Group Research*. 2019. Vol. 50. Issue 3. P. 315–347. DOI: 10.1177/1046496418825302
19. **Yilmaz G., Youngreen R.** The application of minority influence theory in computer-mediated communication groups // *Small Group Research*. 2016. Vol. 47. Issue 6. P. 692–719. DOI: 10.1177/1046496416661033

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.5

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНСТРУКТА ЛИЧНОСТИ ПЕРФЕКЦИОНИСТОВ

Ю. А. Филясова,

СПБУТУиЭ, Санкт-Петербург,

phill.yield@gmail.com

В статье проводится теоретический анализ конструкта личности перфекционистов, причин возникновения перфекционизма и способов его преодоления. Перфекционисты характеризуются ригидными конструктами личности, высокими стандартами и зеркальным отражением собственных конструктов на других членов общества. Перфекционистские конструкты ограничивают свободу интерпретации прошлого опыта, восприятия действительности и прогнозирования будущих событий.

Основной источник перфекционизма — семья: влияние родителей на образование жестких установок, постановку высоких целей, а также отсутствие самостоятельного целеполагания и осознания собственных потребностей. Ригидность конструктов формируется как защитный механизм личности от негативных событий и страха совершения ошибки под влиянием неблагоприятного социального окружения, сужая сознание человека перфекционистскими рамками и ограничивая его адаптационный потенциал. Генерализация ограниченного числа конструктов в ответ на различные события приводит к неспособности перфекционистов выйти за рамки собственных шаблонов восприятия и успешно адаптироваться к новым условиям. Кроме того, жесткие конструкты и стремление достичь высоких целей создают фрагментарность и дискредитизацию восприятия непрерывного континуума жизни. Желание достичь высоких целей, как правило, искажает гармоничное развитие личности.

Депрессия, прокрастинация, эмоциональное выгорание и другие нарушения психического состояния перфекционистов продиктованы их неспособностью учитывать собственные возможности при достижении высоких целей. Умение формулировать реальные цели и различать их по степени важности и другим критериям, а также осознание и приоритизация потребностей в процессе обучения и профессионализации рассматриваются в данной работе как ключевые факторы преодоления негативных проявлений перфекционизма.

Ключевые слова: перфекционизм; конструкт личности; ригидность; прокрастинация; эмоциональное выгорание; целеполагание; социальная дезадаптация.

Для цитаты: Филясова Ю. А. Моделирование конструкта личности перфекционистов // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 58–69. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.5

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Санкт-Петербург.

E-mail: *phill.yield@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-9728-9458

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.5

PERFECTIONIST PERSONAL CONSTRUCT MODELLING

Yu. A. Filyasova,

SPbUMTE, Saint-Petersburg,

phill.yield@gmail.com

The article provides a theoretical analysis of perfectionist personal construct, reasons of its emergence and prevention methods. Perfectionists are characterized by rigid personal constructs, high standards and mirror reflection of their own constructs on other people. Perfectionist constructs restrict the freedom of experience interpretation, reality perception and future events forecasting.

© Филясова Ю. А., 2020

The main source of perfectionism development is considered to be the family — parental influence on hard line formation, setting high goals, along with the lack of autonomous goal setting skills and awareness of one's own needs. Construct rigidity occurs as a protective mechanism against negative events and fear of committing errors, under the influence of unfavorable social environment, thus confining the consciousness with perfectionist frames and limiting their adaptation potential. Generalization of a limited number of constructs over various events leads to perfectionist inability to think beyond their own mental shortcuts or successfully adapt to new social conditions. In addition, rigid constructs and strong intention to achieve high goals create fragmentariness and discretization of perception of the ongoing life continuum. The desire to achieve high goals, as a rule, interferes with harmonic personal development.

Depression, procrastination, burnout and other psychological disorders related to perfectionists are caused by their inability to take into consideration their possibilities for achieving high goals. Goal setting skills and the ability to differentiate goals by different criteria, along with awareness and prioritization of needs in the process of education and professionalization are considered in this paper as key factors of negative perfectionist signs elimination.

Keywords: perfectionism; personal construct; rigidity; procrastination; burnout; goal setting; social alienation.

For citation: Filyasova Yu. A. Perfectionist personal construct modelling // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 58–69. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.5

Filyasova Yulia Anatolyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of pedagogy and psychology at St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia.

E-mail: phill.yield@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9728-9458

Введение

Актуальность изучения перфекционизма обусловлена необходимостью выявления и предотвращения развития психических деформаций, вызванных перфекционизмом, таких как тревожность, мрачные мысли, попытки суицида [22; 24], депрессия [15], расстройства пищеварения [9]. Изучение конструкта личности важно с точки зрения успешной адаптации личности в обществе, удовлетворения потребностей человека и эффективного решения общественно значимых задач. Линейный характер существования человека и общества во времени означает непрерывно происходящие изменения личности и общества. Конструкт личности перфекционистов, напротив, характеризуется неадаптивностью и, как результат, низкой степенью удовлетворения собственных потребностей, социализации и профессионализации. Целью данной работы является проведение теоретического анализа конструкта личности перфекционистов, причин возникновения перфекционизма и способов его преодоления.

Перфекционизм — это социально-психологическое явление, которое возникает под влиянием главным образом диссеминации внутрисемейных отношений: завышенные ожидания родителей транслируются

психике и мировоззрению ребенка. В результате образуется несоответствие между личностными возможностями, с одной стороны, и ожиданиями человека, с другой стороны. Перфекционизм рассматривают как явление высокого порядка: абсолютный, самокритичный, нарциссический — и низкого порядка: ориентированный на себя, на окружающих, на повышение самооценки, на коррекцию ошибок; вызванный сомнениями относительно действий, самокритичностью, социальными ожиданиями, гиперкритицизмом; обусловленный чувством собственного величия [23]. На основе локуса возникновения психической проблемы П. Хьюитт и Г. Флетт различают перфекционистов (1) самомотивированных, (2) ориентирующихся на соответствие социальным ожиданиям и стандартам общества, (3) ожидающих от окружающих соответствия их высоким идеалам [14].

Перфекционизм можно рассматривать как положительное, так и отрицательное явление [4]. В социальной сфере положительные качества перфекциониста проявляются в готовности и способности человека к достижению высоких результатов деятельности. Однако чаще всего перфекционизм становится предметом исследований как социально отрицательное явление. Чрезмерная концентрация

внимания на идеализированном представлении о желаемых результатах не позволяет человеку подобрать необходимые средства для их достижения, принять окружающих людей личного круга общения и трудового коллектива. В итоге поставленные цели не бывают достигнуты. На психологическом уровне характерными проявлениями становятся прокрастинация, эмоциональное выгорание, депрессия, тревога и другие психические расстройства [1].

Конструкт личности перфекционистов

Личность человека определяется его взаимодействием с окружающими людьми. Совершение поступков объясняется внутренним видением и интерпретацией действительности человеком. Современное трансформирующееся общество предлагает человеку новые стандарты и идеалы в разных сферах человеческой жизнедеятельности. Быстро меняющиеся условия общественной жизни бросают вызов адаптационным возможностям личности. Перфекционисты оказываются в наиболее затруднительном положении, учитывая несоответствие их конструктов личности реалиям трансформирующегося общества [17]. Принцип общности личностных конструктов предполагает наличие схожих моделей интерпретации приобретаемого опыта, собственного поведения и поведения окружающих, которые можно классифицировать как перфекционистские конструкты. Объективация перфекционизма личности важна для профилактики и преодоления психологических кризисов личности и обеспечения долгосрочной успешной жизнедеятельности человека в процессе социального общения и выполнения общественно значимых задач.

Для эффективного социального взаимодействия необходимо понимание оценки деятельности человека другими участниками социума. Сходство интерпретации полученного опыта и поведения является основой для успешного решения социально значимых задач. Опыт и поведение, т. е. внешние наблюдаемые проявления личности, могут быть одинаковыми или разными. Сходство

или различие внешних проявлений личности не имеет значения. Основную ценность для взаимодействия людей приобретает внутреннее понимание происходящих с ними событий, т. е. их интерпретация.

Формирование системы конструктов личности — это непрерывный динамический процесс, который происходит под влиянием внешних условий и внутреннего опыта личности для прогнозирования будущих событий и создания собственной картины мира. Индивидуальная интерпретация человеком своего жизненного опыта имеет практический прогностический характер и основывается в заданный момент времени и ситуации на определенном конструкте личности, который влияет на поступки человека и его психическое состояние. Перфекционисты, характеризующиеся несоответствием ожиданий личностным возможностям, отличаются, предположительно, преобладанием упредительных, констелляторных, всесторонних, жестких, основных типов конструктов. Их количество минимально. Первичен тот конструкт, который отражает сосредоточение внимания перфекциониста. Следовательно, иерархия конструктов выстраивается на основе данного первичного конструкта. Перфекционисты не могут выйти за пределы собственных личностных конструктов, даже если они не соответствуют социальным реалиям. Предполагающие, частные, свободные, периферические конструкты, напротив, составляют малую долю либо вовсе отсутствуют в сознании перфекционистов. Такое представление конструктов, безусловно, упрощено (рис. 1). Тем не менее унифицированная форма конструктов перфекционистов может указывать на то, что выбор конструкта ограничен до одного при прогнозировании результата во всех возможных ситуациях социального и делового общения. Отсутствие смены конструктов означает низкие адаптивные возможности личности перфекциониста. Жесткое рамочное мышление не позволяет перфекционистам свободно анализировать ситуации не только для успешного решения социальных задач, но и для удовлетворения собственных потребностей. Рассмотрим свойства конструкта личности перфекционистов.

Рис. 1. Конструкт личности перфекционистов

Ригидность мышления

Жесткие рамочные конструкты образуются, как правило, в неблагоприятных условиях агрессивной внешней среды под влиянием инстинкта самосохранения и повышения личной безопасности путем закрепления и упрочения имеющихся конструктов. Они преобладают над конструктами расширения, или конструктами риска, ориентированными на приобретение опыта, получение новой информации для образования новых личностных конструктов.

Формирование жестких рамочных конструктов может происходить следующим образом. Под влиянием своего непосредственного значимого окружения — родителей — и их высоких требований личность испытывает стресс из-за осознания вероятности совершения ошибки. Ребенок не склонен к расширению своего жизненного опыта, поскольку такая практика влечет за собой высокую долю неопределенности и риск совершения ошибки. Упрочение уже имеющейся системы на основе первоначально сложившегося способа интерпретации опыта приводит к формированию жестких упредительных конструктов и к сведению их числа до минимума. Взрослая личность, попадая в новую социальную среду, например в учебное заведение или рабочий коллектив, переносит опыт общения с родителями на новых участников коммуникации и повторяет принцип применения конструктов для решения задач, не допуская конструктов расширения, которые несут в себе высокую долю неопределенности, риска и вероятность совершения ошибки. Таким образом, агрессивная внешняя среда способствует формированию ригидности личности.

Поступки человека, определяемые решением тех или иных задач, совершаются на основе выбора определенного конструкта из множества других, которые могут подойти для принятия верного решения. Перфекционисты, по всей видимости, не тратят много времени на выбор конструктов для определенной ситуации, а расширяют имеющиеся конструкты для интерпретации новых ситуаций и явлений. Расширение и упрочение конструкта происходит до тех пор, пока он позволяет успешно прогнозировать будущие события и достигать поставленных целей. В случае появления неудачного опыта человек вынужден пересматривать имеющуюся систему конструктов. Анализ созданной в сознании человека системы конструктов основывается на имеющемся опыте. Перфекционисты исключают появление нового опыта из-за страха совершения ошибки, и они оказываются в сложном положении из-за отсутствия альтернативных конструктов для прогнозирования будущих событий. Генерализация нескольких конструктов не позволяет человеку мыслить вне заданных структур, а применение имеющихся шаблонов не приводит к желаемому результату. Кроме того, применение одних и тех же конструктов в разных социальных ситуациях позволяет человеку прогнозировать результат и унифицирует приобретаемый опыт. Постепенно ситуации делового и социального общения становятся безрезультатными и безынтересными для человека. Такая личность неизбежно подвержена кризису, проявляющемуся в различных формах депрессии, прокрастинации и эмоционального выгорания.

Неперфекционисты располагают открытыми конструктами, позволяющими им успешно адаптироваться к новым ситуациям. Открытые конструкты не предполагают обязательности следования определенной процедуре или траектории. Схематическое изображение конструктов разной формы внутри одного большого показывает, что, несмотря на наличие иерархии, частные конструкты достаточно свободны. Периферические конструкты, обозначенные линиями разной толщины и формы, свидетельствуют об их свободном статусе (см. рис. 2).

Рис. 2. Конструкт личности неперфекционистов

Понимание значимости определенных событий перфекционистами отличается от их понимания неперфекционистами, что приводит к ограничениям в активизации включения личности в преобразование общественных отношений. Выбор конструктов, который совершают перфекционисты, накладывает ограничения на свободу интерпретации явлений, которые ранее не появлялись в жизни человека. Применение перфекционистами жестких конструктов влечет за собой поведение, которое неперфекционисты могут интерпретировать как иррациональное, поскольку последние не оценивают события с точки зрения предпочитаемой перфекционистами прогностической системы.

Анализ личности перфекционистов с точки зрения системы жестких конструктов находится в соответствии со стратегией самосохранения личности в изменяющихся условиях, описанной С. Т. Посоховой [3: с. 159]. Консервация негативных эмоций приводит к развитию эмоционального выгорания, дестабилизирующего психологическую природу человека. Конструкт личности неперфекционистов, напротив, соответствует стратегии самораскрытия, ориентированной на активную адаптацию к новым условиям и приобретению нового жизненного опыта. Таким образом, рисунок 1 демонстрирует ригидность перфекционистских конструктов личности, препятствующих адаптации человека к трансформирующимся условиям, а рисунок 2 — гибкость и открытость личности неперфекционистов, отражающих их высокий адаптационный потенциал.

Преследование высоких целей

Первоначально формирование системы конструктов перфекционистов происходит на основе личного опыта под влиянием значимого окружения, т. е. родителей или воспитателей. Перфекционизму подвержены, как правило, дети, не имеющие братьев или сестер, а также старшие по рождению дети [18]. Родители с детства передают им свои завышенные ожидания, формируя иерархию жестких упредительных конструктов, которые в самом начале жизни человека приобретают статус основных и всесторонних. Однако если общение со сверстниками сведено до минимума, то последующее окружение не будет таким значимым для личности, как родители. Соответственно, жизненный опыт, приобретаемый человеком, каждый раз проходит через подчиняющие конструкты, основанные на завышенных ожиданиях родителей. Друзья, одноклассники, преподаватели, сокурсники, коллеги могут оказывать влияние на степень проницаемости конструктов, позволяя их модифицировать. Однако установка родителей на достижение высоких целей может повлиять на селективное восприятие последующего окружения и реагирование только на высокие стандарты в процессе индивидуального развития. Несмотря на то что человек обладает волей, способен интерпретировать свой опыт и выделять ценные для своего будущего события, именно влияние первых значимых людей крайне трудно поддается или вовсе не поддается личностному анализу и пересмотру. Таким образом, формирование личности перфекциониста складывается в условиях значительного влияния родителей и их завышенных ожиданий и минимального влияния других представителей социума.

Проявление перфекционизма как способа интерпретации опыта и образа мышления, направленного на достижение чрезмерно высоких целей, можно рассматривать на примере разных социальных институтов. В таблице 1 в качестве примера представлены пять социальных институтов: семья, церковь, социализирующая среда, образование и производство. Данные таблицы 1 демонстрируют

Таблица 1

Конструкты личности перфекционистов в различных социальных сферах

Семья	Церковь (религия)	Социализирующая среда	Образование	Производство
<ul style="list-style-type: none"> ✓ Полное соответствие ожиданиям значимых людей (родителей). ✓ Создание собственной семьи, соответствующей определенным критериям 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Поведение, соответствующее религиозным правилам. ✓ Создание семьи, соответствующей религиозным нормам 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Формирование образа личности, соответствующего задаваемому обществом идеалу. ✓ Ориентация на внешние атрибуты социализации 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Достижение высших академических результатов. ✓ Приобретение максимального объема знаний и навыков 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Идеальное выполнение общественно значимых задач, согласно всем установочным критериям. ✓ Достижение высшего результата профессионального роста

стремление перфекционистов в наивысшей степени соответствовать внешним требованиям, нормам, стандартам и др. Высокие ожидания родителей могут относиться ко всем или определенным сферам жизнедеятельности человека: социализации, образованию, трудовой деятельности. Идеал современной личности, задаваемый обществом, многогранен. Он включает здоровый образ жизни, духовные, моральные и эстетические ценности, высшее образование, материальную обеспеченность, семью, карьеру.

Единая система социальных норм необходима обществу для его успешного функционирования. Общепринятые стандарты в различных сферах жизнедеятельности — социальной, академической, экономической, культурной, правовой — составляют основу согласованного взаимодействия всех членов данного общества. Каждый отдельный индивид должен понимать свою индивидуальность и учитывать собственные характеристики и возможности при реализации личностного потенциала в различных сферах деятельности. Для перфекционистов социальные ожидания семьи и общества становятся основой для формирования жестких конструктов личности, которые не позволяют им адаптировать внешние требования, нормы, критерии к их собственным возможностям и жизненным ситуациям. Чем больше разница между идеализированным образом семьи, социальных отношений, образования, карьеры

и их реальными воплощениями, тем глубже стресс и психические расстройства.

Следование чужим правилам и стандартам может означать неспособность человека к самостоятельному осмыслению собственной деятельности и целеполаганию, которое объясняется недостаточной сформированностью умения ставить цели и достигать их, выбирать способы решения задач, управлять временным ресурсом. Такие навыки должны закладываться начиная с раннего возраста. Неспособность к автономному целеполаганию является следствием избыточного и/или негативного влияния родителей (воспитателей).

Причиной эмоциональных расстройств перфекционистов становится невозможность достижения всех целей из-за чрезмерно высоких требований, стремления к безупречности, критического отношения к себе и другим [5; 12; 14]. Однако сосредоточение даже на одной цели может исказить гармоничное развитие личности (см. табл. 2). Стремление перфекционистов, например, к достижению высоких академических результатов может исключить социальную сторону жизни, создание семьи или освоение будущей профессии. Другим примером может послужить полная отдача времени и энергии на выполнение рабочих обязанностей в ущерб семье и здоровью. В данном случае речь идет не о вынужденном получении необходимого дохода в период экономического кризиса, а о желании идеально исполнять общественно значимые

Проблемы перфекционистов в различных социальных сферах

Семья	Церковь (религия)	Социализирующая среда	Образование	Производство
<ul style="list-style-type: none"> ✓ Отсутствие собственных жизненных целей. ✓ Невозможность создания собственной семьи из-за несоответствия окружения определенным критериям 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Поведение, противоречащее религиозным правилам. ✓ Невозможность создания семьи из-за несоответствия религиозных норм и личных предпочтений 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Невозможность достижения идеального образа личности (физического, интеллектуального, духовного, социального, культурного и др.). ✓ Низкий уровень социализации 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Недостижение высших академических результатов. ✓ Приобретение недостаточного объема знаний и навыков 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Невыполнение общественно значимых задач. ✓ Отсутствие профессиональной реализации личности

задачи согласно всем установочным критериям или стремлению занять более высокий пост в организационной структуре.

Некоторые исследователи отмечают ориентацию перфекционистов на материальные атрибуты как вещественные показатели достижения цели [4: с. 60; 16: с. 3]. Для перфекционистов большую ценность имеют высокий доход, идеальная форма тела, высокая работоспособность и исполнение обязанностей точно в срок, в ущерб своему здоровью и социальной жизни.

Перфекционизм может проявляться также и в заботе о семье. Преувеличенное желание создать наилучшие материальные условия для своих детей подталкивает человека к чрезмерным усилиям в профессиональной сфере, которые могут привести к проблемам во взаимоотношениях с членами семьи. Сосредоточиваясь на достижении цели, перфекционисты пренебрегают именно межличностными отношениями, т. е. духовными и моральными ценностями. Для перфекционистов возникает парадоксальная ситуация: чрезмерное желание заботиться о близких заставляет их ставить цели, которые они не способны достичь; в результате забота о семье превращается в непосильную задачу. Такое перфекционистское стремление может разрушить семью изнутри: отдалить родителя-перфекциониста от детей и супруга(и), навредить внутрисемейным отношениям, разобщить членов семьи, подорвать здоровье родителя-перфекциониста.

Перфекционистские конструкты личности акцентируют внимание на конечном результате, квалифицируя процесс достижения цели как неважный. Любовь, семья, дружба, здоровье — это континуальные явления, которые разворачиваются во времени. Их основная ценность заключается в непрерывности, положительном характере, надежности, долгосрочности и устойчивости. Постановка целей предполагает достижение определенных результатов, которые вносят дискретность в непрерывный линейный континуум жизни и социальных взаимоотношений. Кроме того, конструкты личности перфекционистов накладывают ограничения на восприятие социальных ролей, функций и социального взаимодействия. Достижение определенного результата сужает восприятие перфекционистами многообразия и многогранности жизни. Создаваемые их сознанием жесткие конструкты значительно упрощают и ограничивают восприятие действительности, унифицируя модели прогнозирования будущих событий.

Перфекционистские взгляды противостоят религиозно-теологическим учениям о смысле жизни человека. Религиозные нормы предписывают человеку стремление к достижению благих целей. В философии перфекционизм рассматривается как благо-состояние, включающее дружбу, достижения, знания, нравственность, красоту [11]. Развиваясь, человек совершенствует рациональность, способность к новаторству и росту, развитию творческого потенциала, интуицию

и пронизательность, отзывчивость и сочувствие [10]. Базовые блага — любовь, знания, свобода, достижения и удовольствие — рассматриваются в контексте целевой теории благосостояния [19], которая подчеркивает важность всех благ одновременно для всех людей вне зависимости от их отношения к этим благам. С теологической точки зрения «Бог не только указал человеку цель жизни — совершенство, но и предложил средство для ее достижения. Человеку был предложен труд — труд физический... и интеллектуальный... а также труд постнический, аскетический» [2: с. 329]. Призвание личности заключается во всестороннем развитии как физических, так и нравственных качеств [8: с. 677]. Следовательно, стремление к совершенству заложено в самой природе человека и рассматривается как непрерывный процесс, охватывающий различные сферы человеческой жизни. Перфекционисты, напротив, воспринимают совершенствование через ригидные конструкты личности, отделяя желаемый результат достижения цели от процесса жизнедеятельности и воспринимая его как смысл своей жизни. Фокусируя внимание на недостижимых целях, перфекционисты смещают акценты с процесса жизнедеятельности на погоню за несбыточными мечтами и иллюзиями.

Негативное селективное и связанная с ним низкая самооценка порождают неверие в успех и приводят к депрессии вследствие однотипного прогнозирования развития ситуаций с использованием упреждающих конструктов, основанных на генерализации жизненного опыта и проецировании интерпретации прошлых событий на новые ситуации. В результате в сознании перфекционистов априори возникают ожидания проблем в разных социальных сферах. Негативное предвосхищение событий вызывает различные психические расстройства. Возникновение склонности к негативному селективанию может возникать под влиянием родителей, их чрезмерной сосредоточенности на ошибках ребенка, акцентировании внимания на неудачах. Склонность к ориентации человека на негативный опыт возникает постепенно и приводит к неспособности человека к анализу успешных событий и положительной

их интерпретации в будущем. Достижение целей при таком восприятии окружающей действительности затруднено или невозможно. Способами преодоления негативного селективания могут стать переосмысление прошлого опыта с точки зрения достигнутых результатов, анализ первоначальных целей и сопоставление их с имеющимися достижениями, переосмысление системы конструктов личности.

Постоянное сравнение себя с другими и завышенные ожидания от других как свойства конструкта личности перфекционистов осуществляется с помощью зеркальных нейронов, которые были открыты Дж. Ризоллатти и др. [20; 21]. Они дают возможность человеку переносить собственные действия на других и, напротив, имитировать действия других в собственной деятельности. Зеркальные системы активны при прогнозировании будущего, характеризуются избирательностью и активизируются только на определенные события. Конструкты личности перфекционистов и зеркальные нейроны, таким образом, имеют один вектор направленности.

Осознание потребностей как способ преодоления перфекционизма

Сложность понимания перфекционистских конструктов заключается в том, что их личностное восприятие действительности основывается на системе жестких упреждающих конструктов, которые состоят в определенных иерархических связях друг с другом. Выявление одного жесткого конструкта вряд ли изменит целостное восприятие перфекционистом окружающей действительности. При возникновении потребности модифицировать восприятие окружающего мира необходимо понимать совокупность взглядов личности.

Осознание личных потребностей и интериоризацию целей и задач можно рассматривать как неотъемлемые условия на пути к преодолению перфекционизма. Понимание различий между внешними и собственными целями, приоритизация задач необходимы для дифференциации опыта и спецификации

каждого отдельного события отдельно от других. Дробление единого основного конструкта личности на несколько разных конструктов позволит перфекционистам воспринимать временные интервалы жизни как череду отдельных событий и придавать им различную эмоциональную окраску и значение.

Разобшение генерализованного основного конструкта личности на более мелкие даст возможность относиться к жизни как к континуальному явлению, которое постепенно разворачивается во времени и требует индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации. Высокая цель будет восприниматься как ряд мелких, следовательно выполнимых задач; это предотвратит прокрастинацию и эмоциональное выгорание.

Параметры конструкта личности перфекционистов

Перфекционистами могут быть люди с разным уровнем физического здоровья, интеллектуальных способностей и социального положения [1: с. 30]. Деструктивный перфекционизм возникает, когда человек, обладая высокой степенью мотивации и мощной внутренней энергией, не может достичь поставленных целей. Нарушения можно рассматривать по следующим параметрам (табл. 3):

- 1) ригидность — неспособность человека менять внутренние установки для достижения целей и удовлетворения потребностей;
- 2) целеполагание — неспособность человека ставить собственные цели и классифицировать их по различным критериям: по степени важности, времени, значению и др., а также выбирать подходящие средства для их достижения;
- 3) осознание потребностей — неспособность определять и приоритизировать потребности и способы их удовлетворения.

Современные системы управления персоналом рассматривают человека как субъекта общественных отношений и учитывают многогранность форм проявления личности в профессиональной среде [6]. В процессе профессиональной коммуникации и осуществления

профессиональной деятельности работники приобретают общенациональный и общекультурный опыт. Благодаря социальной вовлеченности и адаптации, наряду с формированием трудового опыта и профессионально-квалификационного статуса осуществляется социальное развитие личности [7].

Выявление перфекционистских конструктов личности является важной частью системы управления персоналом. Положительные формы проявления перфекционизма могут быть успешно адаптированы для решения общественно значимых задач. Отрицательные проявления перфекционизма требуют создания специальных программ по развитию персонала, нацеленных на изменение системы конструктов личности, повышение их гибкости и открытости. Такие программы включают мероприятия по расширению жизненных и трудовых интересов работников, на основе которых они способны обогатить приобретаемый опыт, пересмотреть систему конструктов и изменить методику прогнозирования событий. Программы обучения персонала призваны повысить адаптивные возможности личности работников для успешного решения ими общественно значимых задач (рис. 3).

Выводы

Ригидные конструкты личности перфекционистов возникают как защитная реакция человека на неблагоприятное окружение под влиянием инстинкта самосохранения и фрагментируют сознание. В результате восприятие жизни как непрерывного линейного потока превращается в набор дискретных картин, похожих друг на друга.

Постановка целей ориентирована на максимально высокие стандарты общества. Стремление к их достижению нарушает гармоничное развитие личности, минимизирует значимость жизни как таковой, снижает адаптационные способности человека.

Негативное селектирование и низкая самооценка создают отрицательный эмоциональный фон при прогнозировании будущих событий. Ориентация на других и высокие ожидания от окружающих затрудняет

Параметры конструкта личности перфекционистов

Параметры	Характеристики параметров				
Ригидность	низкая	средняя	высокая		
Гибкость	низкая	средняя	высокая		
Мотивация к достижению целей	низкая	средняя	высокая		
Внутренняя энергия	слабая	средняя	сильная		
Здоровье	любое: слабое/удовлетворительное/крепкое				
Интеллектуальные способности	любые: низкие/средние/слабые				
Социальное положение	любое: низкое/среднее/высокое				
Постановка целей	<i>По источнику</i>		<i>По значению</i>		
	внешние	внутренние	главные	промежуточные	второстепенные
	<i>По важности</i>		<i>По времени</i>		
	стратегические	тактические	кратко-срочные	средне-срочные	долго-срочные
Осознание потребностей	<i>По предмету</i>		<i>По происхождению</i>		
	материальные	духовные	социальные	биогенные	психогенные
	<i>По субъекту</i>		<i>По характеру деятельности</i>		
	индивидуальные	групповые	общественные	субстанциональные	функциональные
	<i>По времени</i>		<i>По степени осознанности</i>		
	постоянные	циклические	ситуативные	осознаваемые	неосознаваемые

Рис. 3. Изменение жесткого конструкта личности перфекционистов (А) на адаптивную модель (Б) в процессе обучения и профессионализации

целеполагание и осознание собственных потребностей.

Изменение перфекционистской системы жестких конструктов личности означает

обретение свободы интерпретации прошлого опыта, восприятия настоящего и прогнозирования желаемого будущего.

Литература

1. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Моск. терапевт. журнал. 2001. № 4. С. 18–48.
2. Давыденков О. Догматическое богословие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 622 с.
3. Завьялова Е. К., Посохова С. Т. Психология предпринимательства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 296 с.
4. Ларских М. В., Пашкевич А. А. Методы духовно-нравственного воспитания студентов с высоким уровнем перфекционизма // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 1. С. 60–63.

5. **Наследов А. Д., Киселева Л. Д.** Адаптация «опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов // Вестник СПбГУ. Серия: Психология. Педагогика. 2016. № 3. С. 44–64. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.305
6. **Потемкин В. К.** Развитие личности как основание для достижения поставленных целей в профессиональной деятельности // Социология и право. 2017. № 4 (38). С. 20–27.
7. **Потемкин В. К.** Современные вызовы профессионализации в системе управления персоналом предприятий // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1. С. 496–503.
8. **Философия: учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова.** М.: Норма, 2005. 928 с.
9. **Bardone-Cone A. M., Wonderlich S. A., Frost R. O., Bulik C. M., Mitchell J. E., Uppala S., Simonich H.** Perfectionism and eating disorders: Current status and future directions // *Clinical Psychology Review*. 2007. № 27 (3). P. 384–405. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.12.005
10. **Bradford G.** Problems for perfectionism // *Utilitas*. 2017. № 29 (3). P. 344–364.
11. **Fletcher G.** Objective list theories. New York: Routledge, 2016. P. 148–160.
12. **Frost R. O., Marten P., Lahart C. M., Rosenblate R.** The dimensions of perfectionism // *Cognitive Therapy and Research*. 1990. № 14. P. 449–468. DOI: 10.1007/BF01172967
13. **Hamachek D. E.** Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // *Psychology of Human Behavior*. 1978. № 15 (1). P. 27–33.
14. **Hewitt P. L., Flett G. L.** Perfectionism in the self and social contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 60 (3). P. 456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456
15. **Hewitt P. L., Flett G. L.** Dimensions of perfectionism in unipolar depression // *Journal of Abnormal Psychology*. 1991. № 100. P. 98–101. DOI: 10.1037/0021-843X.100.1.98
16. **Hurka T.** Perfectionism. Oxford: OUP, 1993. 233 p.
17. **Kelly G.** The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955. 336 p.
18. **Neumeister K. L., Burney V. H.** Perfectionism and achievement motivation in high-ability students // *Journal for the Education of the Gifted*. 2015. № 38 (3). P. 215–232. DOI: 10.1177/0162353215592502
19. **Rice Ch. M.** Defending the objective list theory of well-being // *Ratio*. 2013. № 26 (2). P. 196–211. DOI: 10.1111/rati.12007
20. **Rizzolatti G., Fadiga L., Fogassi L., Gallese V.** From mirror neurons to imitation // *The imitative mind development, evolution, and brain bases*. Cambridge: CUP, 2002. P. 247–266. DOI: 10.1017/CBO9780511489969.015
21. **Rizzolatti G., Craighero L.** The mirror-neuron system // *Annual Review of Neuroscience*. 2004. № 27. P. 169–192. DOI: 10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230
22. **Smith M. M., Sherry S. B., Chen S., Saklofske D.** The perniciousness of perfectionism // *Journal of Personality*. 2018. 86. P. 522–542. DOI: 10.1111/jopy.12333
23. **Smith M. M., Saklofske D., Stoeber J., Sherry S. B.** The big three perfectionism scale // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2016. № 34 (7). P. 670–687. DOI: 10.1177/0734282916651539
24. **Smith M. M., Vidovic V., Sherry S. B., Saklofske D.** Self-oriented perfectionism and socially prescribed perfectionism add incrementally to the prediction of suicide ideation beyond hopelessness // *Handbook of Suicidal Behaviour*. Springer, 2017. P. 349–369. DOI: 10.1007/978-981-10-4816-6_19

References

1. **Garanyan N. G., Holmogorova A. B., Yudeeva T. Yu.** Perfekcionizm, depressiya i trevoga [Perfectionism, depression and anxiety] // *Mosk. terapevt. zhurnal* [Mosk. therapist. magazine]. 2001. №4. P. 18–48.
2. **Davydenkov O.** Dogmatischeskoe bogoslovie [Dogmatic theology]. М.: Izd-vo PSTGU, 2013. 622 p.
3. **Zav'yalova E. K., Posokhova S. T.** Psixologiya predprinimatel'stva [Entrepreneurial psychology]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. 296 p.
4. **Larskih M. V., Pashkevich A. A.** Metody` duxovno-nravstvennogo vospitaniya studentov s vy`sokim urovnem perfekcionizma [Methods of spiritual-moral education of students with a high level of perfectionism] // *Vestnik VGU: Problemy` vy`sshego obrazovaniya* [VSU Bulletin: Problems of higher education], 2019. № 1. P. 60–63.
5. **Nasledov A. D., Kiseleva L. D.** Adaptaciya «oprosnika perfekcionizma» dlya diagnostiki perfekcionistskix ustanovok studentov pervogo kursa texnicheskix vuzov [Adaptation of the “perfectionism questionnaire” to diagnose perfectionist attitudes among first-year technical university students] // *Vestnik SPbGU: Psixologiya*.

Pedagogika [Bulletin of St. Petersburg State University: Psychology. Pedagogics]. 2016. № 3. P. 44–64. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.305

6. **Potemkin V. K.** Razvitiye lichnosti kak osnovaniye dlya dostizheniya postavlenny`x celej v professional`noy deyatel`nosti [Personality development as the basis for achieving the set goals in professional activity] // Sociologiya i pravo [Sociology and law]. 2017. № 4 (38). P. 20–27.

7. **Potemkin V. K.** Sovremennyy`e vy`zovy` professionalizacii v sisteme upravleniya personalom predpriyatij [Professionalization current challenges in the personnel management companies] // Vestnik fak-ta upravleniya SPbGEU [Bulletin of St. Petersburg State Power Plant Control]. № 1. 2017. P. 496–503.

8. *Filosofiya* [Philosophy] / pod obshh. red. V. V. Mironova. M.: Norma, 2005. 928 p.

9. **Bardone-Cone A. M., Wonderlich S. A., Frost R. O., Bulik C. M., Mitchell J. E., Uppala S., Simonich H.** Perfectionism and eating disorders: Current status and future directions // *Clinical Psychology Review*. 2007. № 27 (3). P. 384–405. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.12.005

10. **Bradford G.** Problems for perfectionism // *Utilitas*. 2017. № 29 (3). P. 344–364.

11. **Fletcher G.** Objective list theories. New York: Routledge, 2016. P. 148–160.

12. **Frost R. O., Marten P., Lahart C. M., Rosenblate R.** The dimensions of perfectionism // *Cognitive Therapy and Research*. 1990. № 14. P. 449–468. DOI: 10.1007/BF01172967

13. **Hamachek D. E.** Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // *Psychology of Human Behavior*. 1978. № 15 (1). P. 27–33.

14. **Hewitt P. L., Flett G. L.** Perfectionism in the self and social contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 60 (3). P. 456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456

15. **Hewitt P. L., Flett G. L.** Dimensions of perfectionism in unipolar depression // *Journal of Abnormal Psychology*. 1991. № 100. P. 98–101. DOI: 10.1037/0021-843X.100.1.98

16. **Hurka T.** Perfectionism. Oxford: OUP, 1993. 233 p.

17. **Kelly G.** The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955. 336 p.

18. **Neumeister K. L., Burney V. H.** Perfectionism and achievement motivation in high-ability students // *Journal for the Education of the Gifted*. 2015. № 38 (3). P. 215–232. DOI: 10.1177/0162353215592502

19. **Rice Ch. M.** Defending the objective list theory of well-being // *Ratio*. 2013. № 26 (2). P. 196–211. DOI: 10.1111/rati.12007

20. **Rizzolatti G., Fadiga L., Fogassi L., Gallese V.** From mirror neurons to imitation // *The imitative mind development, evolution, and brain bases*. Cambridge: CUP, 2002. P. 247–266. DOI: 10.1017/CBO9780511489969.015

21. **Rizzolatti G., Craighero L.** The mirror-neuron system // *Annual Review of Neuroscience*. 2004. № 27. P. 169–192. DOI: 10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230

22. **Smith M. M., Sherry S. B., Chen S., Saklofske D.** The perniciousness of perfectionism // *Journal of Personality*. 2018. 86. P. 522–542. DOI: 10.1111/jopy.12333

23. **Smith M. M., Saklofske D., Stoeber J., Sherry S. B.** The big three perfectionism scale // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2016. № 34 (7). P. 670–687. DOI: 10.1177/0734282916651539

24. **Smith M. M., Vidovic V., Sherry S. B., Saklofske D.** Self-oriented perfectionism and socially prescribed perfectionism add incrementally to the prediction of suicide ideation beyond hopelessness // *Handbook of Suicidal Behaviour*. Springer, 2017. P. 349–369. DOI: 10.1007/978-981-10-4816-6_19

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.6

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

А. Б. Карпов,Материа Медика Холдинг, Москва,
*karpovab@yandex.ru,***М. В. Смирнова,**Материа Медика Холдинг, Москва,
khokhlovamv@gmail.com

В статье приводится обзор наиболее значимых теорий, повлиявших на формирование подходов к изучению трудовой мотивации за последнее столетие. Представленный обзор теорий совмещает как психологические концепции, разработанные авторами с позиций психологии личности, социальной и возрастной психологии, так и разработки социологов и экономистов. Ряд приведенных теорий опирается на абстрактные представления о мотивации, другие — основаны на масштабных многолетних исследованиях практических аспектов трудовой мотивации.

На основании обзора базовых принципов каждой из приведенных теорий проведен системный анализ того, как менялся предмет изучения и как эволюционировало определение трудовой мотивации. По итогам сводного анализа эволюции понятия выявляется соответствие основных постулатов теорий особенностям исторического периода, в который они были разработаны: социально-экономическим процессам, этапам промышленного производства, развитию технологий. Выделено четыре этапа появления теорий трудовой мотивации. Отмечается, что с завершением последнего этапа акцент в изучении трудовой мотивации стал смещаться на поведенческие проявления мотивации в организации. Внимание исследователей стало методически переключаться на изучение удовлетворенности, лояльности и вовлеченности работников.

Ключевой идеей статьи является вывод о необходимости использования системного подхода в работе психолога в организации, позволяющего, с одной стороны, опираясь на разработки ученых в области трудовой мотивации, создавать наиболее эффективные механизмы, стимулирующие к высокой производительности, а с другой, — используя современные методы оценки вовлеченности, лояльности и удовлетворенности, — систему оценки и управления поведенческими проявлениями мотивации сотрудников. Рассматриваются перспективы изучения трудовой мотивации с позиций системной психологии.

Ключевые слова: трудовая мотивация; системный подход; системная психология; вовлеченность в работу; содержательные теории мотивации; процессуальные теории мотивации; организационная психология.

Для цитаты: Карпов А. Б., Смирнова М. В. Эволюция системных представлений о трудовой мотивации // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36) С. 70–83. DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.6

Карпов Алексей Борисович, кандидат психологических наук, магистр делового администрирования, директор департамента организационного развития и персонала научно-производственной фирмы «Материа Медика Холдинг», Москва.

E-mail: *karpovab@yandex.ru*

ORCID: 0000-0001-5437-3265

Смирнова Маргарита Вячеславовна, старший менеджер по персоналу научно-производственной фирмы «Материа Медика Холдинг», Москва.

E-mail: *khokhlovamv@gmail.com*

ORCID: 0000-0003-0671-439X

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.6

EVOLUTION OF SYSTEM IDEAS ABOUT LABOR MOTIVATION

A. B. Karpov,

Materia Medica Holding, Moscow,
karpovab@yandex.ru,

M. V. Smirnova,

Materia Medica Holding, Moscow,
khokhlovamv@gmail.com

The article provides an overview of the most significant theories that have affected the formation of approaches to the study of labor motivation over the past century. The presented review of theories combines both psychological concepts developed by the authors from the position of personality psychology, social and age psychology, and the development of sociologists and economists. A number of these theories are based on abstract ideas about motivation, many of them take as a base large-scale long-term studies of practical aspects of work motivation.

Based on the review of the main principles of each of these theories, a systematic analysis of how the subject of study has changed and how the definition of work motivation has evolved is carried out. According to the results of a summary analysis of the evolution of the concept, the correspondence of the main postulates of the theories to the peculiarities of the historical period in which they were developed: socio-economic processes, stages of industrial production, and the development of technologies is revealed. There are 4 stages of emergence of labor motivation theories. It is noted that with the completion of the last stage, the focus in the study of labor motivation began to shift to behavioral manifestations of motivation in the organization. The attention of researchers gradually began to switch to the study of employee satisfaction, loyalty and engagement.

One of the key ideas of the article is the conclusion about the need for a systematic approach to the work of a psychologist in an organization, which allows on the one hand to create the most effective systems that stimulate high productivity, taking as a bases the development of scientists in the field of labor motivation and on the other hand — using modern methods of assessing engagement, loyalty and satisfaction — to create the system for evaluating and managing behavioral manifestations of employee motivation. The prospects of studying work motivation from the perspective of system psychology are considered.

Keywords: labor motivation; system approach; system psychology; involvement in work; meaningful theories of motivation; procedural theories of motivation; organizational psychology.

For citation: Karpov A. B., Smirnova M. V. Evolution of system ideas about labor motivation // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 70–83. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.6

Karpov Alexey Borisovich, PhD in Psychology, Executive Master of Business Administration, Head of organizational development and human resources department of the scientific and production company «Materia Medica Holding», Moscow, Russia.

E-mail: *karpovab@yandex.ru*

ORCID: 0000-0001-5437-3265

Smirnova Margarita Vyacheslavovna, senior HR manager of the scientific and production company «Materia Medica Holding», Moscow, Russia.

E-mail: *khokhlovamv@gmail.com*

ORCID: 0000-0003-0671-439X

Введение

Современное устройство общества и постоянные изменения в различных сферах: повышение темпа принятия решений и их реализации, появление новых видов деятельности, трансформация многих привычных действий, рост ценности интеллектуального труда и в то же время переход к масштабному использованию искусственного интеллекта, зачастую взамен человеческого, — задают новые ориентиры, меняют систему ценностей, влияют на мотивационную сферу во всех направлениях, особенно профессиональном [1]. В психологических исследованиях теме мотивации деятельности принадлежит ведущая роль, что имеет огромное значение не только для развития теоретических положений, но и для решения многих практических задач [9: с. 26].

Несмотря на многовековую историю изучения мотивации человека, проблема трудовой мотивации стала интересовать исследователей лишь в начале XX века. Однако к сегодняшнему дню именно данный вопрос приобрел наибольшую актуальность и поиск наиболее эффективной системы мотивации сотрудников с каждым годом становится все более важной задачей особенно для организационной психологии [6].

Современная организация максимально персонализирована с точки зрения подхода к созданию условий труда и мотивирующих систем для сотрудников. Эффективная система мотивации, представляющая собой комплекс связей сотрудников и компании, должна учитывать как специфику деятельности, так и соотношение потребностей работника и целей бизнеса. В этом случае можно достигнуть максимальной заинтересованности и результативности сотрудников, которые обеспечат экономические результаты компании.

При разработке системы мотивации сотрудников необходимо учитывать теоретическую базу, которая представлена большим разнообразием подходов представителей разных школ и даже научных областей. Некоторые теории трудовой мотивации уходят корнями в экономику — практики менеджмента или теории управления; часть подходов,

благодаря развитию психологической науки, является проекцией в профессиональную деятельность существующих в психологии личности концепций мотивации. Ряд теорий основаны на выводах, полученных в ходе масштабных исследований, другие — на абстрактных представлениях авторов о природе трудовой мотивации. Все это привело к тому, что существующие на сегодняшний день подходы к трудовой мотивации разрознены и с разных позиций объясняют данное явление [11].

Наиболее популярной в организационной психологии стала классификация, подразделяющая теории трудовой мотивации на содержательные и процессуальные. Каждая категория обосновывает мотивацию с точки зрения либо процессов, влияющих на мотивацию, либо со стороны внутренних потребностей и мотивов, направляющих деятельность человека.

Содержательные теории мотивации делают акцент на исследовании и объяснении того, что стимулирует работника и каковы мотивы его действий. Подобные теории сформулированы в начале XX века идеологами школы научного менеджмента — Г. Эмерсоном, Ф. Тейлором, Г. Ганттом. Они предложили использовать прогрессивную заработную плату для повышения мотивации сотрудников. Позже в «школе человеческих отношений», в которой сформировались теории А. Маслоу, Ф. Герцберга, Д. Макклелланда и К. Альдерфера, главенствующая роль отводилась внутренним потребностям, которые определяют поведение человека, направленное на достижение целей.

После содержательных свое развитие получили процессуальные теории, которые в большей степени изучают влияние различных факторов среды на мотивацию. Наиболее значимыми процессуальными теориями являются теория справедливости Дж. С. Адамса, теории В. Врума, Х. Хеккаузена, Д. Аткинсона, а также теория Л. Портера и Э. Лоулера. Все они анализируют распределение человеком усилий, а также выбор поведенческого способа для достижения различных целей. Авторы процессуальных теорий не оспаривают наличие потребностей, но считают, что

поведение во многом предопределено ожиданиями, в том числе ожиданиями вознаграждения и возможных последствий.

В классификации Х. Шольца [36: с. 324] существует еще одна группа теорий трудовой мотивации, которые исходят из принадлежности работника к определенному мотивационному типу, который устанавливается исходя как из мотивов и потребностей конкретного человека, так и из его отношения к работе. Среди них выделяются ХУ-теория Д. Мак-Грегора, теория Z У. Оучи, типология работников В. Герчикова.

Каждая из названных групп теорий трудовой мотивации обладает как достоинствами, так и недостатками. Содержательные теории обладают низким уровнем динамичности. Учитывая один или несколько факторов, такие теории не способны прогнозировать направление формирования трудовой мотивации. Процессуальные — слишком фиксируются на линейной зависимости мотивации от субъективного восприятия полученного результата и не учитывают все многообразие внутренних стимулов, воздействующих на работника в процессе деятельности. Теории, основанные на образе работника, гипертрофируют отдельные поведенческие проявления сотрудника до характеристик того или иного типа, а соотнесение с определенной группой работников временами напоминает присвоение ярлыков. Тем не менее, несмотря на эти недостатки, знание всех групп теорий важно для понимания того, что мотивирует людей к высокой производительности в их трудовой деятельности.

Теории трудовой мотивации XX века

Основные принципы системы целесообразности, которые способны мотивировать сотрудников и обеспечить максимальную производительность труда, были сформулированы Г. Эмерсоном в 1911 г. [24: с. 36]. К ним он относил правила планирования работы: нормирование операций, четкие инструкции и постановку задачи, дисциплину и регулярную обратную связь. Высокие результаты, по мнению автора, достигаются не повышением, а сокращением усилий за счет создания

таких условий, которые дают возможность сотруднику производить гораздо больше.

Проведя ряд организационных экспериментов, Ф. Тейлор пришел к выводу, что денежное стимулирование — основа высоких производственных показателей. В случае, когда результаты труда непосредственно влияют на материальное вознаграждение, сотрудники максимально заинтересованы в своей деятельности. Главной в управлении предприятием была идея об участии в развитии и управлении специально подготовленных менеджеров, а не только тех, кто управляет по праву собственности. Автор считал, что «главнейшей задачей управления должно быть обеспечение максимальной прибыли для предпринимателя в соединении с максимальным благосостоянием для каждого занятого в предприятии работника» [38: с. 135].

В отечественной науке в 20-е гг. XX века появляется теория трудовых установок, автором которой является А. Гастев. Согласно его концепции, мотивация рассматривается через понятие энтузиазма людей советского времени [3: с. 267]. Данный подход подразумевает существование мотивов, апеллирующих к высшим человеческим ценностям, таким как энтузиазм, долг, совесть. С точки зрения трудовой мотивации очень показательны стремления к досрочному выполнению плана, социалистическим соревнованиям.

В 1924–1932 гг. проводились так называемые хоторнские эксперименты на чикагских заводах Hawthorne Works. В исследованиях участвовали около 30 тысяч рабочих на заводе электротехнических изделий. Суть данного исследования заключалась в изучении влияния условий труда на показатели эффективности деятельности. Э. Мэйо пришел к выводу: производительность зависит от субъективного восприятия сотрудником существующих условий труда в большей степени, чем от объективных условий труда [29: с. 156]. Благодаря этим положениям появилась так называемая школа человеческих отношений, в которую заложены следующие идеи:

- «трудовая мотивация определяется в первую очередь существующими в организации социальными нормами, а не материальными стимулами, призванными удовлетворять

преимущественно базовые потребности работников;

- важнейшая детерминанта высокой эффективности труда — удовлетворенность работой, которая предполагает хорошую оплату, возможность служебного роста (карьеры), внимание руководителей к своим подчиненным, интересную и разнообразную работу;

- большое значение для мотивации производительного труда имеют социальное обеспечение и забота о каждом человеке, информирование работников о жизни организации, установление коммуникаций между руководителями всех уровней и подчиненными»¹ [2].

Начиная с ранних идей А. Н. Леонтьева 1940-х гг. в советской психологии под руководством ученого активно развивается теория деятельности. Полный ее вариант представлен в поздних работах Леонтьева о видах и значении мотивов, опубликованных в 1970-х гг. Автор теории деятельности и ее последователи в своих разработках учли опыт других теорий и школ: бихевиоризма, психоанализа, гештальтпсихологии. Основным тезисом стало то, что не сознание определяет бытие, а, наоборот, бытие, деятельность человека определяют его сознание. Потребности служат источником мотивации. Они обуславливают нужду во внешнем предмете, при встрече с которым происходит опредмечивание потребности и создается мотив целенаправленной деятельности. Мотив проявляется в способности побуждать и направлять деятельность [7: с. 94]. Важной ролью мотива является также функция смыслообразования, т. е. наполнение деятельности личностным смыслом.

В 40-е гг. XX века существенный вклад в развитие теории мотивации внес Дэвид Макклелланд, создавший теорию потребностей [30: с. 532]. Мотивация рассматривается с точки зрения выраженности одной из трех потребностей:

- власти (проявление влияния),
- успеха (процесс доведения работы до успешного завершения, не признание),

- причастности (обширные возможности социального общения).

Последователь и соратник Д. Макклелланда, Джон Аткинсон, изучавший природу человеческой мотивации, достижений и поведения в начале 1950-х гг. развил его идеи [22]. В своих исследованиях он выявил следующую закономерность: испытуемые, демонстрировавшие высокий уровень потребности в достижении, добивались большего, чем люди с низким уровнем этой потребности. Вторые были довольны тем, что им удалось избежать неудачи. Д. Аткинсон выделил стремление к успеху и стремление к избеганию неудач как основные факторы, определяющие ситуационную или диспозиционную мотивацию.

К середине века развиваются идеи о типологии сотрудников по их мотивации. Для наибольшей мотивации каждого типа к эффективной работе необходим соответствующий стиль управления и взаимодействия. Так, с точки зрения Д. Мак-Грегора, сотрудники делятся на два типа: сотрудники-Х и сотрудники-У [31: с. 191]. Первые не демонстрируют высокий уровень ответственности и работают преимущественно либо из-за денег, либо из страха перед некими угрозами. Для них необходим тотальный контроль. Вторые обладают высоким уровнем ответственности, им важно ощущать свою значимость для организации, необходимо обладать определенным уровнем свободы и полномочий при выполнении работы.

Спустя четыре десятилетия, идеи о типологии сотрудников по их мотивации развил В. И. Герчиков, создавший типологическую модель трудовой мотивации [4: с. 32]. Данный подход базируется на существовании устойчивых в течение трудовой жизни мотивационных типах. Модель, прежде всего, решает управленческие задачи и основана на предположении о подразделении сотрудников в зависимости от их мотивации на пять основных типов: инструментальный, профессиональный, патриотический, хозяйский, люмпенизированный. Мотивация представлена двумя противоположностями — достижением и избеганием. А трудовое поведение, в свою очередь, может быть активным и конструктивным или пассивным и деструктивным с точки зрения организации.

¹ Магура М., Курбатова М. Секреты мотивации, или Мотивация без секретов. М.: Управление персоналом, 2007. С. 62–63. URL: <https://b-ok.global/book/2932528/c52fca> (дата обращения: 26.12.2020).

Одной из самых известных и распространенных моделей мотивации является иерархия потребностей А. Маслоу [28]. Согласно его представлениям, мотивация определяется удовлетворенностью соответствующих потребностей. Потребности человека являются элементами иерархической структуры, где на первой ступени находятся физиологические, а далее располагаются потребности в безопасности, принадлежности и любви, признании. Наивысшую ступень занимает потребность в самоактуализации. Данная модель претендовала на объяснение процессов мотивации, охватывающих не только трудовую деятельность человека. Основная ее идея в том, что большая часть человечества не может реализовать потребности высшей природы без удовлетворения потребностей низшей.

Развивая концепцию А. Маслоу, Ф. Герцберг разработал двухфакторную модель мотивации [26: с. 15]. В своих исследованиях он уделял большое внимание факторам трудовой мотивации, которые подразумевают некоторую иерархию и последовательность. Факторы, влияющие на производственную деятельность человека, были разделены на две группы:

- гигиенические (удерживающие): административная политика компании, условия труда, величина заработной платы, межличностные отношения с руководством, коллегами, подчиненными;
- мотивирующие: содержание работы, достижения, признание заслуг, ответственность, возможности для карьерного роста.

Одной из наиболее значимых теорий XX века является теория Хайнца Хекхаузена. Автор предлагает рассматривать процессы мотивации относительно ее побудительных аспектов, которые могут проявлять себя через предвосхищение возможного достижения целей. Каждое действие включает в себя некую точку невозврата при переходе от постановки цели к ее реализации. На этом этапе принимается окончательное решение, и вся энергия направляется на единственно важную цель. Эта цель уже неоспорима, она определяет будущие действия, а альтернативные цели отвергаются [17: с. 326]. При возникновении барьеров человек активизирует волю, которая включается в мотивационный процесс,

направляющий к реализации деятельности. Модель «Рубикон» является фазовой моделью действий, так как обосновывает последовательность четырех фаз: 1) выбор; 2) оценка действий после их завершения; 3) целеполагание; 4) выполнение действий.

С позиции процессуального подхода наиболее значимыми в 60-е гг. XX века считаются теории, которые рассматривают мотивацию с точки зрения ожидания и оценки возможного результата и последствий деятельности. Так, С. Адамс сформулировал теорию справедливости, согласно которой устойчивость мотивации определяется как баланс или дисбаланс вклада в работу и получаемого вознаграждения [19]. Автор считал, что именно справедливость оценки действий и их результатов по сравнению с прошлыми периодами в большей степени влияет на мотивацию.

В этом же направлении рассуждал В. Врум, предложивший теорию ожиданий [39: с. 127], согласно которой мотивация определяется как произведение следующих переменных:

- предвосхищение ожидаемых итогов;
- ожидание последующего вознаграждения;
- валентность (ценность полученного вознаграждения).

Развивают идеи Врума и Адамса о сущности трудовой мотивации Э. Портер и Э. Лоулер. В их комплексной теории мотивации говорится о наличии переменных, от которых зависят результаты трудовой деятельности [33: с. 58]. Степень выраженности усилий зависит от осознания человеком ценности ожидаемого вознаграждения. Самоуважение и удовлетворенность результатами появляются при достижении цели, которые будут проявляться в дальнейшем при возникновении похожих ситуаций. Удовлетворенность, в свою очередь, оказывает влияние на восприятие работником трудовых ситуаций.

Разработавший теорию целеполагания Э. Локк предлагает рассматривать мотивацию в качестве внутреннего процесса, регулирующего поведение человека в зависимости от выбранной стратегии достижения целей [27]. В 1970-х гг. К. Альдерфер предлагает свою теорию мотивации, утверждая, что все потребности людей могут быть распределены

в отдельные группы и эти потребности имеют определенную иерархию. Согласно гипотезе Альдерфера, существует всего три группы потребностей: экзистенциальные, или потребности существования (Existence), социальные, или потребности связи (Relatedness), а также развития (Growth). По первым буквам названия каждой потребности данную теорию мотивации еще называют ERG-теорией. Автор предполагает, что чем менее удовлетворены потребности любого из уровней, тем сильнее они проявляются. В том случае, когда потребности более низкого уровня удовлетворены, то начинают активно проявлять себя потребности следующего уровня [21: с. 114].

В последующие годы больше внимания уделяется разработке подходов к трудовой мотивации с точки зрения баланса корпоративных и индивидуальных целей. П. Сенге считал, что мотивация сотрудника проявляется и определяется постоянным процессом профессионального самосовершенствования, обучения и развития. Корпоративная культура и система мотивации, по мнению автора, должны поощрять творческий подход, инициативность, желание сотрудников развиваться, поддерживать ценности организации. Обучение становится не эпизодическим, а постоянным явлением, сопровождающим жизнь сотрудников и культуру компании, трансформируя ее в самообучающуюся [37: с. 226].

В 1981 г. У. Оучи, создатель теории Z, сформулировал идею о том, что мотивация определяется именно сбалансированным соотношением корпоративных и индивидуальных целей. Главной задачей организации становится приведение в соответствие целей работников корпоративным целям. В данной теории одной из наиболее важных ценностей является трудовой коллектив [32].

В 1983 г. В. Магун сформулировал теорию на основе идеи о совершенствовании субъекта. Благополучие человека проявляется через сохранение и развитие. Автор говорил об амбивалентности действий человека, в которых есть как полезные, так и вредные свойства, выступающие в качестве платы за первые. Итоговая ценность события равна соотношению пользы и вреда. Новая потребность возникает после удовлетворения предыдущей

и является ценой ее удовлетворения. В теории обозначены четыре группы возможных цен: энергетические затраты; временная фрустрация потребности; конфликт между индивидуальными и социальными потребностями; отказ от одной потребности ради другой в результате ограниченности ресурсов [10: с. 47; 62–63].

Определяя мотивацию, побуждающую человека не только к трудовой, но и к другим видам деятельности, В. А. Ядов охарактеризовал ее как соотношение установок трех уровней — от ежедневного, предметного до ценностно-идеологического [18]. В. А. Ядов является автором диспозиционной модели личности, одна из центральных идей которой заключается в том, что в соответствии с временными рамками потребностей индивида возникают три типа диспозиционных образований: элементарные установки; социальные фиксированные установки; ценностные ориентации.

Один из создателей организационной психологии Э. Шейн в 1985 г. разработал комплексную модель мотивации, описывающую уникальное сочетание переменных факторов. Кроме того, он выдвинул предположение о заключении негласного психологического контракта, формирующегося в процессе взаимодействия руководителя и работника [35: с. 337]. Такой контракт подразумевает наличие ожиданий у руководителя в отношении результатов трудовой деятельности работника и вознаграждения со стороны сотрудника. Важно, чтобы психологический контракт интерпретировался обеими сторонами одинаково.

В 1990 г. Х. Рамперсад разработал систему сбалансированных показателей для объяснения природы трудовой мотивации [34: с. 153]. В данной теории ведущая роль отводится не столько внешней, сколько внутренней мотивации работника, которая состоит из четырех групп: здоровье и душевное состояние; отношения с другими людьми; знания и обучение; финансы.

Так называемый мотивационный комплекс, т. е. набор причин, формирующих мотив трудовой деятельности, был предложен А. А. Литвинюком в 1997 г. В рамках данного подхода мотивы, определяющие

поведение работника в трудовом коллективе, подразделены на пять групп, включающих мотивы безопасности подчинения, приобретения, энергосбережения, удовлетворения. Влияние мотивов, принадлежащих к разным группам, на трудовую деятельность работника зависит от ряда внешних и внутренних обстоятельств и не является постоянным. Если сила разных мотивов равна, доминирует тот, который может быстрее реализоваться [8: с. 276].

Суть трудовой мотивации исследовали Ш. Ричи и П. Мартин: под ней они понимали удовлетворение потребностей сотрудника в процессе работы [14: с. 162]. Когда работник высоко мотивирован, это отражается на его рабочем поведении: он думает и действует должным образом, меньше отсутствует на работе, больше проявляет инициативу, меньше жалуется. Отсюда проистекает задача менеджера — определить, что мотивирует его подчиненных. Критериями для анализа стали выделенные двенадцать факторов — потребностей человека, которые формируют его мотивационный профиль. На основе этих факторов авторы создали оригинальную методику оценки трудовой мотивации, широко используемую во многих организациях по сегодняшний день.

Этапы эволюции представлений о трудовой мотивации

Анализируя сводную таблицу представлений о трудовой мотивации в различных теориях, можно проследить как эволюционировали сами теории и выделить этапы формирования подходов и школ, изучавших данную проблему. Примечательно, что многообразные теории появлялись неравномерно, группируясь по определенным временным периодам. Начало каждого из них было связано, прежде всего, с развитием экономических процессов, изменением форм организации труда, появлением новых технологий, т. е. с перестройкой экономического и технологического контекста развития производственных систем [16]. Каждый из периодов не только определял подходы к управлению работниками, но и формировал определенный социальный заказ по разработке наиболее эффективных теорий трудовой мотивации.

Первый период — с 1911 по 1932 г. — этап индустриального подъема, развития массового производства, основанного на разделении труда, становление конвейерного производства, распространение электричества. В это время идет активное наращивание

Таблица

Представления о трудовой мотивации в разных теориях

Год	Автор	Тип теории	Определение трудовой мотивации (ТМ)
1911	Г. Эмерсон	содержательная	ТМ и производительность сотрудника регулируются с помощью четких рабочих регламентов
1912	Ф. Тейлор	содержательная	ТМ определяется адекватностью денежного вознаграждения
1923	А. К. Гастев	содержательная	ТМ проявляется через приверженность высоким командным целям
1927–1932	Э. Мэйо	содержательная	ТМ сотрудника зависит от субъективной оценки условий труда
1940–1970-е	А. Н. Леонтьев	содержательная	ТМ управляют потребности через опредмеченные мотивы деятельности
1940-е	Д. Макклелланд	содержательная	ТМ определяется выраженностью одной из потребностей рабочей деятельности: власти, успеха, причастности
1943	А. Маслоу	содержательная	ТМ определяется удовлетворенностью потребностей разных уровней
1948–1953	Д. Аткинсон	процессуальная	Стремление к успеху и стремление к избеганию неудач — движущая сила ТМ
начало 1950-х	Д. Мак-Грегор	личностная	ТМ зависит от подбора соответствующих типу сотрудников стимулов
1959	Ф. Герцберг	содержательная	ТМ управляется факторами рабочей деятельности

Год	Автор	Тип теории	Определение трудовой мотивации (ТМ)
1960-е	Х. Хекхаузен	процессуальная	ТМ зависит от восприятия возможностей достижения целей и привлекательности последствий
1963	С. Адамс	процессуальная	ТМ зависит от оценки соотношения предполагаемого вознаграждения и затраченных усилий
1964	В. Врум	процессуальная	ТМ опирается не только на справедливость в оценке соотношения усилий и поощрения, но и валентность — ценность вознаграждения
1968	Л. Портер, Э. Лоулер	процессуальная	ТМ определяется удовлетворением — качественным показателем ценности вознаграждения, результатом сочетания внутренних потребностей и внешних стимулов
1968	Э. Локк	процессуальная	ТМ — внутренний процесс, регулирующий поведение в зависимости от выбранной стратегии достижения целей
1970-е	П. Сенге	процессуальная	ТМ определяется наличием систем постоянного обучения и профессионального развития
1972	К. Альдерфер	содержательная	ТМ зависит от того, как реализованы потребности в одной из трех групп: чем менее они удовлетворены, тем сильнее они проявляются
1981	У. Оучи	личностная	ТМ формируется в результате баланса индивидуальных и корпоративных целей, подходящего определенному типу сотрудников
1983	В. С. Магун	содержательная	ТМ зависит от потребностей, удовлетворение которых несет амбивалентный эффект — пользу и вред одновременно
1983	В. А. Ядов	содержательная	ТМ определяется балансом между тремя уровнями установок — от ежедневного предметного до ценностно-идеологического
1985	Э. Шейн	процессуальная	ТМ — результат многих факторов, в комплексе влияющих на ожидания работника. Необходимо единое понимание работником и руководителем условий психологического контракта
1990	Х. Рамперсад	процессуальная	ТМ определяется последовательной реализацией системы индивидуальных сбалансированных показателей
1993	В. И. Герчиков	личностная	ТМ зависит от профессионального типа сотрудника и управляется соответствующим для типа подходом руководства
1997	А. А. Литвинюк	процессуальная	ТМ — отражение одной из пяти выделенных автором групп мотивов. Если выражены на одном уровне несколько, доминирует тот, который может быстрее реализоваться
1998	Ш. Ричи, П. Мартин	процессуальная	ТМ является проявлением индивидуального профиля удовлетворенности 12 факторами трудовой деятельности

промышленного производства в США, Западной Европе и Советском Союзе. В исследованиях мотивации доминирует подход научной организации труда, который выражает в теориях трудовой мотивации этого периода запрос организаций на поиск способов повышения производительности труда.

Второй период — послевоенные годы, 1943–1954 гг. — восстановление экономики европейских стран, создание ядерного

оружия, гонка вооружений, развитие энергетики, подготовка к освоению космоса. В это же время активно развивались поведенческие науки — психология и социология, — в рамках которых создавались новые подходы к мотивации. В теориях трудовой мотивации этого времени основной акцент делается на внутренних потребностях сотрудника, на их совпадении с предлагаемыми организацией условиями и стимулами. Этот период —

время активного развития содержательных теорий мотивации, подчеркивающих высокую роль личности работника в результативности организации.

Третий период — с 1960 по 1972 г. — пик развития процессуальных теорий мотивации. Теории данного этапа представляют процесс трудовой мотивации как последовательность действий, способствующих достижению цели. Субъективная оценка справедливости и адекватности цели и способов ее достижения, внутренняя удовлетворенность работника становятся ключевыми параметрами. В это время происходит технологическое совершенствование промышленности — активное использование электроники и информационных технологий для автоматизации производства, происходит переосмысление взаимосвязи общества и технологий. В мире активно развиваются транснациональные компании, растет число развивающихся стран, происходит углубление внешнеэкономических связей.

Четвертый период — 1981–1998 гг. — время появления Интернета, развития биотехнологии и информационных технологий. В экономике начинают появляться идеи о социальной ответственности производства, растет число экологических требований к предприятиям, акцент смещается на этическую составляющую деятельности организаций. В теориях мотивации этого периода доминирует социальный компонент: личность работника уже не рассматривается как отдельный элемент производственной деятельности, учитываются взаимоотношения сотрудника и окружающего социума — организации, баланс и взаимное совпадение их потребностей и ожиданий. На данном этапе эволюции теорий трудовой мотивации разработка принципиально новых подходов завершается, изучение трудовой мотивации переходит на новый уровень.

Подводя итог обзору наиболее значимых исследований трудовой мотивации, можно резюмировать, что ни одна из перечисленных теорий не отвечает в полной мере на вопрос о наличии, отсутствии или степени выраженности мотивации работника в производственной деятельности [5]. Каждая

из существующих теорий, выявляя и обосновывая индивидуальные особенности мотивации, не дает конкретных рекомендаций, как создать единые для всех работников механизмы повышения эффективности трудовой деятельности. Очевидно, что разработанным теориям не хватает системности в объяснении природы мотивации, ее взаимодействия со свойствами личности, с прошлым опытом и будущими возможностями.

Современное состояние проблемы трудовой мотивации

В последние двадцать лет динамично развивается направление, часто называемое современными системами мотивации. Их не делят на процессуальные и содержательные, главный вопрос этих систем — возможность практического применения знаний о мотивации для повышения эффективности деятельности компании. В центре внимания исследователей теперь не внутренний конфликт мотивов сотрудника, а поведенческие аспекты работника в организации, то, какие усилия он готов прикладывать ради успеха компании². Предметом изучения последовательно становятся такие поведенческие проявления трудовой мотивации, как удовлетворенность, лояльность и вовлеченность.

С начала 1990-х гг., отталкиваясь от мотивационных теорий, в основе которых лежал принцип удовлетворения потребностей, все большую популярность стали приобретать исследования удовлетворенности сотрудников работой. Основная идея состояла в том, что чем больше человек доволен своей работой, тем лучше он работает. Однако позднее было установлено, что удовлетворенность сама по себе не влияет на стремление повысить качество выполняемой работы; вполне возможно, что, наоборот, сотрудник удовлетворен работой, так как она высоко оплачивается, дает

² Global Human Capital Trends 2017: The new organization — Different by Design. 2016. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/human-capital/articles/introduction-human-capital-trends.html> (дата обращения: 11.12.2020).

возможность пользоваться льготами, в компании — дружный коллектив, а сам сотрудник может заниматься в рабочее время посторонними видами деятельности (например, хобби), в которые он больше вовлечен [13].

Следующим этапом стало изучение лояльности. Лояльность персонала — характеристика, определяющая корпоративную идентичность сотрудников ценностям и целям организации, а также способов их достижения, прозрачность своих мотивов для работодателя [12]. Изучение лояльности было направлено на выявление группы риска — сотрудников, которые потенциально могут покинуть организацию в ближайшее время; при этом, насколько эффективно работает оставшееся лояльное большинство, данные исследования не показывали.

На этом фоне возможность изучать факторы, стимулирующие сотрудников не просто исполнять должностную инструкцию, а быть ответственными, причем неформально, проявлять инициативу, стремиться в своей работе к выдающимся результатам, быстро стала востребованной [20; 23]. С 2005 г. становятся популярными исследования вовлеченности сотрудников организаций, главной задачей которых стало изучение факторов, стимулирующих сотрудников стремиться в своей работе к выдающимся результатам [25: с. 166]. Объединяющим в этих исследованиях стало понимание того, что управление вовлеченностью подразумевает не только совершенствование условий труда и системы вознаграждения и поощрения, но и работу с индивидуальностью сотрудника, источниками его внутренней мотивации.

Для полноценной разработки вопроса мотивации необходимо достаточное теоретическое основание, выстроенное на базе объективных критериев. В этой связи возрастающий интерес вызывает системно-психологический анализ мотивации, базирующийся на объективных теоретических критериях, не зависящих от субъективной интерпретации. В рамках системной психологии мотивация рассматривается с учетом ее исходного дуализма, возникающего вследствие сочетания

двух видов информационных систем — биологической и социальной. Как для биологической, так и для социальной мотивации выделяются макро- и микроуровень, а также учитывается направленность системообразования либо на развитие, либо на увеличение меры упорядоченности значимой для человека системы. На основе сочетания тенденций и уровней выделяется четыре вида биологической мотивации: витальная, репродуктивная, альтруистическая, мотивация самосохранения — и четыре вида социальной: нравственная, познавательная, мотивация самореализации и защиты «Я» [15: с. 140].

Заключение

В заключение можно резюмировать, что при изучении трудовой мотивации, прежде всего, затрагивается взаимосвязь личных целей и потребностей человека и соответствующих целей и практик компании, содержания работы. Трудовая мотивация выступает связующим звеном между целями организации и целями работников. Очевидно, что позитивная мотивация сотрудника положительно влияет на его деятельность и, как следствие, способствует росту прибыли компании. Таким образом, трудовая мотивация — это всегда двусторонний процесс, который сопровождается поведенческими проявлениями сотрудника — вовлеченностью, удовлетворенностью и лояльностью.

Наиболее перспективным направлением изучения трудовой мотивации является методологический подход, разработанный в рамках системной психологии. Оптимальным для использования в практике психолога в организации можно считать комбинацию методов и моделей из разных теорий трудовой мотивации, а для оценки эффективности мотивационных мер необходимо создавать и развивать систему управления вовлеченностью работников как наиболее значимого и показательного поведенческого проявления трудовой мотивации.

Литература

1. **Базаров Т. Ю., Карпов А. Б.** Факторы трудовой мотивации современного работника (на примере российской фармацевтической компании) // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 106–120.
2. **Бурганова Л. А., Савкина Е. Г.** «Человеческие отношения»: уроки Хоторнского эксперимента // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3. С. 91–103.
3. **Гастев А. К.** Как надо работать: практическое введение в науку организации труда / под общ. ред. Н. М. Бахраха [и др.]. 3-е изд. М.: URSS: Либроком, 2011. 478 с. (Советский производственный менеджмент).
4. **Герчиков В. И.** Мотивация, стимулирование и оплата труда: учеб. пособие. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004. 110 с.
5. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 508 с.
6. **Карпов А. Б.** Вовлеченность в работу — показатель трудовой мотивации сотрудников // Системная психология и социология. 2018. № 3 (27). С. 74–83.
7. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 345 с.
8. **Литвинюк А. А.** Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. Теория и практика: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2019. 398 с.
9. **Ломов Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии: монография. М.: Директ-Медиа, 2008. 1174 с.
10. **Магун В. С.** Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. 176 с.
11. **Мазняк И. О.** Теоретические представления о трудовой мотивации: анализ основных концепций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2006. № 1 (9). С. 20–23.
12. **Морозов В. В.** Показатели мотивации в формировании лояльности персонала: пример исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. Психофизиология. 2010. № 27 (203). С. 56–62.
13. **Онучин А. Н.** Изучение вовлечения // The Human Resources Times. 2013. № 24. С. 29–35.
14. **Ричи Ш., Мартин П.** Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.
15. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
16. **Скворцов В. Н., Маклакова Е. А.** Трудовая мотивация работников в современных условиях // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 1. С. 54–68.
17. **Хекхаузен Х.** Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003. 859 с.
18. **Ядов В. А.** Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 50–62.
19. **Adams J. S.** Inequality in social exchange // Advanced Experimental Psychology. 1965. № 62. P. 335–343.
20. **Albrecht S. L., Bakker A. B., Gruman J. A., Macey W. H., Saks A. M.** Employee engagement, human resource management practices and competitive advantage: An integrated approach // Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance. 2015. № 2 (1). P. 7–35. DOI:10.1108/JOEPP-08-2014-0042
21. **Alderfer C. P.** Existence, relatedness, and grows: human needs in organizational settings. New York; London: Collier-Macmillan, 1972. 198 p.
22. **Atkinson J. W., Litwin G. H.** Achievement motive and test anxiety conceived as motive to approach success and motive to avoid failure // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. № 60 (1). P. 52–63.
23. **Breevaart K., Bakker A. B., Demerouti E.** Who takes the lead? A multi-source diary study on leadership, work engagement, and job performance // Journal of Organizational Behavior. 2016. № 37. P. 309–325. DOI:10.1002/job.2041
24. **Emerson H.** Efficiency as a basis for operations and wages. New York: Engineering Magazine, 1911. 112 p.
25. **Gagne M.** The Oxford handbook of work engagement, motivation, and self-determination theory. New York: Oxford University Press, 2014. 600 p. DOI: 10.1177/1475725715584700
26. **Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B.** The motivation to work. New York: Wiley, 1959. 157 p.
27. **Locke E. A.** Toward a theory of task motivation and incentives // Organizational Behavior and Human Performance. 1968. № 3 (2). P. 157–189.

28. **Maslow A. H.** A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. № 50 (4). P. 370–396.
29. **Mayo E.** The human problems of an industrial civilization. New York: The Macmillan Company, 1934. 171 p.
30. **McClelland D. C.** Personality. New York: William Sloane Associates, 1951. 686 p.
31. **McGregor D.** The human side of enterprise. New York: McGraw-Hill, 1960. 246 p.
32. **Ouchi W. G.** Theory Z corporations: Straddling US and Japanese molds // *Industry Week*. 1981. № 209 (3). P. 48–54.
33. **Porter L. W., Lawler E. E.** Managerial attitudes and performance. Homewood: R. D. Irwin, 1968. 209 p.
34. **Rampersad H. K.** The personal balanced scorecard: the way to individual happiness, personal integrity and organizational effectiveness. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2006. 216 p.
35. **Schein E. H.** Organizational culture and leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 2004. 438 p.
36. **Scholz Ch.** Personalmanagement. Informationsorientierte und verhaltenstheoretische Grundlagen, 1993. 940 p.
37. **Senge P. M.** The fifth discipline: the art & practice of the learning organization. New York: Currency doubleday, 1991. 306 p. DOI: 10.1002/pfi.4170300510
38. **Taylor F. W.** The principles of scientific management. New York: Harper & Brothers, 1911. 144 p.
39. **Vroom V. H.** Work and motivation. New York: Wiley, 1964. 331 p.

References

1. **Bazarov T. Yu., Karpov A. B.** Faktory` trudovoj motivacii sovremennogo rabotnika (na primere rossijskoj farmacevticheskoj kompanii) [Factors of labor motivation of a modern employee (using the example of a Russian pharmaceutical company)] // *Organizacionnaya psixologiya* [Organizational psychology]. 2020. T. 10. № 1. P. 106–120.
2. **Burganova L. A., Savkina E. G.** «Chelovecheskie otnosheniya»: uroki Xotornskogo e`ksperimenta [“Human relations”: lessons from the Hawthorne experiment] // *Vestnik e`konomiki, prava i sociologii*. 2007. № 3. P. 91–103.
3. **Gastev A. K.** Kak nado rabotat` : prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda [How to work. Practical introduction to the science of labor organization] / pod obshh. red. N. M. Baxraxa [i dr.]. 3-e izd. (Sovetskij proizvodstvenny`j menedzhment). M.: URSS: Librokom, 2011. 478 s.
4. **Gerchikov V. I.** Motivaciya, stimulirovanie i oplata truda: ucheb. posobie [Motivation, incentives and remuneration. Tutorial]. M.: Izd-vo GU VShE`, 2004. 110 p.
5. **Il'in E. P.** Motivaciya i motivy` [Motivation and motives]. SPb.: Piter, 2011. 508 p.
6. **Karpov A. B.** Vovlechenost` v rabotu — pokazatel` trudovoj motivacii sotrudnikov [Engagement in work — an indicator of employee labor motivation] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems psychology and sociology]. 2018. № 3 (27). P. 74–83.
7. **Leont`ev A. N.** Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost` [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Smy`sl, Akademiya, 2005. 345 p.
8. **Litvinyuk A. A.** Motivaciya i stimulirovanie trudovoj deyatel`nosti. Teoriya i praktika: uchebnik dlya bakalavrov [Motivation and stimulation of work activity. Theory and practice: a textbook for bachelors]. M.: Yurajt, 2019. 398 p.
9. **Lomov B. F.** Metodologicheskie i teoreticheskie problemy` psixologii: monografiya [Methodological and theoretical problems of psychology: monograph]. M.: Direkt-Media, 2008. 1174 p.
10. **Magun V. S.** Potrebnosti i psixologiya social`noj deyatel`nosti lichnosti. [Needs and psychology of social activity of the individual]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1983. 176 s.
11. **Maznyak I. O.** Teoreticheskie predstavleniya o trudovoj motivacii: analiz osnovny`x koncepcij [Theoretical ideas about labor motivation: analysis of the main concepts] // *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of RUDN. Series “Sociology”]. 2006. № 1 (9). P. 20–23.
12. **Morozov V. V.** Pokazateli motivacii v formirovanii loyal`nosti personala: Primer issledovaniya [Motivation indicators in the formation of staff loyalty: Example of research] // *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psixologiya. Psixofiziologiya* [Bulletin of South Ural State University. Series: Psychology. Psychophysiology]. 2010. № 27 (203). P. 56–62.
13. **Onuchin A. N.** Izuchenie вовлечениya [Study of involvement] // *The Human Resources Times*. 2013. № 24. P. 29–35.

14. **Richi Sh., Martin P.** Upravlenie motivaciej: ucheb. posobie dlya vuzov [Motivation management: study manual for universities]. M.: YuNITI-DANA, 2004. 399 p.
15. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
16. **Skvorczov V. N., Maklakova E. A.** Trudovaya motivaciya rabotnikov v sovremenny`x usloviyax [Labor motivation of workers in modern conditions] // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2013. № 1. P. 54–68.
17. **Hekxaufen H.** Motivaciya i deyatel`nost` [Motivation and activity]. SPb.: Piter, 2003. 859 p.
18. **Yadov V. A.** Otnoshenie k trudu: konceptual`naya model` i real`ny`e tendencii [Relation to labor: conceptual model and real trends] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1983. № 3. P. 50–62.
19. **Adams J. S.** Inequality in social exchange // *Advanced Experimental Psychology*. 1965. № 62. P. 335–343.
20. **Albrecht S. L., Bakker A. B., Gruman J. A., Macey W. H., Saks A. M.** Employee engagement, human resource management practices and competitive advantage: An integrated approach // *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*. 2015. № 2 (1). P. 7–35. DOI:10.1108/JOEPP-08-2014-0042
21. **Alderfer C. P.** Existence, relatedness, and grows: human needs in organizational settings. New York; London: Collier-Macmillan, 1972. 198 p.
22. **Atkinson J. W., Litwin G. H.** Achievement motive and test anxiety conceived as motive to approach success and motive to avoid failure // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1960. № 60 (1). P. 52–63.
23. **Breevaart K., Bakker A. B., Demerouti E.** Who takes the lead? A multi-source diary study on leadership, work engagement, and job performance // *Journal of Organizational Behavior*. 2016. № 37. P. 309–325. DOI:10.1002/job.2041
24. **Emerson H.** Efficiency as a basis for operations and wages. New York: Engineering Magazine, 1911. 112 p.
25. **Gagne M.** The Oxford handbook of work engagement, motivation, and self-determination theory. New York: Oxford University Press, 2014. 600 p. DOI: 10.1177/1475725715584700
26. **Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B.** The motivation to work. New York: Wiley, 1959. 157 p.
27. **Locke E. A.** Toward a theory of task motivation and incentives // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1968. № 3 (2). P. 157–189.
28. **Maslow A. H.** A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. № 50 (4). P. 370–396.
29. **Mayo E.** The human problems of an industrial civilization. New York: The Macmillan Company, 1934. 171 p.
30. **McClelland D. C.** Personality. New York: William Sloane Associates, 1951. 686 p.
31. **McGregor D.** The human side of enterprise. New York: McGraw-Hill, 1960. 246 p.
32. **Ouchi W. G.** Theory Z corporations: Straddling US and Japanese molds // *Industry Week*. 1981. № 209 (3). P. 48–54.
33. **Porter L. W., Lawler E. E.** Managerial attitudes and performance. Homewood: R. D. Irwin, 1968. 209 p.
34. **Rampersad H. K.** The personal balanced scorecard: the way to individual happiness, personal integrity and organizational effectiveness. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2006. 216 p.
35. **Schein E. H.** Organizational culture and leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 2004. 438 p.
36. **Scholz Ch.** Personalmanagement. Informationsorientierte und verhaltenstheoretische Grundlagen, 1993. 940 p.
37. **Senge P. M.** The fifth discipline: the art & practice of the learning organization. New York: Currency doubleday, 1991. 306 p. DOI: 10.1002/pfi.4170300510
38. **Taylor F. W.** The principles of scientific management. New York: Harper & Brothers, 1911. 144 p.
39. **Vroom V. H.** Work and motivation. New York: Wiley, 1964. 331 p.

УДК 159.923

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.7

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И. В. Горбунова,
УрГПУ, Екатеринбург,
gorbunova-priemnaya@mail.ru

Системный анализ — это один из методов системного подхода, используемый в современной психологии, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между переменными или элементами исследуемой системы, опирающийся на комплекс общенаучных, экспериментальных, естественно-научных, статистических, математических методов. В настоящем исследовании применяется системный анализ для изучения деятельности руководителей общеобразовательных организаций. Исследование проводилось в общеобразовательных организациях города Перми и Пермского района.

Деятельность руководителей общеобразовательных организаций диагностировалась с помощью опросника структуры деятельности директора школы (ОСДДШ), валидность и надежность которого подтверждена многократно. По результатам диагностики руководители общеобразовательных организаций с использованием кластерного анализа были разделены на группы в зависимости от уровня успешности выполняемой ими профессиональной деятельности. Характеристики деятельности каждой из выделенных групп руководителей общеобразовательных организаций были факторизованы, что позволило установить особенности структуры деятельности каждой группы.

На основе системного анализа раскрыты особенности структуры основных направлений деятельности, взаимосвязи ее элементов и системообразующая функция отдельных элементов в зависимости от уровня успешности деятельности руководителей общеобразовательных организаций. Установлено, что группы руководителей общеобразовательных организаций различаются по структуре и системообразующей функции основных направлений деятельности. Выделенные группы обозначены в исследовании как «стратеги», «тактики» и «конформисты».

Ключевые слова: системный анализ; показатели деятельности; руководители общеобразовательных организаций; группы; симптомокомплексы свойств; стратеги; тактики; конформисты.

Для цитаты: Горбунова И. В. Системный анализ деятельности руководителей общеобразовательных организаций // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 84–92. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.7

Горбунова Ирина Викторовна, директор лицея № 9 г. Перми, аспирант кафедры психологии образования Института психологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург.

E-mail: *gorbunova-priemnaya@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-2185-3219

SYSTEM ANALYSIS OF ACTIVITY OF THE GENERAL EDUCATION ORGANIZATIONS HEADS

I. V. Gorbunova,

USPU, Yekaterinburg,

gorbunova-priemnaya@mail.ru

System analysis is one of the methods of the system approach used in modern psychology and is the sequence of actions to establish structural links between variables or elements of the system under study, relying on a complex of general scientific, experimental, natural science, statistical, mathematical methods. This research uses the system analysis to study the activities of heads of educational organizations. The study was conducted in general education organizations of the city of Perm and the Perm region.

The activities of heads of general education organizations were diagnosed using the Head Teacher Activity Style Questionnaire, the validity and reliability of which has been confirmed many times. Based on the results of diagnostics, the heads of general education organizations, using cluster analysis, were divided into groups depending on the level of success in their professional activities. The characteristics of the activity of each of the selected groups of heads of general education organizations were factorized, which made it possible to establish the features of the structure of the activity of each group.

On the basis of a systematic analysis the features of the structure of the main activities, the relationship of the structural elements of activity and a system function of the individual elements of activities, depending on the level of success of activity of educational institutions heads are revealed. It has been established that the selected groups of heads of general education organizations differ in the structure of the main areas of activity and the system-forming function of the main areas of activity. The groups of general education organizations heads identified in the study, depending on the level of success, are designated as “strategists”, “tacticians” and “conformists”.

Keywords: systems analysis; performance indicators; heads of the general education organizations; groups; symptomocplexes of properties; strategists; tactics; conformists.

For citation: Gorbunova I. V. Systems analysis of activity of the general education organizations heads // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 84–92. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.7

Gorbunova Irina Viktorovna, Director of the Lyceum №. 9 of Perm, graduate student of the Department of Educational Psychology of the Institute of Psychology of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: gorbunova-priemnaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2185-3219

Введение

Системный подход в психологии предполагает изучение психических явлений, при котором они рассматриваются как система, несводимая к сумме своих элементов и обладающая структурной организацией [11: с. 13]. В рамках системного подхода системный анализ — научный метод психологического исследования, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между переменными или элементами исследуемой системы, опирающийся на комплекс экспериментальных, естественно-научных, статистических, математических методов [10].

Системный подход и системный анализ широко используются в дифференциальной психологии. Индивидуально-психологические различия выражают отличие психологических свойств одного человека от другого [8]. Индивидуально-психологические особенности могут образовывать группы взаимосвязанных свойств — симптомокомплексы [7: с. 212]. Индивидуально-психологические особенности не только отличают одного человека от другого, но и позволяют выделить группы людей со сходными индивидуально-психологическими особенностями и симптомокомплексами [3; 12: с. 5].

Современные подходы к исследованию индивидуально-психологических особенностей

руководителей образовательных учреждений отражены в работах И. О. Антипиной [1], Н. М. Воробьевой [2], А. С. Москалевой [9], К. Е. Баррон [15], А. Гумулиаускиене [16] и др.

В рамках системного анализа в настоящем исследовании были выделены группы руководителей общеобразовательных организаций. Каждая группа состояла из лиц со сходными особенностями основных направлений деятельности руководителя. Обладая сходными характеристиками основных направлений деятельности в рамках своей группы, руководители общеобразовательных организаций существенно различались при сравнении одной группы с другой.

Задачей данного исследования является системный анализ групп руководителей общеобразовательных организаций со сходными особенностями показателей основных направлений деятельности и определение структуры деятельности, отличающей одну группу от другой.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в общеобразовательных организациях города Перми и Пермского района в 2019/2020 учебном году. В качестве испытуемых в исследовании принимали участие руководители общеобразовательных организаций муниципальных образований в количестве 144 человек.

Все участвующие в эксперименте руководители общеобразовательных организаций были продиагностированы с помощью опросника структуры деятельности директора школы (ОСДШ), разработанного и проверенного на валидность и надежность в Институте психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета [5: с. 46]. Опросник состоит из 80 вопросов, каждый из которых позволяет дифференцировать испытуемых (директоров школ) в рамках содержания в диапазоне от одного балла до семи баллов («никогда», «очень редко», «иногда», «наполовину», «часто», «очень часто», «всегда»). Опросник содержит десять шкал: «Педагогическая культура» (шкала 1), «Управленческая деятельность» (шкала 2), «Координация»

(шкала 3), «Работа с документами» (шкала 4), «Учебная деятельность» (шкала 5), «Кадровая деятельность» (шкала 6), «Финансово-экономическая деятельность» (шкала 7), «Хозяйственная деятельность» (шкала 8), «Развитие школы» (шкала 9), «Удовлетворенность деятельностью» (шкала 10). Шкалы опросника позволяют оценить уровень результативности основных направлений деятельности директора школы [4: с. 248].

Статистический анализ результатов исследования производился с помощью статпакета IBM SPSS Statistics 26 for Mac OS [17: с. 188; 18: с. 256]. Графический анализ осуществлялся с использованием пакета Excel Microsoft Office 365 for Mac OS.

Таким образом, была сформирована репрезентативная выборка руководителей общеобразовательных организаций и использована надежная и валидная методика диагностики основных направлений деятельности руководителей.

Результаты исследования

Кластерный анализ результатов исследования позволил разделить директоров школ, участвующих в исследовании, на три группы по уровню результативности основных направлений деятельности. В группу 1 (с высокими показателями результативности деятельности) вошли 60 директоров школ, в группу 2 (со средними показателями результативности деятельности) — 74 и в группу 3 (с низкими показателями результативности деятельности) — 10.

Для дальнейшей проверки разделения на группы и сравнения полученных в результате кластерного анализа групп были вычислены средние значения данных показателей результативности по каждой шкале и в каждой группе и сопоставлены с максимальным, минимальным и средним значением по всей выборке (рис. 1).

Показатели *T*-критерия Вилкоксона и асимптотическая значимость ($p \leq 0,05$) позволяют считать, что данные по шкалам педагогической культуры, управленческой деятельности, координации, учебной деятельности, кадровой деятельности и финансово-

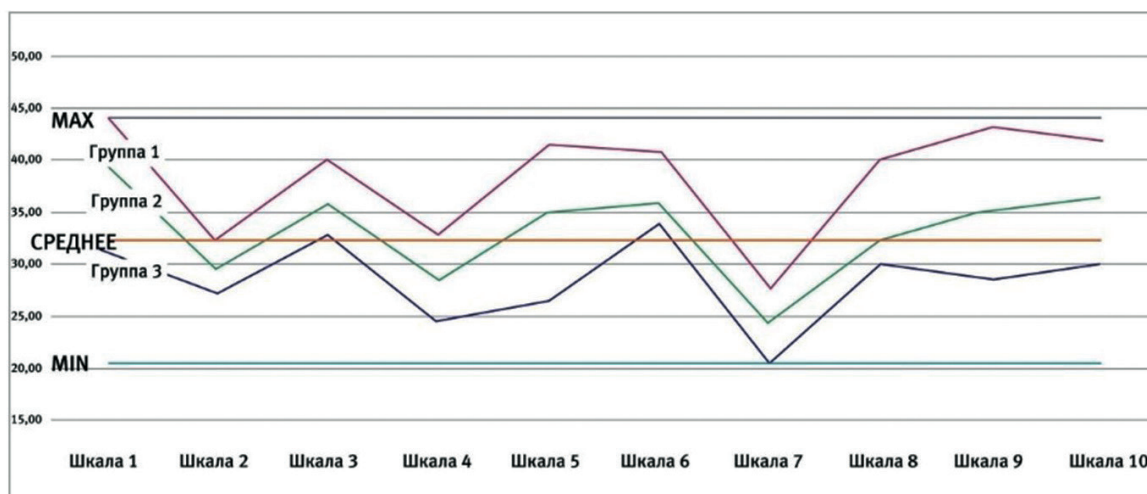

Рис. 1. Средние значения показателей шкал опросника ОСДДШ групп 1, 2, 3

хозяйственной деятельности руководителей общеобразовательных организаций группы 3 демонстрируют отличие от аналогичных показателей шкал групп руководителей общеобразовательных организаций группы 1 и 2 на статистически значимом уровне. Данные группы 3 по шкалам работы с документами, хозяйственной деятельности, развития школы и удовлетворенности деятельностью показывают статистически значимую близость с аналогичными показателями шкал групп руководителей общеобразовательных организаций групп 1 и 2.

При сравнении группы 1 и группы 2 статистически значимое различие ($p \leq 0,05$) демонстрируют показатели шкал управленческой деятельности, работы с документами, учебной деятельности и финансово-экономической деятельности. Шкалы педагогической культуры, координации, кадровой деятельности, хозяйственной деятельности, развития школы и удовлетворенности деятельностью показывают статистически значимую близость показателей.

Полученные данные позволяют считать, что уровень различий группы 3 и группы 1, а также группы 3 и группы 2 составляет 80 %, а уровень различий группы 1 и группы 2 — 40 %. При этом в группу 1 вошли директора школ с высокими показателями результатов деятельности, в группу 2 — со средними показателями и в группу 3 — с низкими.

Сопоставление результатов деятельности директоров школ с рейтингами общеобразовательных организаций и экспертными

оценками позволяет вошедших в группу 1 считать управленцами с высоким уровнем эффективности деятельности; в группу 2 — управленцами со средним уровнем; в группу 3 — управленцами с низким уровнем.

С помощью факторного анализа определены причины различий групп, выделенных благодаря кластерному анализу. В процессе факторизации был использован метод главных компонент с вращением кватримакс. В каждой группе директоров школ на основании максимальных значений объясненной совокупной дисперсии было выделено три фактора. Веса переменных в выделенных факторах являются коэффициентами корреляции показателей шкал опросника ОСДДШ с данным фактором.

1. Руководители общеобразовательных организаций с высокими показателями деятельности (группа 1): факторы после вращения факторного анализа результатов деятельности представляют собой структуру деятельности эффективных управленцев.

В первый фактор со значимыми весами вошли показатели управленческой деятельности ($r = 0,584$), координации ($r = 0,803$), работы с документами ($r = 0,340$), учебной деятельности ($r = 0,366$) и кадровой деятельности ($r = 0,889$). С наибольшим весом в первый фактор вошел показатель кадровой деятельности, поэтому он был обозначен как фактор кадровой деятельности, с которым связаны все показатели шкал, вошедшие в этот фактор

со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Во второй фактор со значимыми весами вошли показатели педагогической культуры ($r = 0,507$), работы с документами ($r = 0,710$), учебной деятельности ($r = 0,429$), финансово-экономической деятельности ($r = 0,771$) и удовлетворенности деятельностью ($r = 0,460$). С наибольшим весом во второй фактор вошел показатель финансово-экономической деятельности, поэтому он был обозначен как фактор финансово-экономической деятельности, с которым связаны все показатели шкал, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

В третий фактор со значимыми весами вошли показатели учебной деятельности ($r = 0,421$), хозяйственной деятельности ($r = 0,729$), развития школы ($r = 0,767$) и удовлетворенности деятельностью ($r = 0,591$). С наибольшим весом в третий фактор вошел показатель развития школы, поэтому он был обозначен как фактор развития школы, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Показатель шкалы учебной деятельности единственный, вошедший со значимым весом во все три фактора повернутой матрицы группы директоров школ с высокими значениями показателей деятельности.

Таким образом, индивидуальные характеристики симптомокомплексов показателей деятельности группы 1 связаны между собой показателями учебной деятельности, что отличает руководителей данной группы.

2. Руководители общеобразовательных организаций со средними показателями деятельности (группа 2): факторы после вращения факторного анализа результатов деятельности представляют собой структуру деятельности управленцев со средней эффективностью.

В первый фактор со значимыми весами вошли показатели управленческой деятельности ($r = 0,522$), координации ($r = 0,644$), работы с документами ($r = 0,683$), учебной деятельности ($r = 0,532$), кадровой деятельности ($r = 0,739$) и развития школы ($r = 0,422$).

С наибольшим весом в первый фактор вошел показатель кадровой деятельности, поэтому он был обозначен как фактор кадровой деятельности, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Во второй фактор со значимыми весами вошли показатели педагогической культуры ($r = 0,488$), учебной деятельности ($r = 0,428$), финансово-экономической деятельности ($r = 0,228$), хозяйственной деятельности ($r = 0,770$), развития школы и удовлетворенности деятельностью. С наибольшим весом во второй фактор вошел показатель хозяйственной деятельности, поэтому он был обозначен как фактор хозяйственной деятельности, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

В третий фактор со значимыми весами вошли показатели педагогической культуры ($r = 0,486$), координации ($r = 0,474$) и развития школы ($r = 0,203$). С наибольшим весом в третий фактор вошел показатель финансово-экономической деятельности, поэтому он был обозначен как фактор финансово-экономической деятельности, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Показатель шкалы развития школы единственный вошедший со значимым весом во все три фактора повернутой матрицы директоров школ со средними значениями показателей деятельности.

Таким образом, индивидуальные характеристики симптомокомплексов показателей деятельности группы руководителей общеобразовательных организаций со средними значениями связаны между собой показателями развития школы. Это является отличительным признаком руководителей данной группы.

3. Руководители общеобразовательных организаций с низкими показателями деятельности (группа 3): факторы после вращения факторного анализа результатов деятельности представляют структуру деятельности управленцев с низкой эффективностью.

В первый фактор со значимыми весами вошли показатели работы с документами ($r = 0,761$), учебной деятельности ($r = 0,706$), финансово-экономической деятельности ($r = 0,740$) и хозяйственной деятельности ($r = 0,760$). С наибольшим весом в первый фактор вошел показатель работы с документами, поэтому он был обозначен как фактор работы с документами, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Во второй фактор со значимыми весами вошли показатели управленческой деятельности ($r = 0,713$), координации ($r = 0,685$) и кадровой деятельности ($r = 0,709$). С наибольшим весом в первый фактор вошел показатель управленческой деятельности, поэтому он был обозначен как фактор управленческой деятельности, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

В третий фактор со значимыми весами вошли показатели педагогической культуры ($r = 0,632$), работы с документами ($r = 0,680$), развития школы ($r = 0,661$) и удовлетворенности деятельностью ($r = 0,843$). С наибольшим весом в первый фактор вошел показатель удовлетворенности деятельностью, поэтому он был обозначен как фактор удовлетворенности деятельностью, с которым связаны все показатели, вошедшие в этот фактор со значимыми весами и образующие симптомокомплекс взаимосвязанных свойств.

Показателей шкал, вошедших со значимым весом во все факторы повернутой матрицы директоров школ с низкими значениями показателей деятельности не обнаружено.

Таким образом, индивидуальные характеристики симптомокомплексов показателей деятельности группы руководителей общеобразовательных организаций с низкими значениями не связаны между собой показателями деятельности, диагностированными в исследовании. Это является отличительным признаком данной группы.

Результаты проведенного исследования позволяют выявить различия симптомокомплексов групп руководителей общеобразовательных организаций и системообразующие

факторы в каждой группе. Выделенные группы директоров отличаются как по характеристикам симптомокомплексов, так и по системообразующим характеристикам деятельности.

Анализ симптомокомплексов группы директоров школ с высокими показателями деятельности позволяет считать, что эта группа в своей деятельности в качестве приоритетных направлений выбирает в первую очередь работу с кадрами, решение финансово-экономических вопросов и проблем развития школы. Благодаря грамотно выстроенной кадровой политике они успешно решают вопросы организации образовательного процесса в школе. Отдавая предпочтение решению финансово-экономических вопросов, директора из группы 1 эффективно расходуют бюджетные и внебюджетные средства, что дает возможность успешно решать весь перечень сложных экономических проблем общеобразовательной организации. Уделяя особое внимание проблеме развития школы, директора данной группы определяют основные направления и перспективы совершенствования образовательного процесса в школе.

Показатели шкалы учебной деятельности, вошедшие во все факторы данной группы директоров школ со значимыми весами, выполняют системообразующую функцию. Учебная деятельность является связующим звеном между симптомокомплексами группы директоров школ с высокими показателями деятельности. Сопоставляя эти результаты с рейтингами общеобразовательных организаций и экспертными заключениями о деятельности директоров школ, эту группу директоров можно обозначить как «стратеги».

Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «стратеги», имеют общий, недетализированный план, охватывающий длительный период времени, выбирают способы достижения сложной цели и эффективно используют наличные ресурсы для достижения основной цели.

Анализ симптомокомплексов группы директоров школ со средними показателями деятельности позволяет считать, что эта группа директоров в своей деятельности в качестве приоритетных направлений в первую очередь обращает свое внимание на работу с кадрами,

хозяйственную деятельность и финансово-экономическую деятельность. Факторный анализ этой группы, как и в группе 1, в качестве доминирующих весов в факторах выделил кадровую, хозяйственную и финансово-экономическую деятельность. Однако, как следует из рисунка 1, уровень средних значений эффективности этой деятельности является менее выраженным. Директора этой группы акцентируют свое внимание на развитии школы (показатель деятельности, вошедший со значимым весом во все три фактора), считая ее важным фактором организации образовательного процесса.

Показатели шкалы развития школы, вошедшие во все факторы со значимыми весами группы 2, выполняют системообразующую функцию. Развитие школы является связующим звеном между симптомокомплексами группы директоров со средними показателями деятельности. Сопоставляя эти результаты с рейтингами общеобразовательных организаций и экспертными заключениями о деятельности директоров школ, эту группу директоров можно обозначить как «тактики». Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «тактики», хорошо ориентируются в сложившейся ситуации, успешно используют необходимые действия, которые предсказуемо принесут положительный результат.

Анализ симптомокомплексов группы директоров школ с низкими показателями деятельности позволяет считать, что эта группа директоров в своей деятельности в качестве приоритетных направлений обращает свое внимание в первую очередь на работу с документами, управленческую деятельность и удовлетворенность деятельностью. Из рисунка 1 следует, что выбранные в качестве приоритетных направлений в данной группе директоров работа с документами и управленческая деятельность на основании средних значений являются менее важными, чем в группах 1 и 2. Что касается фактора удовлетворенности, то высокое значение этого показателя определяется здесь не достижением каких-либо результатов, а удовлетворенностью имеющимся результатом своей работы.

Системообразующие характеристики в деятельности группы 3 отсутствуют. Сопоставляя эти результаты с рейтингами общеобразовательных организаций и экспертными

заключениями о деятельности директоров школ, эту группу можно обозначить как «конформисты». Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «конформисты», отличаются пассивным принятием существующего порядка вещей, характеризуются отсутствием собственной позиции и некритическим следованием любому образцу, обладающему наибольшей силой давления.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что группы руководителей общеобразовательных организаций, различающиеся по структурным характеристикам деятельности, различаются по уровню успешности деятельности.

Выводы

1. Результаты исследования позволяют утверждать, что группы директоров школ с высокими, средними и низкими показателями деятельности различаются по целому ряду критериев.

2. На основании анализа успешности деятельности группы директоров общеобразовательных организаций обозначены как «стратегии», «тактики», «конформисты».

3. Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «стратегии», эффективно используют имеющиеся ресурсы для достижения основной цели; главным для них является ориентация на учебную деятельность, поскольку речь идет об анализе лучших образовательных практик и попытке адаптировать их под конкретную общеобразовательную организацию.

4. Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «тактики», хорошо ориентируются в сложившейся ситуации, успешно предпринимают необходимые действия, в большей степени ориентируются на решение проблемы развития школы.

5. Директора общеобразовательных организаций, отнесенные к группе «конформисты», отличаются пассивным принятием существующего порядка вещей, им требуется скорректировать свою управленческую траекторию и доказать возможность быть более эффективными управленцами либо не продолжать деятельность в качестве руководителя.

Заключение

В настоящем исследовании применен системный анализ для изучения деятельности руководителей общеобразовательных организаций. По результатам диагностики руководители общеобразовательных организаций разделены на группы в зависимости от уровня успешности выполняемой ими профессиональной деятельности. Характеристики деятельности каждой из выделенных групп факторизованы, что позволяет установить особенности структуры деятельности каждой группы.

На основе системного анализа раскрыты особенности структуры основных направлений

деятельности, взаимосвязи ее элементов и системообразующая функция некоторых из них в зависимости от уровня успешности деятельности руководителей общеобразовательных организаций. Установлено, что группы руководителей общеобразовательных организаций различаются по структуре и системообразующей функции основных направлений деятельности. Выделенные в зависимости от уровня успешности деятельности группы руководителей общеобразовательных организаций обозначены в исследовании как «стратегии», «тактики» и «конформисты».

Литература

1. Антипина И. О. Современные подходы к определению профессионально значимых компетенций директора школы в отечественной педагогической науке и практике // Образование и наука. 2011. № 9 (88). С. 21–29.
2. Воробьева Н. М. Теоретические аспекты оценки эффективности управленческой деятельности руководителей учреждений общего среднего образования // Проблемы инженерно-педагогического образования. 2018. № 61. С. 56–64. DOI: 10.32820/2074-8922-2018-61-56-64
3. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Теория индивидуальной интегральности В. С. Мерины: история и современность // Образование и наука. Т. 19. № 2. 2017. С. 145–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-145-160
4. Горбунова И. В. Психометрический анализ и содержание опросника «Структура деятельности директора школы» (ОСДДШ) // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1. С. 242–252.
5. Горбунова И. В. Разработка и психометрический анализ опросника «Структура деятельности директора школы» (ОСДДШ) // Педагогическое образование в России. 2020. № 4. С. 41–52.
6. Захарова И. В. Управление финансово-хозяйственной деятельностью образовательной организации: учеб.-метод. пособие. Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова. 2017. 34 с.
7. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та, 2009. 542 с.
8. Моросанова В. И. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.
9. Москалева А. С. Духовные ценности руководителей общеобразовательных учреждений как фактор преодоления профессиональных кризисов // Science Rise. 2015. Т. 12. № 1 (17). С. 59–64. DOI:10.15587/2313-8416.2015.54785
10. Романова Е. С., Рыжов Б. Н. Борис Фёдорович Ломов — ученый, ставший воплощением своего времени // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 53–65.
11. Рыжов Б. Н. Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии. 2017. 356 с.
12. Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та, 2009. 638 с.
13. Ямбург Е. А. Школа на пути к свободе. Культурно-историческая педагогика. М.: PerSe, 2000. 351 с.
14. Vanfield J., Raftery A. Model-based Gaussian and non-Gaussian clustering // Biometrics. 2016. № 4 (49). P. 803–821.
15. Barron K. E., Apple K. J. Debating curricular strategies for teaching statistics and research methods: What does the current evidence suggest? // Teaching of Psychology. 2020. № 41. P. 187–194.
16. Gumuliauskiene A., Vaiciuniene A. Teachers' and school heads' position about the changes and prospects of the development of leadership in general education school // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. 2019. Vol. 2. P. 117–131. DOI: 10.17770/sie2019vol2.3825

17. **Larsen R. J., Marx M. L.** An introduction to mathematical statistics and its applications. 6 ed. Boston: Pearson, 2019. 767 p.
18. **Tabachnick B., Fidell L.** Using multivariate statistics. New York: Allun and Bacon, 2017. 980 p.

References

1. **Antipina I. O.** Sovremennyye podkhody k opredeleniyu professional'no znachimy'x kompetencij direktora shkoly v otechestvennoj pedagogicheskoy nauke i praktike [Modern approaches to determining the professionally significant competencies of the school director in Russian pedagogical science and practice] // *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2011. № 9 (88). P. 21–29.
2. **Vorob'yova N. M.** Teoreticheskie aspekty' ocenki e'ffektivnosti upravlencheskoj deyatel'nosti rukovoditelej uchrezhdenij obshhego srednego obrazovaniya [Theoretical aspects of evaluating the efficiency of managerial activities of the heads of general secondary education institutions] // *Problemy inzhenerno-pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of engineer-pedagogical education]. 2018. № 61. P. 56–64. DOI: 10.32820/2074-8922-2018-61-56-64
3. **Vyatkin B. A., Dorfman L. Ya.** Teoriya individual'noj integral'nosti V. S. Merina: istoriya i sovremennost' [The theory of individual integrality of V. S. Merin: history and modernity] // *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2017. T. 19. № 2. P. 145–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-145-160
4. **Gorbunova I. V.** Psihometricheskij analiz i sodержanie oprosnika «Struktura deyatel'nosti direktora shkoly» (OSDDSh) [Psychometric analysis and the content of the questionnaire “Structure of activities of the school director” (OSDDSh)] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2020. Vy'p. 1. P. 242–252.
5. **Gorbunova I. V.** Razrabotka i psixometricheskij analiz oprosnika «Struktura deyatel'nosti direktora shkoly» (OSDDSh) [Development and psychometric analysis of the questionnaire “Structure of activity of the school director” (OSDDSh)] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2020. № 4. P. 41–52.
6. **Zaxarova I. V.** Upravlenie finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nost'yu obrazovatel'noj organizacii: uchebno-metodicheskoe posobie [Management of financial and economic activities of an educational organization: educational and methodological manual]. Ul'yanovsk: UIGPU im. I. N. Ul'yanova. 2017. 34 p.
7. **Merlin V. S.** Psixologiya individual'nosti: izbranny'e psixologicheskie trudy [Psychology of individuality: selected psychological works]. M.: Izd-vo Moskovskogo psixologo-social'nogo in-ta. 2009. 542 p.
8. **Morosanova V. I.** Stilevaya samoregulyaciya povedeniya cheloveka [Style self-regulation of human behavior] // *Voprosy' psixologii* [Questions of psychology]. 2000. № 2. P. 118–127.
9. **Moskalyova A. S.** Duhovny'e cennosti rukovoditelej obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij kak faktor preodoleniya professional'ny'x krizisov [Spiritual values of heads of general education institutions as a factor of professional crises' overcoming] // *Science Rise*. 2015. T. 12. № 1 (17). P. 59–64. DOI:10.15587/2313-8416.2015.54785
10. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** Boris Fyodorovich Lomov — ucheny'j, stavshij voploshheniem svoego vremeni [Boris Fedorovich Lomov — a scientist who became the embodiment of his time] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology]. 2019. № 2 (30). P. 53–65.
11. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems Psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii. 2017. 356 p.
12. **Teplov B. M.** Psixologiya individual'ny'x razlichij [Psychology of individual differences]. M.: Izd-vo Moskovskogo psixologo-social'nogo in-ta. 2009. 638 p.
13. **Yamburg E. A.** Shkola na puti k svobode. Kul'turno-istoricheskaya pedagogika [School on the way to freedom. Cultural and historical pedagogy]. M.: PerSe, 2000. 351 p.
14. **Banfield J., Raftery A.** Model-based Gaussian and non-Gaussian clustering // *Biometrics*. 2016. № 4 (49). P. 803–821.
15. **Barron K. E., Apple K. J.** Debating curricular strategies for teaching statistics and research methods: What does the current evidence suggest? // *Teaching of Psychology*. 2020. № 41. P. 187–194.
16. **Gumuliauskiene A., Vaiciuniene A.** Teachers' and school heads' position about the changes and prospects of the development of leadership in general education school // *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*. 2019. Vol. 2. P. 117–131. DOI: 10.17770/sie2019vol2.3825
17. **Larsen R. J., Marx M. L.** An introduction to mathematical statistics and its applications. 6 ed. Boston: Pearson, 2019. 767 p.
18. **Tabachnick B., Fidell L.** Using multivariate statistics. New York: Allun and Bacon, 2017. 980 p.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.8

СИСТЕМНЫЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. П. БЛОНСКОГО

Е. Р. Артамонова,
ВлГУ, Владимир,
art1960.2@yandex.ru

Е. В. Лобанов,
МГМСУ имени А. И. Евдокимова, Москва,
lobanov.evg@inbox.ru

В статье анализируется вклад П. П. Блонского в развитие системных идей в психологической науке. Описываются актуальные проблемы возрастной и педагогической психологии, нашедшие отражение в фундаментальных трудах автора. Рассматривается используемый им диалектико-материалистический подход к решению основных методологических проблем психологии. Освещается концептуальная модель решения проблемы психического развития ребенка. Осуществляется теоретический анализ широкого спектра затрагиваемой автором проблематики: исследование вопроса о значении детства, об историческом изменении темпов и содержания различных возрастных этапов развития человека, выделение различных стадий возрастного развития и специфических переходов между ними, а также постановка проблемы психологического возраста и разработка конкретно-исторического направления ее решения.

Отмечается наличие в работах Блонского новаторских идей, послуживших фундаментом для зарождения системных концепций с целью понимания основ психического развития человека. Особое внимание в статье уделяется тем представлениям П. П. Блонского по вопросам возрастной и педагогической психологии, которые сохраняют свой научный и практический интерес по настоящее время.

Творческое наследие Блонского дает современным исследователям ключ к осмыслению психолого-педагогических закономерностей становления человеческой личности. В его работах звучат идеи психофизиологического единства, а также необходимости повышения роли генетических исследований в рассмотрении механизмов возрастного развития. При этом подчеркивается значение активной включенности в соответствующую возрасту деятельность как необходимого условия гармоничного развития личности ребенка. Все это свидетельствует о понимании Блонским необходимости применения принципа системности к изучению психических явлений.

В трудах Блонского высказываются идеи системной взаимосвязи психических процессов. Им постулируются основные принципы организации изучения психологии ребенка. Острый интерес вызывают взгляды автора относительно психологических особенностей обучения и воспитания трудных школьников, а также положения Блонского, затрагивающие специфику интеллектуального развития детей.

Ключевые слова: П. П. Блонский; системные идеи; педагогическая психология; возрастная психология; диалектико-материалистический подход; деятельность; закономерности развития; психолого-педагогические закономерности.

Для цитаты: Артамонова Е. Р., Лобанов Е. В. Системные идеи в творческом наследии П. П. Блонского // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 93–102. DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.8

Артамонова Елена Романовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир.

E-mail: *art1960.2@yandex.ru*

ORCID: 0000-0003-1714-3625

Лобанов Евгений Валерьевич, аспирант Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова, Москва.

E-mail: lobanov.evg@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-2249-004X

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.8

SYSTEM IDEAS IN THE CREATIVE HERITAGE OF P. P. BLONSKY

E. R. Artamonova,
VSU, Vladimir,
art1960.2@yandex.ru,

E. V. Lobanov,
MSUMD, Moscow,
lobanov.evg@inbox.ru

The article analyzes the contribution of P. P. Blonsky to the development of systems ideas of psychological science. The article describes the actual problems of developmental and educational psychology, which are reflected in the fundamental works of the author. The dialectical-materialistic approach used by him to the solution of the main methodological problems of psychology is considered. The conceptual model of solving the problem of mental development of a child is covered. A theoretical analysis of a wide range of the problems touched upon by the author is carried out: the study of the question of the importance of childhood, of the historical change in the pace and content of various age stages of human development, the identification of various stages of age development and specific transitions between them, as well as the formulation of the problem of psychological age and the development of a specific historical direction its solutions.

It is noted the presence of innovative ideas in Blonsky's works, which served as the foundation for the emergence of systemic concepts in order to understand the foundations of human mental development. Particular attention in the article is paid to those views of Blonsky on issues of developmental and educational psychology, which retain their scientific and practical interest to the present.

Blonsky's creative heritage gives modern researchers the key to understanding the psychological and pedagogical laws of the formation of the personality. In his works, ideas of psychophysiological unity sound, as well as the need to increase the role of genetic research in considering the mechanisms of age-related development. At the same time, the importance of active involvement in age-appropriate activities is emphasized as a necessary condition for the harmonious development of the child's personality is emphasized. All this testifies to Blonsky's understanding of the need to apply the principle of consistency to the study of mental phenomena.

In Blonsky's works, the ideas of the systemic relationship of mental processes are expressed. He postulates the basic principles of organizing the study of the child. The author's views on the psychological characteristics of teaching and upbringing of difficult schoolchildren, as well as Blonsky's provisions concerning the specifics of the intellectual development of children, are of keen interest.

Keywords: P. P. Blonsky; system ideas; pedagogical psychology; age-related psychology; dialectical materialistic approach; activity; patterns of development; game theory; psychological and pedagogical laws.

For citation: Artamonova E. R., Lobanov E. V. System ideas in the creative heritage of P. P. Blonsky // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 93–102. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.8

Artamonova Elena Romanovna, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of General and Educational Psychology of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia.

E-mail: art1960.2@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1714-3625

Lobanov Evgeniy Valeryevich, postgraduate student at the A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia.

E-mail: lobanov.evg@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-2249-004X

Введение

Кардинальные изменения, происходящие во всех сферах современного общества, требуют осмысленного изучения опыта, накопленного в области знаний о человеческой природе. В связи с возрастающими потребностями в прогнозировании развития психологической науки повышается роль историко-психологических исследований, без которых практически невозможно адекватно определить современное состояние науки и построить прогноз ее будущего развития, найти необходимые для этого зоны роста [27: с. 5]. Вследствие этого особое значение приобретает выявление личного вклада в развитие психологии наиболее выдающихся исследователей. Таковым является Павел Петрович Блонский (1884–1941). В характеристике, выданной Институтом психологии в 1939 г., говорится: «П. П. Блонский является одним из наиболее эрудированных и квалифицированных психологов в Советском Союзе» [30].

Творческое наследие Блонского в области возрастной и педагогической психологии является источником развития современного психологического знания, поскольку оно сохраняет свою актуальность как с точки зрения теоретико-методологического подхода к решению психологических проблем и созданной им системы понятий в психологии, так и с точки зрения полученных ценных научных результатов и сделанных выводов, которые являются перспективной базой для дальнейших исследований.

Диалектико-материалистический подход к рассмотрению психологических вопросов в трудах П. П. Блонского

Жизнь и научная деятельность выдающегося ученого, педагога и психолога П. П. Блонского протекали в сложных условиях начала строительства социализма и становления материалистически ориентированной психологии в нашей стране в 20–30-е гг. XX в. В это время он проявлял большой интерес к таким проблемам, как психическое развитие ребенка, характеристика детских возрастов,

психологические основы воспитания и обучения школьников.

Большая часть трудов Блонского по проблемам возрастной и педагогической психологии выходила в свет как педологические работы. Они содержат обобщение многосторонних знаний разнообразных отраслей науки, важный фактический материал, ценные научные выводы, а также сохраняющие ценность до сегодняшнего дня практические рекомендации [4: с. 5; 7: № 3, с. 33].

Особую ценность представляет проведенное Блонским исследование вопроса о назначении детства, об историческом изменении темпов и содержания различных возрастных этапов развития человека. Плодотворным источником дальнейших исследований явилось его указание на наличие в ходе возрастного развития различных эпох или стадий и специфических переходов между ними [9: с. 26].

В трудах Блонского разработаны направления диалектико-материалистического подхода к решению сложнейшей методологической проблемы психологии — психического развития ребенка. Основным было требование изучать все факторы развития во взаимосвязи и взаимовлиянии, учитывать диалектическое единство внешних и внутренних факторов развития. Блонский подчеркивал социально-классовый характер влияния окружающей среды и воспитания, утверждал взгляд на воспитанника как на активного участника воспитания, доказывал большое значение включения его в определенные виды деятельности для направленного психического развития. Ценным является его призыв к педагогам изучать законы наследственности и степень их влияния на ход индивидуального развития.

Необходимо подчеркнуть, что в его работах был накоплен богатый материал о возрастных особенностях детей и закономерностях их развития. В свое время Д. Б. Эльконин считал, что работы Блонского, посвященные проблеме периодизации психического развития в детском возрасте, являются одними из самых фундаментальных в этой области [32: с. 6].

Рассматривая развитие как процесс качественных преобразований, которые могут происходить как критически (от *греч.* *kritike* —

искусство разбирать), так и литически (от *греч.* *lytikos* — способный освобождать), Блонский дал подробную характеристику изменений, свойственных периоду новорожденности, грудного возраста, малютке, дошкольнику, школьнику, подростку, юноше; рассмотрел возрастные особенности физического, психического и общественно-политического развития детей. В своих трудах Блонский уделял внимание разработке теории развития видов деятельности ребенка, предлагая собственный новаторский взгляд на теорию игры. Он утверждал, что именно характер видов деятельности, в которые включен ребенок, их взаимосвязь являются ключом к пониманию специфических особенностей данного возраста и определяют отношение ребенка к окружающей действительности, направление его всестороннего развития. При этом указывал, что решающее значение имеет не сам факт занятия каким-либо видом деятельности, а то изменяющееся с возрастом значение, которое игра, учение, труд имеют в жизни ребенка в развитии его психических процессов. Блонский выявил преемственность в развитии этих видов деятельности.

Блонский изучал эволюцию форм общения ребенка с окружающими, рассматривая ее как важнейшую форму его жизнедеятельности. В результате проведенных им исследований показано влияние речевого развития ребенка на эволюцию мышления. Блонским разработана общая теория развития речи, в основу которой положено стремление ребенка к расширению контакта с окружающей действительностью, подчеркнута роль среды в формировании правильной речи [8: с. 12].

В плане характеристики каждого возраста Блонский большое внимание уделял изучению особенностей взаимоотношений между детьми, их коллективной жизни, рассмотрению изменения отношения детей к различным видам и произведениям искусства, к красоте. Им внесен непревзойденный вклад в исследование проблем детской сексуальности¹.

¹ Блонский П. П. Очерки детской сексуальности / под ред. Э. Ю. Шурпе, В. Н. Скосырева; Гос. центр. науч.-исслед. ин-т охраны здоровья детей и подростков. Л.; М.: Изд. центр Ин-та охраны здоровья детей и подростков, 1935. 128 с.

Блонский уделял внимание разработке психологических основ профориентации подростка.

Ученый настаивал на необходимости для педагогов изучать возрастные особенности детей и закономерности их развития. Им были разработаны такие основополагающие для отечественной психологии принципы организации и реализации изучения ребенка, как генетический, принцип детерминизма, принцип целостного изучения, включающий в себя требование комплексной характеристики каждого возраста. Блонский утверждал принцип гуманистического подхода к личности ребенка, который, к сожалению, некоторое время не находил должного практического воплощения [26: с. 15; 31: с. 29].

В целом же можно отметить, что в научных изысканиях Блонскому присущ диалектико-материалистический подход при рассмотрении психологических вопросов.

Вопросы возрастной психологии в трудах П. П. Блонского

В золотой фонд возрастной психологии вошла постановка П. П. Блонским проблемы возраста и утверждение необходимости конкретно-исторического подхода к ее решению. Разработанная им возрастная периодизация строилась в основном на требовании целостного подхода к изучению психики ребенка с точки зрения установления корреляций между психическими, физиологическими и антропометрическими данными. Стремление Блонского дать материалистическое обоснование развитию различных функций ребенка вполне оправдано с точки зрения материалистической психологии. Большую ценность представляют его исследования возрастных особенностей физиологического, психического, общественно-политического развития детей. Они содержат богатый фактический материал и важные научные выводы. Необходимо заметить, что проблема межфункциональных связей и психофизического единства, изучению которой уделено значительное внимание в работах Блонского, исследуется современными учеными явно недостаточно.

Блонский — один из первых психологов, кто утверждал, что младенец является социальным

существом. Данная им характеристика детских возрастов содержала в себе предпосылки изучения новообразования каждого возраста. Ценным является классовый подход Блонского к характеристике возрастных особенностей. Многие из высказанных им мыслей об особенностях возрастного развития детей получили дальнейшую разработку в трудах Б. Г. Ананьева [1: с. 33; 2: с. 11], Л. И. Божович [10: с. 3], А. А. Люблинской [21: с. 5], В. С. Мухиной [24: с. 10] и других отечественных психологов. Особую важность для современных исследователей имеет то, что Блонский пытался дать систему знаний о возрастных особенностях детей под практически-педагогическим углом зрения.

Сохраняют свое значение в настоящее время работы Блонского, посвященные развитию и взаимосвязи видов деятельности ребенка, разработанная им теория игры. Заслуживает внимания и то, что, рассматривая общение с окружающими как важнейшую форму жизнедеятельности ребенка, он изучал эволюцию форм общения ребенка с окружающими людьми.

Представляют интерес и мысли Блонского о психологических основах профориентации подростков. Актуально звучит его предложение изучать в школе основы психологии и научной организации труда [18: 174].

В современной психологии нашли подтверждение мысли ученого о системных связях в становлении и развитии психических функций, их ускоренном формировании в условиях, ставящих перед человеком задачи выживания; о безграничной вариативности форм индивидуальных различий. Высказанная им идея об относительно большей продолжительности периода детства с течением эволюции цивилизации также получила свое дальнейшее развитие в трудах выдающихся отечественных психологов.

Блонский считал, что воспитание и обучение влияют главным образом на темпы и полноту развития, но отменить или заменить действие закономерностей развития они не в состоянии. Он доказывал все увеличивающееся в процессе возрастного развития значение коллективных взаимоотношений детей для их общего развития.

Вопросы педагогической психологии в наследии П. П. Блонского

Сохраняют научный интерес исследования П. П. Блонского, посвященные вопросам педагогической психологии. Он всесторонне рассмотрел проблемы оптимальной организации обучения и воспитания применительно к разным возрастам (начиная от дошкольников и кончая студентами вузов) [4: с. 14; 5: с. 89].

По словам А. А. Леонтьева, «многие... мысли П. П. Блонского развиты в книгах и статьях Л. С. Выготского и прежде всего в его замечательной книге "Педагогическая психология"...» [20]. Широкое развитие в трудах отечественных и зарубежных ученых получили идеи Блонского об умственном развитии детей [13: с. 43; 23: с. 349]; факторах, определяющих работоспособность учеников [3: с. 5]; важности активной мыслительной деятельности учеников на уроках [6: с. 78; 11: с. 68; 22: с. 15]; качествах характера, влияющих на успешность обучения [12: с. 11; 1: с. 33].

Практическую ценность для современной школы представляют данные Блонским рекомендации по развитию у учеников умения работать, предложенные им методы перевоспитания дезорганизованных, ленивых учеников, приемы развития и поддержания познавательного интереса. В его творчестве берет начало идея создания интеллектуального фона класса. Вопреки расхожему мнению критиков творчества Блонского можно утверждать, что он подчеркивал роль школы в умственном развитии детей. Богатый теоретический материал и важные для практики современной школы рекомендации содержатся в исследованиях Блонского психологических особенностей различных уроков. Основополагающими для работ многих известных психологов (В. Н. Артемова, Д. Н. Богоявленского, Е. И. Игнатьева, З. И. Калмыковой, Г. С. Костюка, А. А. Люблинской, Н. А. Менчинской, А. А. Смирнова, А. Н. Соколова и др.) явились мысли Блонского по проблемам понимания и усвоения, о роли самоконтроля в усвоении понятий.

Ценными для развития психологии стали проведенные ученым на основе принципа диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности развития психических процессов

исследования возрастных особенностей развития у детей познавательных психических процессов. Его труды способствовали утверждению необходимости изучения целостной познавательной деятельности, предполагающей «взаимоучастие» нескольких психических процессов (ощущения, восприятия, внимания, представления, воображения, памяти, мышления, речи) в процессе познания². Блонский стремился выявить истоки каждого психического явления и динамику его развития. Необходимо по достоинству оценить плодотворность такого подхода к исследованию психических функций и способствовать его внедрению в психологические работы.

Критическая оценка зарубежных работ своего времени (А. Валлон, К. Бюлер, Ст. Холл, Ж. Пиаже, З. Фрейд и др.) по вопросам психологии детского развития была в центре его внимания, равно как и проблемы стандартизации существующих методик и практик, вопросы прогнозирования индивидуального развития ребенка в рамках психодиагностики.

Не теряют своего значения исследования Блонского, посвященные изучению трудных школьников. Он был новатором в этой области. В работах советских психологов, в частности в проведенных под руководством Н. А. Менчинской [23: с. 349], в научных трудах З. И. Калмыковой [16: с. 132; 17: с. 5], С. Я. Рубинштейн [28: с. 11], Л. С. Славиной [29: с. 11] и других, мы находим подтверждение и развитие выводов Блонского о психических особенностях трудных школьников (дезорганизаторов, неуспевающих учеников, умственно недоразвитых и психически недоразвитых детей). Актуальными остаются его педагогические рекомендации по коррекционной работе с трудными школьниками. Многие из них нашли применение в работе педагогов и школьных психологов настоящего времени.

Заметим, что термин «трудные школьники» в понимании Блонского имеет более широкое содержание, чем в современной отечественной психологии, где под ним понимают главным образом педагогически запущенных

детей, отстающих в развитии и неуспевающих школьников³. В настоящее время крайне незначительное внимание уделяется исследованию трудностей, возникающих в процессе обучения детей с высоким интеллектуальным развитием, поэтому в дальнейшем развитии нуждаются мысли Блонского о психических особенностях и работе с детьми, имеющими высокий интеллектуальный коэффициент (IQ)⁴.

Блонский являлся одним из основоположников отечественной психологии воспитания. Будучи сторонником гуманистического подхода к проблемам воспитания детей, он доказывал необходимость организации воспитания на основе знаний возрастных особенностей развития детей. При этом решающую роль в развитии ребенка отводил воспитанию. Блонский утверждал двусторонний характер процесса воспитания, активность воспитанника, плодотворность воспитания, опирающегося на собственные силы воспитываемой личности. Главную цель воспитания он видел в формировании гармонически развитой личности. Блонский внес неоценимый вклад в решение сложнейшей проблемы психологии воспитания — вопроса соотношения саморазвития и воспитательных воздействий. Им было высказано немало новаторских идей, например вопрос о возможности управления поведением ребенка посредством психолого-педагогических технологий для понимания основных линий его становления и развития как личности. Многие из них получили развитие в трудах Б. Г. Ананьева [1: с. 33; 2: с. 11], С. Я. Рубинштейн [28: с. 21], А. А. Люблинской [21: с. 115] и других психологов, а также применение в практике передовых педагогов и психологов.

Проблему формирования характера Блонский рассматривал в связи с вопросами развития воли и внимания. Этот подход к данной проблеме ждет своего дальнейшего развития. Актуальными и для сегодняшней педагогической и психологической практики являются

² Блонский П. П. Как обеспечить будущим учителям знание возрастных особенностей детей // Педагогическое образование. 1934. № 6. С. 40–44.

³ Блонский П. П. Когда ребенок не понимает // Народный учитель. 1934. № 1. С. 60–62.

⁴ Блонский П. П. Научный способ оценки учебников // На путях к новой школе. 1924. № 3. С. 10–14.

исследования Блонского отрицательных форм поведения и средств их преодоления, а также психологических основ воспитательного воздействия. Им было положено начало изучению развития психических процессов в условиях конкретных видов деятельности.

Блонский положил начало изучению такого, остающегося еще недостаточно исследованным в современной психологии воспитания, вопроса, как выявление психологических особенностей различных представителей коллектива. Во многом пророческими и нашедшими применение в практике передовых педагогов и психологов последующих поколений явились также его идеи о роли коллектива в процессе воспитания, о назначении детского самоуправления.

Работы Блонского, разработанная им система понятий в психологии являются образцом применения психологических знаний для разработки педагогических проблем. Они также образец пристального и вдумчивого отношения к передовой педагогической и психологической практике.

Заключение

Выдающийся ученый П. П. Блонский по праву считается одним из основателей

важнейших отраслей психологии — возрастной и педагогической, — в рамках которых была проведена не только основательная разработка многих практических и теоретических вопросов психологии, но и сама постановка фундаментальных задач, требующих глубинного изучения. Богатые научные данные, сделанные выводы, а также практические рекомендации по совершенствованию учебно-воспитательного процесса, без сомнения, нуждаются в дальнейшем анализе и последующем развитии.

Творческое наследие П. П. Блонского представляет собой неотъемлемую составляющую истории формирования психологической науки. Наличие в работах Блонского идей, послуживших фундаментом для зарождения системных концепций, свидетельствует о необходимости рассмотрения психического развития человека в контексте системной парадигмы.

Многие из высказанных П. П. Блонским идей требуют дальнейшего изучения и переосмысления путем применения методологии системно-психологического подхода, поскольку представления автора о закономерностях формирования личности лежат в основе системных представлений о природе человеческой психики, получивших развитие на более позднем этапе становления психологической науки.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Важная проблема современной педагогической антропологии: Онтогенетические свойства человека и их взаимосвязь // Советская педагогика. 1966. № 1. С. 33–53.
2. **Ананьев Б. Г.** О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
3. **Антропова М. В.** Работоспособность учащихся и ее динамика в процессе учений и трудовой деятельности детей. М.: Просвещение, 1986. 251 с.
4. **Артамонова Е. Р.** Вопросы детской и педагогической психологии в трудах П. П. Блонского: дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 149 с.
5. **Артамонова Е. Р.** Научное наследие П. П. Блонского — богатейший источник психологической мысли // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 4. С. 89–99.
6. **Бабанский Ю. К.** Интенсификация процесса обучения. М.: Знание. 1987. 80 с.
7. **Блонский П. П.** Вопросы психологии школьника. Лекция 1-я: Как образовывается характер ребенка и как в нем разобраться. Лекция 2-я: Элементы характера и основные недостатки его // Народный учитель. 1934. № 3. С. 33–36; № 4. С. 25–27.
8. **Блонский П. П.** Память и мышление / Наркомпрос, Гос. науч. исслед. инст. психологии. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 1935. 213 с.
9. **Блонский П. П.** Психология младшего школьника: избранные психологические тр. / под ред. А. И. Липкиной, Т. Д. Марцинковской. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. 629 с.
10. **Божович Л. И.** Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

11. **Вагнер В. А.** Биопсихология и смежные науки. Пг.: Образование, 1923. 71 с.
12. **Волокитина М. Н.** Очерки психологии младших школьников. М.: АПН РСФСР, 1957. 214 с.
13. **Выготский Л. С.** Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
14. **Данильченко М. Г.** Выдающийся советский педагог и психолог. К 85-летию со дня рождения П. П. Блонского // Народное образование. 1969. № 7. С. 96–98.
15. **Егорова Т. В.** Особенности памяти и мышления младших школьников, отстающих в развитии. М.: Педагогика, 1973. 150 с.
16. **Калмыкова З. И.** Некоторые типические особенности мыслительной деятельности неуспевающих школьников // Дети с временными задержками развития / под ред. Т. А. Власова, М. С. Певзнер. М.: Педагогика, 1971. С. 132–138.
17. **Калмыкова З. И.** Проблема преодоления неуспеваемости глазами психолога. М.: Знание, 1982. 96 с.
18. **Кострюков В. Я.** Некоторые вопросы всестороннего развития личности в трудах П. П. Блонского // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та им. М. Горького. Серия: Общественные науки. 1970. Вып. 76. С. 173–180.
19. **Крутецкий В. А.** Психология обучения и воспитания школьников. М.: Просвещение, 1976. 303 с.
20. **Леонтьев А. А.** Вижу революционное наследие // Учительская газета. 1988. 7 ноября.
21. **Люблинская А. А.** Детская психология. М.: Просвещение, 1971. 415 с.
22. **Махмутов М. И.** Современный урок. 2-е изд., испр. и доп. М.: Педагогика, 1985. 184 с.
23. **Менчинская Н. А.** Мышление в процессе обучения // Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 349–387.
24. **Мухина В. С.** Детская психология. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
25. **Никольская А. А.** Возрастная и педагогическая психология дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
26. **Петровский А. В.** Проблемы психологии в последних трудах П. П. Блонского // Вопросы психологии. 1964. № 3. С. 15–28.
27. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
28. **Рубинштейн С. Я.** Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1970. 199 с.
29. **Славина С. Л.** Индивидуальный подход к неуспевающим и недисциплинированным школьникам. М.: АПН РСФСР, 1958. 214 с.
30. Характеристика Государственного института психологии на имя П. П. Блонского (1939) // Научный архив РАО. Личный фонд П. П. Блонского. Ф. 112. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 1.
31. **Шейн А. А.** П. П. Блонский как психолог // Вопросы психологии. 1964. № 3. С. 29–39.
32. **Эльконин Д. Б.** К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

References

1. **Ananiev B. G.** Vazhnaya problema sovremennoj pedagogicheskoy antropologii: Ontogeneticheskie svoystva cheloveka i ih vzaimosvyaz' [An important problem of modern pedagogical anthropology: Ontogenetic properties of man and their relationship] // Sovetskaya Pedagogika [Soviet Pedagogy]. 1966. № 1. P. 33–53.
2. **Ananiev B. G.** O problemakh sovremenno go chelovekoznaniya [On the problems of modern human knowledge]. M.: Nauka, 1977. 380 p.
3. **Antropova M. V.** Rabotosposobnost' uchashhixsya i ee dinamika v processe uchenij i trudovoj deyatel'nosti detej [Working capacity in students and its dynamics in the process of their learning and work activities]. M.: Prosveshhenie, 1986. 251 p.
4. **Artamonova E. R.** Voprosy` detskoj i pedagogicheskoy psixologii v trudax P. P. Blonskogo: dis. ... kand. psixol. nauk [Issues in child and educational psychology in P. P. Blonsky's works: dis. ... PhD in Psychol. Sciences]. M., 1988. 149 p.
5. **Artamonova E. R.** Nauchnoe nasledie P. P. Blonskogo — bogatejshij istochnik psixologicheskoy my'sli [Scientific heritage of P. P. Blonsky — the plentiful source of psychological ideas] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 2004. T. 25. № 4. P. 89–99.
6. **Babansky Yu. K.** Intensifikaciya processa obucheniya [Intensification of the teaching process]. M.: Znanie, 1987. 80 p.

7. **Blonsky P. P.** Voprosy` psixologii shkol`nika. Lekciya 1-ya: Kak obrazovy`vaetsya karakter rebenka i kak v nem razobrat`sya. Lekciya 2-ya: E`lementy` karaktera i osnovny`e nedostatki ego [Schoolchildren's psychology questions. Lecture 1: How the character of a child is formed and how to understand it. Lecture 2: Elements of character and its main shortcomings] // Narodny`j uchitel`. 1934. № 3. S. 33–36; № 4. S. 25–27.
8. **Blonsky P. P.** Pamyat` i my`shlenie [Memory and thinking] // Narkompros, Gos. nauch. issled. inst. psihologii [People's Commissariat for Education, State. scientific research. Institute of Psychology]. // M.; L.: Gos. soch.-e`kon. izd-vo. 1935. 213 p.
9. **Blonsky P. P.** Psixologiya mladshogo shkol`nika [Psychology of a junior schoolchild]: izbranny`e psixologicheskie tr. / pod red. A. I. Lipkinoy, T. D. Marcinkovskoj. M.: Izd-vo Moskovskogo psixologo-social`nogo in-ta; Voronezh: MODE`K, 2006. 629 p.
10. **Bozovicz L. I.** Lichnost` i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. M.: Prosveshhenie, 1968. 464 p.
11. **Wagner V. A.** Biopsixologiya i smezhny`e nauki [Biopsychology and related sciences]. Petrograd: Obrazovanie, 1923. 71 p.
12. **Volokitina M. N.** Ocherki psixologii mladshix shkol`nikov [Essays on the psychology of younger students]. M.: APN RSFSR, 1957. 214 p.
13. **Vygotsky L. S.** Educational psychology. M.: Pedagogika, 1991. 480 p.
14. **Danilchenko M. G.** Vy`dayushhijsya sovetskij pedagog i psixolog. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya P. P. Blonskogo [Outstanding Soviet teacher and psychologist. To the 85th anniversary of the birth of P. P. Blonsky]. // Narodnoe obrazovanie [Public education]. 1969. № 7. P. 96–98.
15. **Egorova T. V.** Osobennosti pamyati i my`shleniya mladshix shkol`nikov, otstayushhix v razvitii [Features of memory and thinking of younger schoolchildren who are lagging behind in development]. M.: Pedagogika, 1973. 150 p.
16. **Kalmykova Z. I.** Nekotory`e tipicheskie osobennosti my`slitel`noj deyatel`nosti neuspevayushhix shkol`nikov [Some typical features of the mental activity of unsuccessful schoolchildren] // Deti s vremenny`mi zaderzhkami razvitiya / pod red. T. A. Vlasova, M. S. Pevzner [Children with temporary developmental delays / ed. T. A. Vlasova, M. S. Pevzner]. M.: Pedagogika, 1971. P. 132–138.
17. **Kalmykova Z. I.** Problema preodoleniya neuspevaemosti glazami psixologa [The problem of overcoming academic failure through the eyes of a psychologist]. M.: Znanie, 1982. 96 p.
18. **Kostryukov V. Ya.** Nekotory`e voprosy` vsestoronnego razvitiya lichnosti v trudax P. P. Blonskogo [Some questions of the all-round development of personality in the works of P. P. Blonsky]. // Uchen. zap. Gor`kovskij ped. in-t im. M. Gor`kogo [Science records. Gorky Pedagogical Institute named after M. Gorky]. Seriya: Obshhestvenny`e nauki. 1970. Vy`p. 76. P. 173–180.
19. **Krutetskij V. A.** Psixologiya obucheniya i vospitaniya shkol`nikov [Psychology of teaching and education of schoolchildren]. M.: Prosveshhenie, 1976. 303 p.
20. **Leontiev A. A.** Vizhu revolyucionnoe nasledie [I see a revolutionary legacy] // Uchitel`skaya gazeta [Teachers' newspaper]. 1988. 7 noyabrya.
21. **Lyublinskaya A. A.** Detskaya psixologiya [Children's psychology]. M.: Obrazovanie, 1971. 415 p.
22. **Makhmutov M. I.** Sovremenny`j urok [Modern lesson]. 2-nd ed., rev. and add. M.: Pedagogika, 1985. 184 p.
23. **Menchinskaya N. A.** My`shlenie v processe obucheniya [Thinking in the learning process] // Issledovaniya my`shleniya v sovetskoj psixologii [Research thinking in Soviet psychology]. M.: Nauka, 1966. P. 349–387.
24. **Mukhina V. S.** Detskaya psixologiya [Children's psychology]. M.: Obrazovanie, 1985. 272 p.
25. **Nikol`skaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology of pre-revolutionary Russia: monograph]. Dubna: Feniks, 1995. 336 p.
26. **Petrovsky A. V.** Problemy` psixologii v poslednix trudax P. P. Blonskogo [Problems of psychology in the last works of P. P. Blonsky] // Voprosy` psixologii [Questions of psychology]. 1964. № 3. P. 15–28.
27. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** Istoriya psixologii s sistemny`x pozicij [History of psychology from a systemic perspective] // Sistemnaya psihologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
28. **Rubinshtejn S. Ya.** Psixologiya umstvenno otstalogo shkol`nika [Psychology of mentally retarded schoolchildren]. M.: Prosveshhenie, 1970. 199 p.

29. **Slavina S. L.** Individual'ny'j podxod k neuspevayushhim i nedisciplinirovanny'm shkol'nikam [Individual approach to unsuccessful and undisciplined schoolchildren]. M.: APN RSFSR, 1958. 214 p.
30. **Xarakteristika Gosudarstvennogo instituta psixologii na imya P. P. Blonskogo (1939)** [Characteristics of the State Institute of Psychology addressed to P. P. Blonsky (1939)] // Nauchny'j arxiv RAO. Lichny'j fond P. P. Blonskogo. F. 112. Op. 1. Ed. xr. 215. L. 1.
31. **Shein A. A.** P. P. Blonskij kak psixolog [P. P. Blonsky as a psychologist] // Voprosy` psixologii [Questions of psychology]. 1964. № 3. P. 29–39.
32. **Elkonin D. B.** K probleme periodizacii psixicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood] // Voprosy` psixologii [Questions of psychology]. 1971. № 4. P. 6–20.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

СИСТЕМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ БОРЮЩЕМСЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVI ВЕКА

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Психологическая мысль о человеке и его борьбе в XVI столетии оказалась адекватна проблемам святоотеческой литературы. Особое место системным описаниям образа человека, его природе отводится в таком литературном памятнике, как «Великие Четьи-Минеи», составленные под руководством московского митрополита Макария. «Великие Четьи-Минеи» являют собой обширный свод источников отечественной мысли, позволяющих понимать особенности и специфику развития психологических представлений в конкретный исторический период времени.

В основе святоотеческого наследия, которое важно для изучения стройности и непрерывности отечественной психологической мысли, лежит обращение к душе человека вне зависимости от возраста; стремление затронуть его эмоционально-волевой мир темой и образами борьбы, которые представлены конкретным духовным опытом, позволяющим выстроить собственную линию жизни; ориентация на становление телесных и душевных потенций человека; формирование интереса к самопознанию и самосовершенствованию.

Духовный борец-аскет, представленный в святоотеческом наследии, обладает волеизъявлением, способен к борьбе, которая позволяет дать оценку его характера. Аскету присуща внутрилличностная борьба, помогающая подготовить его к развитию духовных возможностей, достигать вершины восхождения по пути к прообразу. Его борьба определяется и как социализирующая по своей функции, помогает сформировать общественный идеал действий. Взрослеющий человек по мере развития у себя способности к борьбе обнаруживает активность своей души. На протяжении всего жизненного пути происходит становление потенций борющейся души человека.

Идея борьбы и образ человека борющегося, разработанные системно, во взаимосвязи своих проявлений, образуют единое целое в их восприятии, понимании и дальнейшем описании.

Ключевые слова: системные представления; оригинальная святоотеческая литература; борьба; аскет; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные представления о человеке борющемся в отечественной психологической мысли XVI века // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 103–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

SYSTEMIC IDEAS ABOUT MAN STRUGGLING IN THE NATIVE PSYCHOLOGICAL THOUGHT OF THE XVI CENTURY

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Psychological thought about man and his struggle in the XVI century proved to be adequate to the problems of patristic literature. A special place for systemic descriptions of the image of man and his nature is given in such a literary monument as the Great Makariev “Chetyas-Minei”, named after the most famous collector of them — Metropolitan Makarii of Moscow. “Chetyi-Minei” represent an extensive set of sources of Russian thought that allow us to understand the features and peculiarities of the development of psychological concepts in a particular historical period of time.

Based on the patristic heritage, which is important for the study of harmony and the continuity of national psychological thought, an appeal to the human soul, regardless of age; the desire to touch his emotional world theme and images of struggle, which are represented by a particular spiritual experience, which will build its own line of life; orientation on the formation of spiritual and physical potentialities of man; the formation of interest in self-knowledge and self-improvement lie. A spiritual ascetic-fighter, represented in patristic heritage, possesses the will, is capable of fighting, which allows to assess his character.

The ascetic is characterized by an intrapersonal struggle, which helps to prepare him for the development of spiritual capabilities, to reach the top of the ascent on the way to the prototype. His struggle is also defined as socializing in its function, helping to form a social ideal of action. A growing person, as he develops the ability to fight, discovers the activity of his soul. Throughout the whole course of life, the potencies of the struggling human soul are formed. The idea of struggle and the image of man struggling are developed systemically, in the relationship of their manifestations, form a single whole in their perception, understanding and further description.

Keywords: system representations; original patristic literature; struggle; ascetic; struggling man.

For citation: Ivanov D. V. Systemic ideas about man struggling in the native psychological thought of the XVI century // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 103–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*
ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Анализируя мировую психологическую мысль, немецкий историк М. Дессуар верно заметил, что с возникновением христианства в нее проникает новый дух [16: с. 9]. Строгую серьезность здесь приобретают вопросы, связанные с пониманием сути «божественного подъема души», непрерывным развитием духовной жизни, «ступенями роста души», ее бесконечной ценности, что является характерными чертами мирового вероучительного наследия [Там же: с. 54]. Святоотеческая вероучительная литература оказалась

восприимчива к этим общим, фундаментальным вопросам, особенно к тем, что касались философско-антропологических и психологических воззрений. Российские историки психологии убедительно подчеркивают необходимость пристального внимания к той роли, которую сыграло христианство в ходе становления и развития отечественной культуры и русской психологии. Они считают, что исследовать закономерности поступательного развития психологической мысли в отечественной культуре, которые оказываются тесно связанными с духовной традицией, самими историческими судьбами России,

можно только в контексте понимания особенностей православия, «насквозь пронизавшего все стороны русской жизни» [25: с. 6]. Христианско-православная церковь в лице страстных проповедников, пастырей поддерживала и «любовно возвращала» ростки национального самосознания в период ордынского ига, осуществляла миссионерскую деятельность, неся свет духовности в нехристианские земли [8: с. 84]. Памятники оригинальной святоотеческой, духовной, вероучительной литературы хранят мудрость Отцов Церкви о правильности существования человека, о природе его души и добродетелях, той иерархии ценностей и приоритетов, среди которых выделяется борьба, приобретающая к тому же конкретную значимость в определенный период истории.

Древнерусские памятники святоотеческой вероучительной литературы, составляющие существенный эшелон источников культуры, служат показательными особенностями национального исторического пути развития отечественной психологической мысли — части развития мировой психологической науки [44: с. 238]. Развитие же самого современного психологического знания, находящего в своей зоне роста [39: с. 5], обеспечивается синтезом разнодисциплинарных знаний о человеке [43: с. 72], содержащихся в различных источниках, запечатлевших продолжительный творческий ход человеческой мысли. Среди последних — оригинальные древнерусские памятники святоотеческой литературы, сохранившие идеи системного характера о человеке и его борьбе.

Предыстория системных представлений о человеке и его борьбе в отечественной психологической мысли XVI века

История отечественной психологической мысли обладает выраженной длительностью и непрерывностью своего развития, несмотря на социальные и политические потрясения, имевшие место в большой истории Древней Руси и Московского царства. Явлением для самой истории становятся источники — различные продукты человеческого творчества, которые создаются в конкретное историческое

время развития культуры и многогранно отражают достижения как отдельного индивида, так и целого общества прошедшей эпохи. Методология современного источниковедения опирается на фундаментальное понимание исторического источника как определенного единства цели и творчества его авторов-создателей. Отечественная психологическая мысль имеет в своем распоряжении широкий базис источников, позволяющий отметить ровность ткани ее истории.

Особый интерес для науки представляют письменные источники, ставшие литературными памятниками, составленные и написанные учеными-монахами, которым, как заметил когда-то А. С. Пушкин, мы обязаны и своей историей, и своим просвещением [38: с. 165]. Ученые-монахи явились в свое время хранителями философско-антропологических, психологических представлений о человеке, его душе, о его должном поведении в «дольном» (социальном) и «горнем» (высшем) мирах. Их труды как источники рассмотрения генезиса психологической мысли в ее святоотеческом варианте представлены во всей большой истории Древней Руси и Московского царства.

Исследователи истории отечественной психологии все больше внимания стараются уделять трудам ученых-монахов, причем некоторые историки прямо говорят о святоотеческой мысли как о соответствующем источнике историко-психологического анализа [11], как о большей части для реконструкции психологического наследия прошлого [26: с. 317]. Работы ученых-монахов являются теоретической основой диссертационных исследований психологической мысли как в мировой [15: с. 8], так и в отечественной медиевистике [33: с. 179].

Психологическая мысль XVI столетия, если рассматривать комплексно высказывания отдельных авторов, среди которых ученые-монахи, их идеи и теории о человеке и его борьбе, имевшие хождение в этот век, подготавливалась всем течением и развитием идей о человеке и его душе в предшествующее время.

Период между XIV и XV столетиями — «золотой век русского искусства и русской

святости» (Г. П. Федотов) — стал предтечей XVI в. — времени развития отечественной психологической мысли. Белокаменные соборы и церкви, завораживающие своей строгостью и святостью иконы кисти Андрея Рублева, Феофана Грека — отражение достоинства духа, многогранности человеческой психологии. Это время расцвета русской оригинальной святоотеческой духовной, вероучительной литературы, патристики.

В недалеком прошлом историк психологии В. А. Роменец доказывал ценность патристики для историко-психологического исследования с ее важнейшей проблемой — отношением души и тела, а также ролью телесности в формировании как тела, так и души; расширенным вниманием к трудовой деятельности человека, позволяющей реально преобразовывать этот мир; обращенностью к вопросам развития речи с целью духовного усовершенствования человеческой натуры. Появлялась «психология, которая искала идеал человеческого поведения и видела его прежде всего в разрыве связей с миром материальным» [40: с. 26]. Движение, переход человека от материального к духовному миру направлялось Божией благодатью.

С золотого века русского искусства и русской святости, с развития патристической литературы начинается предыстория системных представлений о человеке и его борьбе в отечественной психологической мысли XVI столетия.

Материальные, социальные и духовные миры русского человека постепенно, но уверенно менялись [46: с. 121]. Такие изменения подготавливались историческими, социальными и логико-предметными факторами, связанными с растущим сопротивлением русских князей ордынским ханам, национальным подъемом самосознания, накоплением научного знания о мире, природе, обществе и человеке. Кардинальной становится мысль о душевном самоанализе, тесно связанная с глубоким осознанием христианских добродетелей, среди которых — смирение и покаяние. Появляется новая система познания и самопознания, необходимая человеку, новая психогностическая техника, активно использующая молитвы, исповедь, аскетизм. Здесь

во многих смыслогенетических контекстах (кардиогностическом, утопическом, апокалиптическом) просматриваются внутренняя природа человека и его борьбы, его развитие и психопатология как следствие нетерпения и невоздержанности. Религиозно-мировоззренческая составляющая психологической мысли особо ориентирована на практическую мораль, крайне востребованную и ожидаемую русским человеком.

Период между XIV и XV вв. соответствует расцвету подвижничества, пустынножительства (старцы-любомудры, огненноустные пророки), воспитанию отечественных святых и земному торжеству Русской церкви [49: с. 196]. В этот период исполненная «такой благодатной силы духовного и телесного подвижничества, пустыня была предметом духовных песнопений» [50: с. 242]. Это историческое время ознаменовано строительством в различных княжеских уделах монастырей и скитов [30: с. 230]. Крестьяне шли за монахами и помогали превращать пустыню в поселение с дорогами, постройками и пашней. Хотя при этом воодушевляли и расцвете подвижничества и пустынножительства отмечались и выступления крестьян против строительства монастырских келий и дальнейшего их обживания, поскольку последние опасались присвоения их земель церковью [9: с. 776]. Тем не менее народ особо прислушивается к старцам-любомудрам, огненноустным пророкам. В это же время рождается великий русский язык, нашедший блистательное завершение в литературных произведениях святоотеческого характера [37: с. 32], сохранивших психологические идеи и теории. Человек из обыденности своего существования приходил к святым подвижникам, пустынножителям наслаждаться их речами и мудростью, выведшими его за порог повседневности и приобщавшими к ощущению благодати и видению добродетельности. Люди покидали старцев «не только с запасом житейских советов, но и с просветленным духом, легким сердцем, чистой ликующей душой» [5: с. 35]. Вера, считают современные ученые, в тот исторический период времени не только «задавала тон», но заранее предопределяла ответ, который возникал благодаря усилиям разума

человека [19: с. 97], понимавшего, что поступил правильно.

Для русских святых-пустынножителей характерным является мотив странничества из дольного мира к духовным горным пространствам. Эти странствия были наполнены яркой душевной и телесной борьбой, вызывавшей трепет у мирян, обращавшихся с разными проблемами к пустынножителям. Духовный подвиг в его конкретно историческом содержании действий требовал от человека рефлексии, приращения богатства опыта в конкретной человеческой истории. Неудивительно, что появляются описания и воспевания духовных борцов, старцев-любомудров, огненноустных пророков — Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Савва Вишерский, Дмитрий Вологодский, Макарий Калязинский, Зосима и Савватий Соловецкие и др. Воспевалась их тяжкая борьба со «страхованиями», стихиями суровых пустынь и т. п. [50: с. 242]. Такое прославление содержало алгоритмы духовной и телесной борьбы человека.

Основной смысл деятельности и призвание отцов-пустынножителей — молиться за спасение мира и человечества. В. О. Ключевский отмечает, что лучшим оружием в борьбе со страстями и «неупорядоченной природой человеческой» они считали «мысленную, духовную молитву и безмолвие, постоянное наблюдение за своим умом» [31: с. 228]. «Этой борьбой достигается, — подчеркивает Ключевский, — такое воспитание ума и сердца, силой которого случайные, мимолетные порывы верующей души складываются в устойчивое настроение, делающее ее непреступной для житейских тревог и соблазнов» [Там же]. Пустынножители, знавшие этико-аскетическое учение Отцов Церкви, придавали особое значение духовной борьбе, отражающейся в молитве, направляющей по пути нравственного преобразования человека, культивировали распространяемую в данное время идею его самосовершенствования [48: с. 140]. Для них очевидной была своего рода система, позволяющая в случае выполнения всех соответствующих предписаниям Отцов Церкви действий приходить к просветлению и спасению души. Пустынножитель «умом соблюдал

сердце» (кардионостический принцип психологии) от неуместных и зачастую нескромных помыслов, страстей и чувств, навеваемых извне, всего, что возникает из человеческой неупорядоченной природы [31: с. 228].

В современной отечественной психологии присутствует опыт описания личности человека духовного чина, движущегося по пути преодоления неупорядоченной природы человеческой, нравственного совершенствования и отличающегося зрелостью, гармоничностью и целостностью своей личности [27: с. 5].

Современные исследователи, анализируя русские православные традиции воспитания «душевного строения» человека [28: с. 46], обращают внимание на особый вклад, который внесли ученые-монахи (пустынножители), обучавшие обращавшихся к ним за помощью людей в поисках благодатного и Божественного. Помимо молитв, помогавших найти нужный душевный настрой, в качестве средств, воздействующих на эмоционально-волевой мир человека, готового стойко переносить трудности, бороться с гордыней и умирять плоть, использовались также исповеди, которые приучали к самоанализу, глубокой рефлексии о сути добра и зла, благодати и наказания. Средством воздействия на человека, способом улучшения его нрава являлись посты, епитимьи и телесные истязания, поскольку считалось, что «победивший же естество, без сомнения, стал выше естества» (Иоанн Лествичник) (цит. по: [22: с. 278]).

Время расцвета святоотеческой, духовной, вероучительной литературы — это еще и время описания и осмысления душевной и телесной борьбы человека, начало перехода к духовному восприятию всех ее характеристик. Осмысление приводит к сложившейся практике, системе в описаниях борющегося человека, вошедших в золотой фонд русской психологической мысли. Архетипом душевного строения, позволяющим объяснить сущность человека, смысловую структуру его поступков, нашедшим отражение в литературных памятниках того времени, стало понятие аскезы [Там же: с. 274, 276].

Образ аскета является одним из актуальных символов, олицетворяющих человека борющегося, нашедших свое описание

в святоотеческой традиции. Аскет — носитель сакрального духа, значимого для оригинальной святоотеческой, духовной литературы понятия. Он своего рода идеал, постепенное восхождение человека к лучшему в человеческом существе. Он также представляет собой духовную аристократию (ранее на его месте был воин-хорообр (храбор), ратоборец, описанный в преданиях, летописях и былинах) [21: с. 14]. Первые христиане, воины Бога, напрямую заимствовали нормы нравственного поведения у военной аристократии. Позже, считает В. В. Костецкий, истоки аристократической нравственности воинов Бога подзабылись, а духовность стала чисто религиозным феноменом [29: с. 28]. Такая реконструкция позволяет выявить общий план познания храборской и аскетической борьбы, соотнести по своим характеристикам психологемы ратоборца и духовного борца.

Духовный борец — аскет, представленный в русском святоотеческом наследии, — обладает волеизъявлением, он самовластен, поэтому способен к борьбе, которая дает оценку его личности, он мужественно «труждается», обладает «самосмышлением», что крайне важно на пути духовного восхождения к идеалу. Активность души обнаруживается по мере постепенного взросления человека, формирования его телесных возможностей, самой способности к борьбе и борцовским усилиям в повседневной жизни. На протяжении всего жизненного пути, который проходит человек (от младенца до отрока и от зрелого мужа до старца) просматриваются потенции его борющейся души. Аскет и его борьба образуют единство, целостность в восприятии образа человека и идеи, образа борьбы. Психологема аскета адекватна внутриличностной борьбе человека, которая помогает обнаруживать его готовность к развитию своих духовных возможностей. По индивидуальным характеристикам аскет — это человек, достигающий благодати, вершины восхождения по пути спасения к прообразу. Его борьба становится и социализирующей по своему проявлению, позволяет выработать идеал действий и укрепиться в способности осознания добра и зла в поведении отдельного человека и общества в целом. Для современной психологии

такая ретроспективная психологическая интерпретация образа аскета — архетипа человека борющегося — важна, поскольку здесь появляется возможность представить идею цельности самого человека, его сущностных характеристик, проследить как она (идея) исторически складывалась в отечественной психологической мысли.

В святоотеческой литературе борьба, как душевная, так и телесная, предстает уникальным духовным феноменом существования человека. Авторами таких сочинений борьба рассматривается как комплекс идей микрокосмического (человек) и макрокосмического (природа) характера. Она достойный, ценностный в представлениях святоотеческой литературы тип поведения. Борьба для человека проявляется еще и как способ создания моральной философии, утверждения долженствования добродетели (социализирующая функция), выявления его духовных возможностей (внутриличностная функция).

В общем, памятники оригинальной святоотеческой, духовной, вероучительной литературы могут рассматриваться историей отечественной психологической мысли как источники, в которых прослеживаются системные описания природы и образа человека, борьбы, ее яркие функциональные проявления.

Расцвет подвижничества и пустынножительства XIV и XV веков, появление значительного числа монастырей и скитов, сам запрос общества на святоотеческую духовную литературу должен был привести к появлению качественно нового, объединяющего характера труда, позволяющего формировать и воспитывать на примере отечественных святых новые поколения аскетов-борцов. Таким объединяющим трудом в XVI веке стали макарьевские «Великие Четы-Минеи».

Макарьевские «Великие Четы-Минеи» — источник отечественной психологической мысли XVI века

Исследователи отмечали безграничность того духовного богатства, которое скоплено в творческом наследии русской мысли, в частности в ряде значимых источников

«борцовского» характера, которые относятся к памятникам святоотеческой литературы.

Особую роль значительной социальной группы «святых» отмечает В. С. Горский. Образ святого, представленный в русском святоотеческом наследии, — духовный борец-аскет. Святой утверждал в сознании средневекового человека нравственный идеал. И если Христос является идеалом святости в бесконечно удаленной перспективе, то святой, принадлежавший социальному миру, знаменовал собой путь стремления к нему. Путь, который сопровождался душевным борением и борьбой часто с реально существующими препятствиями, людьми и обстоятельствами. Жизненному пути святого, его борьбе посвящались патерики и жития, представляющие собой агиографический эшелон источников в древнерусской литературе [10: с. 184]. Они содержат тот исследовательский материал, который помогает понимать богатство духовной литературы, оригинальность мышления и умозаключений русских авторов, хранивших философское и, соответственно, психологическое слово своего времени. М. М. Бахтин выделил отличительную черту таких источников, подчеркнув, что житие «совершается непосредственно в Божием мире. Каждый момент жития изображается как имеющий значимость именно в нем; житие святого — в *Боге* (курсив мой. — Д. И.) значительная жизнь» [4: с. 204]. Подобного рода опыт бытия, как считали авторы и составители житий, нуждается в повсеместном распространении и повторении как образец, как способ приобщения к чему-то стоящему над повседневностью.

Всеохватывающим по представлению функциональности борьбы, образа человека борющегося в отечественной средневековой литературе является такой святоотеческий памятник житийной агиографической литературы, как макарьевские «Великие Четьи-Минеи», названные так по имени наиболее известного их собирателя — московского митрополита Макария и составленные под его руководством в 1530–1541 гг.

«Великие Четьи-Минеи» — уникальное явление для истории отечественной психологической мысли, «продукт» творчества, созданный в конкретное историческое

время, многогранно отразивший достижения общества того времени. Это — исторический источник, показывающий определенное единство поставленной цели и проявленного искусства, креативности его авторов-создателей, содержащий идеи борьбы и образ человека борющегося.

Митрополит Макарий — ученый-монах, один из тех, кому последующие поколения обязаны просвещением (А. С. Пушкин), наследник золотого века русского искусства и русской святости. Его философско-психологические взгляды оказываются близкими сподвижникам святого Иосифа Волоцкого, известного церковного деятеля XV – начала XVI веков. Образ человека для него сродни образу Троицы (Отец, Сын, Святой Дух). Макарий видит познавательные способности человека в потенциале его ума и правильной речи, позволяющей донести результат умственных размышлений, выразить их, а также в борцовских возможностях индивида со своей телесной и духовной природой. Он верит, что душа человека — это его ум, который может быть представлен в качестве отца. Душа рождает слово, которое определялось как сын, а дух «живит» это слово. Человек носит в себе подобие Божие. Важным проявлением богообразности человека является свободная воля, служащая и показателем индивидуальности. Иными словами, каждый человек способен «помыслить», высказать «надуманное» и побороться за свою душу. Макарий верит в силу самой молитвы как приема борьбы, способной наказывать виновных. «Устраивать» душу человека, верующего и грамотного, помогать ему в преодолении соблазнов мира, научить бороться с ними, как это делали Святые Отцы, на их примерах, используя аналогичные алгоритмы действий, — важнейшая задача, поставленная Макарием при составлении «Великих Четьей-Миней».

Макарий для составления своих «Миней» проводил колоссальную работу изыскательского характера, кодификацию и систематизацию собранных по всей Руси святых книг, находил жития местночтимых святых, значение которых для укрепления духовных ценностей трудно было переоценить. Сами жития — любимое чтение древнерусского

грамотного человека [30: с. 239], — собранные Макарием, служат своего рода показателем оригинальности древнерусской литературы, маркером интеллектуальной работы многих, часто оставшихся неизвестными для истории, в том числе, и для истории отечественной психологической мысли, авторов жизнеописаний и чудес святых, мучеников, чудотворцев, тех аскетов-борцов, с которыми идентифицировал себя человек того времени.

Русского православного мыслителя, ученого-монаха Макария можно определить как преобразователя — энергичного и яркого воина, доносящего до окружающих свои жизненные принципы [27: с. 480]. Будучи митрополитом, Макарий, входивший в ближний круг молодого царя Ивана IV, его Избранную раду [30: с. 162], инициировал проведение соборов в 1547 и 1549 гг., устанавливавших «церковное празднование 39 русским святым» [Там же: с. 237], принимал участие в создании своего рода уникального тематического исторического источника — «Степенной книги», содержащей систематическое представление русских правителей, описание их «великокняжений» [Там же: с. 352], способствовал организации книгопечатного дела в России XVI столетия, в первую очередь богослужебных и дидактических книг, подготовленных им «Великих Четьих-Миней» с их богатой агиографией.

Рассматривая проблемы житийной агиографической литературы, В. О. Ключевский заметит, что напряженная потребность духовного творчества отечественных мыслителей, выраженная исследовательская склонность у них к обобщению наблюдаемых фактов и явлений, способствовали созданию описаний жизни выдающихся людей, посвящавших себя целиком борьбе с соблазнами этого мира по примеру восточных христианских подвижников [31: с. 219]. «В народной памяти, — пишет Ключевский, — они образовали сонм новых сильных людей, заслонивших собой богатырей, в которых языческая Русь воплотила свое представление о сильном человеке» [Там же].

К настоящему времени список оригинальных древнерусских житий насчитывает свыше 5508 названий [34: с. 35], что указывает

на глубину проработанности идеи борьбы в святоотеческом наследии, востребованность «борцовского» алгоритма, используемого в житиях, потребность в образе борющегося человека, способного к преодолению трудностей мира и к самопреодолению. Идея борьбы представлена системно, во взаимосвязи своих проявлений, образует единое целое в ее восприятии и понимании. Создание житий «новых сильных людей» (В. О. Ключевский) стало психологическим освоением русским человеком результатов духовного творчества, привносимого борьбой, способствовало преобразованию его «норова», изменению его личностных качеств.

«Четьи-Минеи», подготовленные митрополитом Макарием, стали собранием более чем двух тысяч кратких и пространных, объемных произведений как святоотеческой, оригинальной, так и переводной литературы, предназначенных для систематического домашнего чтения всем интересующимся своим духовным развитием читателям. Внутреннее деление этого собрания было произведено по порядку месяцев и соответственно каждого из дней этих месяцев, распределенных по 12 книгам [13: с. 178]. «Четьи-Минеи», благодаря их активному распространению, оказывались доступными для многих заинтересованных лиц, стремившихся соотнести себя и нравственный идеал, мысленно сопроводить святого на его пути, полном преодоления и борьбы.

В «Четьи-Минеи» вошли также апостольские послания: «Златая цепь», «Пчела», «Иудейская война» Иосифа Флавия и другие [42: с. 112]. Современное источниковедение относит сюда и так называемые патерики, или отечники, — сборники повестей о знаменитых монахах-подвижниках (Феодосии Печерском, Кирилле Туровском и др.) и их нравоучениях для мирян как необходимую «кальку борьбы» на каждый день в продвижении своей души к спасению. Считается, что «Четьи-Минеи» — это самое ценное собрание памятников литературы XVI века и предшествующих столетий, в том числе и времени расцвета пустынножительства (XIV–XV вв.), поскольку многие сохранились только потому, что были включены в состав «Четьих-Миней» [7: с. 231].

Жития строятся по определенному канону, сохраняющему систему понятий, включающему борьбу подвижника, достижение им святости, а путь такого человека-борца рассматривается как пример добродетельности, нравственного поведения в постоянно возникающих тревожащих ситуациях повседневности. Важно, что борьба проявляется здесь в своей социализирующей и внутриличностной функциях. Человек движим нравственной борьбой в ее мысленном плане, находит ее следствия также во внешнем мире, в своей каждодневной деятельности, в анализе социальных связей и оценках собственного бытия.

В рецензии на «Великие Четьи-Минеи», которые в середине XIX века издавала Археографическая комиссия, В. О. Ключевский подчеркивал, что жития наших святых дают возможность не только почувствовать «напряженность физической силы, материальной борьбы, но и ясно выраженную нравственную силу народа» [32: с. 36]. По мнению историка, ничто лучше жития не дает потомку и наследнику русских традиций проникнуться и прочувствовать, что не только одним ручным трудом — топором и сохой — «расчищена и взрыта» история русского государства. А самое главное — не только «пресловутые Иваны московские» послужили «живучести» самого отечества. Нравственной силе народа «в образе Петра, Алексея, Сергия и многих других» — духовных борцов, аскетов, которые трудились для русского народа в прошлом, должно принадлежать особое место в истории и культуре [Там же].

Одной из ярких личностей, нашедших свое описание в «Четьях-Минях», был Феодосий Печерский (ок. 1036–1074), игумен Киево-Печерского монастыря, стойкий подвижник и духовный борец. «Житие Феодосия Печерского» — это самое древнее, известное на Руси, преподобническое житие (т. е. житие преподобного, святого инока), представляющее определенные традиции борьбы лиц, посвященных в сан. В нем изначально прослеживается соответствие канонам византийской агиографии, что указывает на взаимосвязь Древней Руси и Византии, определенную преемственность философско-психологических умозаключений.

В то же время оно дает возможность разглядеть, пусть и отдаленно, не только разные стороны монастырского быта и существования (борьба с врагами Господа, путь смирения, борьба за простого человека и т. п.), но и всей русской действительности XI столетия с ее становящейся психологической мыслью, содержащей обоснование духовного самосовершенствования человека, понимания его борьбы и др. [3: с. 29].

Рассматривая образ Феодосия Печерского и его творческое наследие, исследователи в большинстве случаев предлагают анализ его мистико-аскетических воззрений [18: с. 41], гуманистических взглядов [13: с. 74], эстетического сознания на примере его одиннадцати сочинений — «медоточивых речей» [5: с. 34]. И хотя в последнее время есть упоминания о морально-антропологической и аскетической тематике, представленной в «Житии Феодосия Печерского» [14: с. 17], в стороне очень часто остаются вопросы, связанные с целым комплексом проблем психологического наследия в святоотеческой традиции, которые нуждаются еще в своем рассмотрении и системном описании.

Автор «Жития Феодосия Печерского», летописец Нестор, стремился к конкретике исторических событий. Он даже опирается на свидетельства конкретных лиц, сообщавших «действительную» фактологию жизни Феодосия Печерского. Поэтому, например, Н. В. Водовозов считает, что житие не только литературный памятник, а «законченное художественное изображение древнерусской жизни... в нем рассматриваются патристические раздумья автора о судьбах его родной земли» [7: с. 53]. «Патристические раздумья», как показывает историко-психологическая реконструкция и ретроспективная интерпретация психологического смысла текста этого и других житий, содержат идею борьбы человека, признаки ценностной ее природы.

Святой Феодосий Печерский отличался безупречным, праведным образом жизни, добронравными делами, приверженностью к такой вере и разуму, которые оказывались далеки от фанатичного аскетизма и были близки практическому образу жизни и мышления, или идеалам фронеизиса [36: с. 183]. Фронеизис

в этом источнике представлен как способность взрослого и мудрого человека отличать хорошее от дурного в конкретных ситуациях жизни и принимать верные обстоятельствам решения. Этот практический разум — важная составляющая для понимания акцентов в представлении человека отечественной психологической мысли древности.

«Житие Феодосия Печерского» — пример духовного ратничества человека, начавшего путь искания и аскетической борьбы уже в отрочестве, в том возрасте, который всегда выделялся в отечественной психологической мысли как время испытаний, инициации и борьбы духовного и телесного характера. Здесь показано своеобразное начало генезиса борьбы, характерного для русской агиографической традиции.

Феодосий Печерский, проделавший длительный путь восхождения к пониманию ценности борьбы, сравнивая в «Поучениях о терпении» монаха с воином, вносит свой вклад в учение о страстях, об уме и речи, столь актуальных для психологической мысли того времени. Он больше верит действительным делам [20: с. 154], чем пустословью, не подкрепленному терпением и борьбой. Ценность и коннотации борьбы для Феодосия Печерского оказываются необходимыми составляющими его взглядов. Смысл выступлений этого духовного учителя в том, что слава воинов временная, поскольку она кончается с их жизнью, а вот слава монахов-иноков, борющихся «с супостатами рода человеческого, вечно» [35: с. 461]. Став настоятелем Киево-Печерского монастыря и наставником, он «направил» своими подвигами братьев-монахов и при жизни его «иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангелам Божиим, а монастырь Печерский уподоблялся как бы обители Небесной» [47: с. 140].

В самой обители, основанной Феодосием, сохранились рельефы, изображающие борьбу [6: с. 27] как аллегория свободы воли в достижении благодати и возможности спасения. Такое художественно-пластическое воплощение борьбы способствовало проявлению ее интенций у обитателей и посетителей монастыря.

Сам добрый сын Христов Феодосий боролся с любой несправедливостью, был

настолько «настойчив в борьбе с невидимыми врагами, настолько же мужественен в борьбе с видимыми врагами Христа Господа» [47: с. 140]. Он вступался как за простых обратившихся к нему людей, так и за сильных мира сего. Вмешиваясь в такого рода социальную, политическую борьбу, Феодосий старался донести свои широкие гуманистические взгляды до власть имущих. Он с подлинным учительным красноречием обращается к ним в своих посланиях, которые должны были пробуждать в глубинах души конкретного человека живое участие ко всем людям, понимание необходимости веры и разума как оружия в борьбе против внешних врагов. «Борцовский» потенциал данного источника определяется наличием философии и психологии борьбы и выраженностью личностно-ценностного и общественно-полезного ее смысла. В житии просматривается образ борющегося человека, понимающего свое назначение и принимающего его, проживающего путь собственной борьбы и наставляющего на этот путь всех попадающих в сферу его взаимодействий и взаимовлияний. «Житие Феодосия Печерского», включенное в «Минеи», — это показатель взаимосвязи идей сквозного характера, пришедших с философско-психологической традицией из Древней Руси и сохраняющих ценность во времена Московского царства.

В «Четьях-Минеях» представлено «Житие Стефана Пермского» (XIV в.), другого святителя, совершившего духовный подвиг в непросвещенной и неправославной Пермской земле. Отправившись в этот край, убежденный монах-аскет Стефан вступил в противоборство с местным волхвом Памом, который ревностно защищал языческие ритуалы и обряды. В житии говорится, что жрец (волхв) «всячески пытался победить непобедимого воина Христова» [Там же: с. 467]. образу духовного борца Стефана противопоставляется «неукротимый супостат», борьба с которым как с выразителем всего темного и непросвещенного становится ведущим мотивом этого источника. Борьбой обозначается избранность Стефана для этого многотрудного дела.

В источнике говорится, что волхв, рассуждая о борьбе, пытался доказать просветителю,

что именно благодаря поддержке языческих богов человек может в одиночку одолеть медведя. Здесь Пам, по всей вероятности, апеллирует к архаической традиции, связанной с инициацией члена рода — его борьбы с медведем. Магическая борьба с сопровождающими ее заговорами как определенный ритуал у многих народов была еще необходимым условием посвящения отрока во взрослую жизнь [21: с. 12].

Духовный наставник Стефан, в свою очередь, подчеркивал, что победа над медведем — это не только борцовское искусство и телесная мощь, но главное — это предопределенные действия человека, поскольку именно «Небесный Бог покорил под ноги человеку всяких зверей, скотов, птиц и рыб» [47: с. 468]. В этом случае победы над зверем человека нет заслуги иных богов.

В психологическом понимании вопроса о борьбе, Стефан, ученый-богослов, «чюдный дидакал», ориентируется на ее сакральность, обращаясь к высшей силе в противостоянии видимому и невидимому воинству. Стефан признает необходимость мысленного, соответствующего идеалам фронеизиса в личностно-ценностной борьбе как способа восхождения к духовному в себе каждым человеком.

Победив в конечном итоге безумного старца Пама, Стефан утвердил свет православия, идею неотвратимости духовной борьбы, принес в Пермскую землю письменность, способствующую дальнейшему просвещению (пониманию сути борьбы) жившего здесь народа.

Образ самого Стефана Пермского — духовного аскета-борца, — запечатленного в житии, указывает на формирующуюся систему подобного описания, характерную для свято-отеческой традиции борьбы.

Автор «Жития Стефана Пермского» Епифаний Премудрый, читавший многие церковно-исторические источники древности, известные ему, оказался мастером эстетизированного стиля «плетения словес», который соотносится, по мнению современных исследователей, с исихазмом, направляя к «умной молитве» не только аскетов-монахов, но и мирян, приобщая человека к божественной вечной жизни [3: с. 67]. В этом плетении слов, как считает В. В. Бычков, усматривается сама

возможность для выражения всего, что нельзя передать несколькими словами. Духовная сущность, сама святость должна быть выражена «орнаментом», представлена некими эстетизированными структурами, для обозначения которых Епифаний «регулярно употребляет эстетическую терминологию» [5: с. 56]. Описывая таким стилем необычность подвига святого, Епифаний Премудрый возносит самого житийного героя, придает его борьбе пламенную духовность и глубокое психологическое содержание (смирение себя в служении малому народу, единоподвижничество, духовное «поборание» и т. д.).

Еще одним крупным произведением Епифания Премудрого является «Житие Сергия Радонежского». Данный источник показывает востребованность философии и психологии борьбы в описании духовного подвига человека и его самого, присутствие преемственности и системности в жизнеописаниях — житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Сергей Радонежский, видный духовный учитель русского народа, оказавший фундаментальное воздействие на жизнь общества в эпоху Куликовской битвы и подъема национального самосознания, к чьим идеям пытается обратиться сегодня история отечественной психологической мысли [2: с. 143].

Епифаний Премудрый, ученик Сергия, называет его добродетельным, смиренным, мудрым, целомудренным, добрым, правым, трудолюбивым, что характеризует духовного наставника Руси как достигшего акме — вершины духа и познания бытия борца-аскета.

Согласно повествованию Сергей Радонежский с отроческих лет, что становится характерной возрастной особенностью святого (аскета-борца), начинает свой путь — восхождение к иноческим подвигам. Его телесная и духовная борьба («Преподобный же, вооружившись молитвой, отогнал силу вражью...») [47: с. 386]) позволила обратить на себя внимание окружающих, признавших в нем духовного наставника.

Так, известно, что в год тяжелого испытания для Руси, старавшейся освободиться от ордынского ига, накануне Куликовской битвы с ханом Мамаем (1380), русский князь Дмитрий Иванович (Донской) посетил Сергия

Радонежского, желая получить от последнего благословение на тяжелую и трудную борьбу с ордынцами. Сергей благословил князя на победу («победишь врагов своих») и отпустил с ним двух монахов, опытных в прошлом ратников-единоборцев — Александра (Пересвет) и Андрея (Ослябя), которые «как бы олицетворяют собой массу рядовых русских ратников, тех, чьими усилиями свершилась эта победа» [17: с. 177]. Сергей Радонежский возложил на них схиму с изображением Креста Христова («Вот, чада, оружие непобедимое: да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!») [47: с. 417]). Впоследствии благодаря участию в битве монахов-воителей Пересвета и Осляби становится актуальной идея о существенном вкладе духовенства (как главного борца) в победу над угнетателями Руси [17: с. 179].

Историческая битва произошла 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, при впадении в Дон реки Непрядвы [9: с. 781]. Как известно из истории, смиренный инок Александр (Пересвет) перед Куликовской битвой вышел на единоборство с татарским богатырем Телебеем («Надменно, подобно древнему Голиафу, он вызывал кого-либо из русских на единоборство. Страшен был грозный вид сего богатыря» [47: с. 418]). Александр (Пересвет) — «сей доблестный воин Христов с копьем в руках быстро устремился на своего противника» [Там же], «и съехавшис, ударшася крепько, едва место под ними не проторжеся, и падоста оба с коней» [45: с. 92]. Образ ратборца-аскета, отважного инока Пересвета, навсегда остался в истории, его подвиг вошел в сокровищницу национальной гордости. Современные историки убеждены в том, что этот скоротечный поединок в памяти народа «живет вот уже шестьсот лет и будет жить, покуда жив хотя бы один русский человек» [12: с. 202]. Это важно, поскольку происходит трансляция уникального образа борца и воина и аскета одновременно, его подвига как кальки борьбы, значимого для формирования ментальной картины современного человека, его «душевного строения».

Сергий Радонежский во время «ужасной битвы» совершил нравственно-психологический подвиг. Совместно с другими

монахами-аскетами он «усердно просил Господа, чтобы Он даровал победу православному воинству» [47: с. 418]. Стало известно, что на поле битвы «крестonosная хоругвь долго гнала врагов... И было чудесное зрелище и удивительная победа... И тут сбылось пророческое слово: “Один преследовал тысячу, а двое тьму”» [41: с. 51]. Психологема борьбы в этом святоотеческом тексте связана с армейско-военной и общественно-полезной ее причинностью и сакральным источником понимания человеческой души.

После Куликовской битвы Сергей Радонежский по сложившейся традиции наставников-отцов старался умирять разногласия между князьями и предотвращать несправедливую междоусобную витальную борьбу.

Жизненный путь Сергия Радонежского — вершина духовной и телесной борьбы человека. Святитель придерживался следующих принципов: верил в духовную мощь человека, сопровождаемого высшими силами («оружие непобедимое»); понимал значение конечности земного бытия; видел бесполезность блеска славы; сохранял душевную и телесную чистоту; питал ко всем живущим нелицемерную любовь. Сергей Радонежский восходил к идеалу путем, подтверждающим психологическую выверенность борьбы для человека, ее ценность для целостности и спасения его души.

Благодаря Епифанию Премудрому, его описанию жития этого доброго пастыря обнаруживается идея духовной и телесной борьбы человека-аскета, которая, распространяясь, оказывала влияние на жизнь страны спустя столетия, концентрировалась в воспитательной деятельности последователей мудрого Сергия Радонежского.

Рассматривая значение образа Сергия Радонежского, В. О. Ключевский, заметил, что после прочтения этого жизнеописания ощущается, что у русского народа и самого отечества возникают проблески духовного пробуждения, зарождается нравственное мужество. Сергей Радонежский примером своей жизни поднял «упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее» [32: с. 80]. Сказанное Ключевским еще в 1892 г. в связи

с 500-летием кончины Сергия Радонежского остается как значимая оценка существенно-го этапа развития святоотеческого идеогенеза борьбы, освещенной нравственным мужеством духовного пробуждения человека.

Исследователи настоящего времени продолжают изучать феномен Сергия Радонежского, пытаясь найти то психологическое основание, которое привлекает внимание к образу этого пастыря. Даже сейчас можно говорить о нравственном, психологическом и педагогическом наследии Сергия Радонежского в его гуманистическом аспекте. В частности, это касается его идей, связанных с воспитанием и развитием личности современного человека [24: с. 3]. «Негаснущий свет» идей Сергия Радонежского, взгляды на природу человека (философско-антропологические мысли и психологические высказывания), понимание сущности человеческого предназначения и места борьбы в жизни каждого — актуальные вопросы современности.

В целом же рассматриваемые образы национальной святости, жития монахов-аскетов, по мнению И. А. Ильина, пробуждают совесть, вызывают чувство соучастия в святых делах, приобщенности и отождествления, дают сердцу радостную уверенность, что его «алтари святые», а сам он (народ) имеет право на почетное место в мировой истории [23: с. 322].

Образы святости убежденных монахов-аскетов, «прописанные» в житиях, соотносятся с идеалами воителей-борцов, значимыми для Руси, формулируют философему и психологему борьбы, объединяясь с ними в смысловом, многооттеночном (символический, аллегорический, нравственный слои) пространстве, создают ценности идентификации русского человека. В этих источниках прослеживается система взаимосвязи образа человека и характера его борьбы, описанная определенными, понимаемыми грамотными людьми того исторического времени, понятиями, входящими в профессиональный тезаурус психологической мысли. Тезаурус, как и сама система взаимосвязи образа человека и идеи борьбы, сохранится до эпохи Просвещения и будет еще использованы отечественными мыслителями XVIII – первой трети XIX веков (Ф. Прокопович, С. Яворский, В. Н. Тагищев, А. П. Сумароков, М. М. Херасков,

Я. Б. Княжнин, Н. И. Новиков, М. М. Щербатов, В. Ф. Малиновский, И. А. Крылов, П. Я. Чаадаев, Д. В. Веневитинов и др.), что становится основанием «ровности ткани истории» отечественной психологической мысли, не порывавшей со своими истоками.

Заключение

Историки психологии справедливо подчеркивают длительность формирования отечественной психологической мысли, определяют ее истоки, находящиеся в глубокой древности [1: с. 33]. Неудивительно, что русская психологическая мысль, искавшая возможности для описания образа человека, его души и борьбы, не прерывалась в XVI веке.

Психологическая мысль о человеке и его борьбе в этот исторический период времени оказалась адекватна многим проблемам святоотеческой литературы. Особое место здесь отводится такому литературному памятнику, как «Великие Четьи-Минеи», составленные под руководством московского митрополита Макария. В этом литературном памятнике системно рассматриваются образы и описания человека и идей борьбы.

В основе святоотеческого наследия, которое важно для изучения стройности и непрерывности отечественной психологической мысли, лежит обращение к душе человека вне зависимости от возраста; стремление затронуть его эмоционально-волевой мир темой и образами борьбы, которые представлены конкретным духовным (нравственным) опытом, позволяющим выстроить собственную линию жизни; ориентация на становление душевных и телесных потенций человека; формирование интереса к самопознанию и самосовершенствованию.

Идея борьбы и образ человека борющегося (аскета), разработанные системно, во взаимосвязи своих проявлений, образуют единое целое в их восприятии, понимании и дальнейшем описании. Система описания взаимосвязи образа человека и его борьбы сохранится до эпохи Просвещения и будет использована в работах отечественными мыслителями XVIII – первой трети XIX веков.

Для отечественной истории психологической мысли ретроспективная психологическая интерпретация образа аскета важна, поскольку это дает возможность рассмотреть, как исторически формировались представления о человеке и его душе на протяжении длительного времени и как они представлены в современной психологии.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Тенденции развития философско-психологической мысли на Руси в период Средневековья // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 142–148.
3. **Архангельская А. В., Пауткин А. А.** Русская литература XI–XVII вв.: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. 216 с.
4. **Бахтин М. М.** Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
5. **Бычков В. В.** 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*: в 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 527 с.
6. **Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф.** Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. 255 с.
7. **Водовозов Н. В.** История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. 383 с.
8. **Воробьев М. Н.** Православное просвещение на Руси (X–XVII вв.) // Педагогика. 1996. № 2. С. 84–88.
9. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Н. А. Сидоровой и др. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1957. 896 с.
10. **Горский В. С.** Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в.: монография. Киев: Наукова думка, 1988. 214 с.
11. **Гостев А. А., Елисеев В. А., Соснин В. А.** Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований: сб. М.: ИП РАН, 2002. С. 39–66.
12. **Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф.** Мир истории: Русские земли в XIII–XV веках: монография. М.: Мол. гвардия, 1988. 334 с.
13. **Громов М. Н., Козлов Н. С.** Русская философская мысль X–XVIII веков: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. 228 с.
14. **Гуменская О. М.** Очерки по истории отечественной психологии. Вып. 1. История психологической мысли на Руси (X–XVII вв.): учеб. пособие. Саратов: Научная книга, 2006. 68 с.
15. **Дворецкая М. Я.** Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан Средневековья: автореф. ... дис. д-ра психол. наук. М., 2006. 51 с.
16. **Дессуар М.** Очерк истории психологии: монография. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 256 с.
17. **Егоров В. Л.** Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 177–183.
18. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.): монография. Л.: Наука, 1987. 248 с.
19. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в России XI–XX веков: монография. СПб.: Петрополис, 2015. 480 с.
20. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв.: сб. / сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М.: Мол. гвардия, 1990. 303 с.
21. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2006. 88 с.

22. **Иванов Д. В.** Архетип российского воспитания: образ «человека борющегося» в исторических и литературных памятниках // *Философия образования*. 2008. № 1. С. 277–280.
23. **Ильин И. А.** Национальное воспитание — путь духовного обновления // *Педагогика российского зарубежья*. М.: Ин-т практич. психологии, 1996. С. 317–325.
24. **Карунин Е. А.** Педагогическое наследие Сергия Радонежского (Духовно-нравственный аспект воспитания): дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 112 с.
25. **Кольцова В. А., Медведев А. М.** Об изучении истории психологии в системе культуры // *Психологический журнал*. 1992. Т. 13. № 5. С. 3–11.
26. **Кольцова В. А.** История психологии: проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
27. **Коржова Е. Ю.** Творческий лик русских мыслителей: монография. СПб.: Общ-во памяти игумении Таисии, 2009. 507 с.
28. **Корнетов Г. Б.** Развитие историко-педагогического процесса в контексте цивилизованного подхода: дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада. М., 1994. 64 с.
29. **Костецкий В. В.** Аристократические истоки духовой культуры // *Педагогика*. 2011. № 2. С. 25–31.
30. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
31. **Ключевский В. О.** О русской истории. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
32. **Ключевский В. О.** О нравственности и русской культуре. М.: Дрофа, 2006. 302 с.
33. **Клыпа О. В.** Генезис русской психологической мысли в средневековый период: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 374 с.
34. **Кусков В. В.** История древнерусской литературы. М.: Высш. шк., 1998. 336 с.
35. **Лихачев Д. С.** Избранные работы: в 3 т. Т. 1: Развитие русской литературы X–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1987. 656 с.
36. **Марков Б. В.** Философская антропология: очерки истории и теории: учеб. пособие. СПб.: Лань, 1997. 384 с.
37. **Миронов В. Б.** Образование в истории человеческой цивилизации: эволюция и перспективы: дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада. М., 1991. 63 с.
38. **Пушкин А. С.** Собрание соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. 398 с.
39. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // *Системная психология и социология*. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
40. **Роменец В. А.** Предмет и принципы историко-психологического исследования: дис. ... д-ра психол. наук в форме научного доклада. Киев, 1989. 42 с.
41. *Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия* / сост. и авт. вступ. ст. С. В. Перевезенцев. М.: Роман-газета, 1994. 240 с.
42. *Русское православие: вехи истории: монография* / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
43. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
44. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
45. *Сказание о Мамаевом побоище. Текст в современной транскрипции и переводе на русский язык. Научный аппарат* / Т. Дианова, М. Черниловская, Э. Шульгина. М.: Книга, 1980. 148 с.
46. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.
47. *Четьи-Минеи. Святые русского православия. X–XV вв.* М.: Эксмо, 2004. 480 с.
48. **Черкасова (Апенюк) Р. С.** Идея самосовершенствования в произведениях русских авторов XV–XVI веков // *Известия ВГПУ*. 2015. № 2 (267). С. 140–143.
49. **Щапов А. П.** Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России // *Православный собеседник*. 1860. Ч. III. С. 196–221.
50. **Щапов А. П.** Избранное. Иркутск: Оттиск, 2001. 368 с.

References

1. **Anan`ev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries]. M.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Apenok (Cherkasova) R. S.** Tendencii razvitiya filosofsko-psixologicheskoy my`sli na Rusi v period Srednevekov`ya [Trends in the development of philosophical and psychological thought in Russia during the Middle Ages] // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy` [Socio-economic phenomena and processes]. 2014. T. 9. № 8. P. 142–148.
3. **Arhangel`skaya A. V., Pautkin A. A.** Russkaya literatura XI–XVII vv.: ucheb. posobie [Russian literature of the XI–XVII centuries: text. manual]. M.: Izd-vo MGU, 2003. 216 p.
4. **Bahtin M. M.** Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarny`x nauk [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. SPb.: Azbuka, 2000. 336 p.
5. **By`chkov V. V.** 2000 let xristianskoj kul`tury` sub specie aethetica: v 2 t. T. 2: Slavyanskij mir. Drevnyaya Rus`. Rossiya [2000 years of Christian culture sub specie aethetica: in 2 tons T. 2: Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 527 p.
6. **Vagner G. K., Vlady`shevskaya T. F.** Iskusstvo Drevnej Rusi [Art of Ancient Russia]. M.: Iskusstvo, 1993. 255 p.
7. **Vodovozov N. V.** Istoriya drevnej russkoj literatury` [History of ancient Russian literature]. M.: Prosveshhenie, 1972. 383 p.
8. **Vorob`ev M. N.** Pravoslavnoe prosveshhenie na Rusi (X–XVII vv.) [Orthodox education in Russia (X–XVII centuries)] // Pedagogika [Pedagogy]. 1996. № 2. P. 84–88.
9. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 3 [World history: in 10 volumes. Vol. 3] / pod red. N. A. Sidorovoj i dr. M.: Gos. izd-vo polit. l-ry`, 1957. 896 p.
10. **Gorskij V. S.** Filosofskie idei v kul`ture Kievskoj Rusi XI – nachala XII v.: monografiya [Philosophical ideas in the culture of Kievan Rus XI – the beginning of the XII century.: monograph]. Kiev: Naukova dumka, 1988. 214 p.
11. **Gostev A. A., Eliseev V. A., Sosnin V. A.** Svyatootecheskaya my`sli` kak istochnik istoriko-psixologicheskogo analiza [Patristic thought as a source of historical and psychological analysis] // Sovremennaya psixologiya: sostoyanie i perspektivy` issledovanij` sb. [Modern psychology: state and prospects of research: collection of articles]. M.: IP RAN, 2002. P. 39–66.
12. **Grekov I. B., Shahmagonov F. F.** Mir istorii: Russkie zemli v XIII–XV vekah: monografiya [The world of history: Russian lands in the XIII–XV centuries: monograph]. M.: Mol. gvardiya, 1988. 334 p.
13. **Gromov M. N., Kozlov N. S.** Russkaya filosofskaya my`sli` X–XVIII vekov: ucheb. posobie [Russian philosophical thought of the X–XVIII centuries: training manual]. M.: Izd-vo MGU, 1990. 228 p.
14. **Gumenskaya O. M.** Ocherki po istorii otechestvennoj psixologii. Vy`p. 1. Istoriya psixologicheskoy my`sli na Rusi (X–XVII vv.): ucheb. posobie [Essays on the history of Russian psychology. Issue. 1. History of psychological thought in Russia (X–XVII centuries): training manual]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 68 p.
15. **Dvoreczkaya M. Ya.** Razvitie i stanovlenie psixologicheskogo ucheniya o cheloveke vostochny`x xristian Srednevekov`ya: avtoref. ... dis. d-ra psihol. nauk [Development and formation of the psychological doctrine of man of Eastern Christians of the Middle Ages: author. dis. ... Dr. psychol. sciences]. M., 2006. 51 p.
16. **Dessuar M.** Ocherk istorii psixologii: monografiya [Essay on the History of Psychology: Monograph]. M.: AST; Minsk: Xarvest, 2002. 256 p.
17. **Egorov V. L.** Peresvet i Oslyabya [Peresvet and Oslyabya] // Voprosy` istorii [Questions of history]. 1985. № 9. P. 177–183.
18. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my`sli` v srednevekovoj Rusi (XI–XVI vv.): monografiya [Philosophical thought in medieval Russia (XI–XVI centuries): monograph]. L.: Nauka, 1987. 248 p.

19. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my`sl` v Rossii XI–XX vekov: monografiya [Philosophical thought in Russia of the XI–XX centuries: monograph]. SPb.: Petropolis, 2015. 480 p.
20. Zlatostruj. Drevnyaya Rus`. X–XIII vv.: sb. [Goldblast. Ancient Russia. X–XIII centuries: Sat.] / sost., avt. tekst, komment. A. G. Kuz`mina, A. Yu. Karpova. M.: Mol. gvardiya, 1990. 303 p.
21. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor`by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoj my`sli (XIX – nachalo XX vv.): monografiya [Idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSHA, 2006. 88 p.
22. **Ivanov D. V.** Arxetip rossijskogo vospitaniya: obraz «cheloveka boryushhegosya» v istoricheskix i literaturny`x pamyatnikax [Archetype of Russian education: the image of a “man struggling” in historical and literary monuments] // Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of education]. 2008. № 1. P. 277–280.
23. **Il`in I. A.** Nacional`noe vospitanie — put` duxovnogo obnovleniya [National Education — the path of spiritual renewal] // Pedagogika rossijskogo zarubezh`ya [Pedagogy of Russian abroad]. M.: In-t praktich. psixologii, 1996. P. 317–325.
24. **Karunin E. A.** Pedagogicheskoe nasledie Sergiya Radonezhskogo (Duhovno-nravstvenny`j aspekt vospitaniya): dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical heritage of Sergius of Radonezh (Spiritual and moral aspect of education): dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences]. M., 2000. 112 p.
25. **Kol`czova V. A., Medvedev A. M.** Ob izuchenii istorii psixologii v sisteme kul`tury` [On the study of the history of psychology in the system of culture] // Psixologicheskij zhurn [Psychological Journal]. 1992. T. 13. № 5. P. 3–11.
26. **Kol`czova V. A.** Istoriya psixologii: problemy` metodologii: monografiya [History of psychology: problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.
27. **Korzhova E. Yu.** Tvorcheskij lik russkix my`sлитеlej: monografiya [Creative face of Russian thinkers: monograph]. SPb.: Obshhestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 507 p.
28. **Kornetov G. B.** Razvitie istoriko-pedagogicheskogo processa v kontekste civilizovannogo podxoda: dis. ... d-ra ped. nauk v forme nauchnogo doklada [Development of the historical and pedagogical process in the context of a civilized approach: dis ... Dr. ped. sciences in the form of a scientific report]. M., 1994. 64 p.
29. **Kosteczkiy V. V.** Aristokraticheskie istoki duxovoj kul`tury` [Aristocratic sources of spiritual culture] // Pedagogika [Pedagogy]. 2011. № 2. P. 25–31.
30. **Klyuchevskij V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 2 [Works: in 9 volumes. T. 2]. M.: My`sl`, 1987. 447 p.
31. **Klyuchevskij V. O.** O russkoj istorii [About Russian history]. M.: Prosveshhenie, 1993. 576 p.
32. **Klyuchevskij V. O.** O нравственности i russkoj kul`ture [On morality and Russian culture]. M.: Drofa, 2006. 302 p.
33. **Kly`pa O. V.** Genezis russkoj psixologicheskoj my`sli v srednevekovy`j period: dis. ... d-ra psixol. nauk [Genesis of Russian psychological thought in the medieval period: dis. ... Dr. psychol. sciences]. M., 2017. 374 p.
34. **Kuskov V. V.** Istoriya drevnerusskoj literatury` [History of Old Russian Literature]. M.: Vy`ssh. shk., 1998. 336 p.
35. **Lihachev D. S.** Izbranny`e raboty`: v 3 t. T. 1: Razvitie russkoj literatury` X–XVII vekov. Poe`tika drevnerusskoj literatury` [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1: Development of Russian Literature X–XVII centuries. Poetics of Old Russian Literature]. L.: Hudozh. lit., 1987. 656 p.
36. **Markov B. V.** Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii: ucheb. posobie [Philosophical anthropology: essays on history and theory: training manual]. SPb.: Lan`, 1997. 384 p.
37. **Mironov V. B.** Obrazovanie v istorii chelovecheskoj civilizacii: e`volyuciya i perspektivy`: dis. ... d-ra ped. nauk v forme nauchnogo doklada [Education in the history of human civilization: evolution and prospects: dis. ... Dr. ped. sciences in the form of a scientific report]. M., 1991. 63 p.

38. **Pushkin A. S.** Sbranie soch.: v 10 t. T. 7 [Collected works: in 10 volumes. Vol. 7]. M.: Xudozh. lit., 1976. 398 p.
39. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** Istoriya psixologii s sistemny`x pozicij [History of psychology from a systemic perspective] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
40. **Romenecz V. A.** Predmet i principy` istoriko-psixologicheskogo issledovaniya: dis. ... d-ra psixol. nauk v forme nauchnogo doklada [Subject and principles of historical and psychological research: dis ... Dr. psychol. sciences in the form of a scientific report]. Kiev, 1989. 42 p.
41. Russkaya dusha. Ty`syacha let otechestvennogo lyubomudriya [Thousand Years of Domestic Wisdom] / S. V. Perevezencev. M.: Roman-gazeta, 1994. 240 p.
42. Russkoe pravoslavie: veki istorii: monografiya [Russian Orthodoxy: milestones in history: monograph] / nauch. red. A. I. Klibanov. M.: Politizdat, 1989. 719 p.
43. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel`skie Texnologii, 2017. 356 p.
44. **Ryzhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
45. Skazanie o Mamaevom poboishhe. Tekst v sovremennoj transkripcii i perevode na russkij yazy`k. Nauchny`j apparat [The Legend of the Mamaev Massacre. Text in modern transcription and translation into Russian. Scientific apparatus] / T. Dianova, M. Chernilovskaya, E`. Shul`gina. M.: Kniga, 1980. 148 p.
46. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskikh vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekah: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph]. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.
47. Chet`i-Minei. Svyaty`e russkogo pravoslaviya [Chetya-Menaion. Saints of Russian Orthodoxy]. M.: Izd-vo E`ksmo, 2004. 480 p.
48. **Cherkasova (Apenok) R. S.** Ideya samosovershenstvovaniya v proizvedeniyax russkix avtorov XV–XVI vekov [The idea of self-improvement in the works of Russian authors of the XV–XVI centuries] // Izvestiya VGPU [Izvestia VSPU]. 2015. № 2 (267). P. 140–143.
49. **Shhapov A. P.** Drevnie pusty`ni i pusty`nnozhiteli na severo-vostoke Rossii [Ancient deserts and desert dwellers in the north-east of Russia] // Pravoslavny`j sobesednik [Orthodox interlocutor]. 1860. Ch. III. P. 196–221.
50. **Shhapov A. P.** Izbrannoe [Favorites]. Irkutsk: Ottisk, 2001. 368 p.

Н а ш и ю б и л я р ы

Юбилей Евгении Сергеевны Романовой!

21 декабря — день рождения главного редактора нашего журнала
Евгении Сергеевны Романовой!

Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии МГПУ. Она заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член президиума УМО университетов Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Присущий Евгении Сергеевне научный, организаторский и педагогический талант в полной мере нашел отражение в ее многогранной, плодотворной деятельности, раскрывающей все грани высочайшего профессионализма.

Научная деятельность Евгении Сергеевны в качестве ученого секретаря Общества психологов СССР началась в Институте психологии Академии наук СССР, возглавляемом его создателем и первым директором, выдающимся отечественным психологом Б. Ф. Ломовым.

Предметом ее научного интереса в тот период являлась психология профессионального становления личности. Это направление получило дальнейшее развитие при организации работы службы психологической поддержки и профессиональной переподготовки в Российской Федерации во время работы Евгении Сергеевны заместителем генерального директора Всероссийского научно-практического центра профориентации и психологической поддержки населения Минтруда РФ. На протяжении ряда лет Евгения Сергеевна занимала должность декана факультета практической психологии в одном из старейших вузов страны — Московском педагогическом государственном университете, — где нашли применение ее блестящие педагогические качества и организаторский талант.

С 1995 года, когда был создан Московский городской педагогический университет, профессиональная деятельность Е. С. Романовой связана с этим вузом, прочно занявшим место одного из ведущих научных и педагогических центров Москвы и России в целом. С момента основания университета Евгения Сергеевна возглавляла факультет психологии, а впоследствии созданный ею Институт психологии, социологии и социальных отношений. Этот 25-летний период характеризуется значительными научными успехами в решении проблемных вопросов школьной жизни и новаторской педагогической практикой в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Под руководством Евгении Сергеевны получили образование многие тысячи студентов. Сегодня они работают в школах, колледжах, специализированных и других образовательных учреждениях. Многие остались в стенах вуза в качестве преподавателей и сами осуществляют профессиональную подготовку новых кадров. Эффективная деятельность выпускников института нашла свое отражение в большом количестве благодарственных писем в адрес Е. С. Романовой от руководства школ. Более тридцати учеников Евгении Сергеевны получили высшую научную квалификацию кандидатов и докторов наук.

Евгения Сергеевна — блестящий психолог, автор более 170 научных работ. Научные статьи, методические пособия и монографии Е. С. Романовой отражают последовательную и развивающуюся практику психологической и социальной работы в школе и пользуются огромной популярностью среди студентов, преподавателей и научных работников, а также всех тех, кого интересуют самые актуальные проблемы современной психологии. Такие книги, как «Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика» (1996; в соавторстве с Л. Р. Гребенниковым), «Графические методы в практической психологии» (2001), «Психологические аспекты в творчестве Ф. М. Достоевского» (2007; в соавторстве с В. В. Рябовым), «Психологические грани семьи: психодиагностика» (2015; в соавторстве с Л. И. Бершедовой и др.), «Основы психологической экспертизы в педагогической области» (2015; в соавторстве с Л. В. Мокшанцевой), «Психологическое сопровождение профессиональной карьеры одаренных учащихся» (2015; в соавторстве с С. Ю. Решетиной) и многие другие, стали настоящими бестселлерами.

Евгения Сергеевна Романова является создателем оригинальной научной школы — «Психологическое сопровождение гражданского и профессионального становления участников образовательного процесса». Осуществляемые в рамках этого направления научные разработки получили применение как в системе образования Москвы, так и далеко за пределами столичного региона. Они принесли Евгении Сергеевне заслуженный авторитет ученого не только внутри страны, но и за рубежом.

Накопленный научный и практический опыт Евгении Сергеевны в настоящее время всецело направлен на эффективное решение вопросов обучения, воспитания и развития детей, адресного решения проблем социально уязвимых категорий детей, а также задач, обусловленных вызовами и рисками социальной среды. В последние годы проводились исследования по научным грантам: «Совершенствование коммуникативной культуры и личной эффективности работников системы образования», «Развитие личностного и социального потенциала обучающихся общеобразовательных организаций в контексте современных требований

к социальному портрету жителя мегаполиса», «Психологическая работа со студентами, направленная на формирование социальных качеств, обеспечивающих им преимущества в конкурентных сегментах рынка труда», «Комплексная психолого-педагогическая работа с семьями с детьми, находящимися на домашнем обучении», «Психологическая помощь семьям, воспитывающим подростков с девиантным поведением с привлечением студентов к реализации программ», «Психолого-педагогическая работа учителя с детьми-сиротами из замещающих, приемных и опекунских семей».

Редакция журнала поздравляет талантливого педагога, исследователя, наставника, организатора науки и одного из выдающихся психологов нашего времени Евгению Сергеевну Романову с юбилеем и желает ей здоровья, вдохновения и новых успехов.

Информация

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА «СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2020, № 4 (36)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2020, № 4 (36)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва (Россия).

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award. Laureate of the Russian Federation Government Education Award. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

СОМОВА Наталья Геннадьевна — директор Московского областного центра реабилитации инвалидов, Королёв (Россия).

SOMOVA Natalya Gennadievna — Director of the Moscow Regional Center for the Rehabilitation of the Disabled, Korolev (Russia).

E-mail: Somovang@mail.ru

КРУГЛОВА Елена Александровна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново (Россия).

KRUGLOVA Elena Aleksandrovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo (Russia).

E-mail: kruglo-e@mail.ru

ПОПЕЛЬ Нина Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново (Россия).

POPEL Nina Valerievna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo (Russia).

E-mail: ninel@mail.ru

ЕСЬКОВ Константин Николаевич — кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела психофизиологии, нейрофизиологии и психофизиологии деятельности оператора Института медико-биологических проблем РАН, Москва (Россия).

ESKOV Konstantin Nikolaevich — PhD in Biology, Research Associate of the Department of Psychophysiology, Neurophysiology and Psychophysiology of Operator Activity of the Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: eskov@imbp.ru

ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Санкт-Петербург (Россия).

FILYASOVA Yulia Anatolyevna — PhD in Philology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of pedagogy and psychology at St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg (Russia).

E-mail: phill.yield@gmail.com

КАРПОВ Алексей Борисович — кандидат психологических наук. Магистр делового администрирования. Директор департамента организационного развития и персонала НПФ «Материа Медика Холдинг», Москва (Россия).

KARPOV Alexey Borisovich — PhD in Psychology, Executive Master of Business Administration (EMBA). Head of organizational development and human resources department NPF “Materia Medica Holding”, Moscow (Russia).

E-mail: karpovab@yandex.ru

СМИРНОВА Маргарита Вячеславовна — старший менеджер по персоналу НПФ «Материа Медика Холдинг», Москва (Россия).

SMIRNOVA Margarita Vyacheslavovna — senior HR manager NPF “Materia Medica Holding”, Moscow (Russia).

E-mail: khokhlovamv@gmail.com

ГОРБУНОВА Ирина Викторовна — директор лицея № 9 г. Перми, аспирант кафедры психологии образования Института психологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Пермь (Россия).

GORBUNOVA Irina Viktorovna — Director of the Lyceum № 9 of Perm, graduate student of the Department of Educational Psychology of the Institute of Psychology of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Perm (Russia).

E-mail: gorbunova-priemnaya@mail.ru

АРТАМОНОВА Елена Романовна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры общей и педагогической психологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир (Россия).

ARTAMONOVA Elena Romanovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor at the Department of General and Educational Psychology of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir (Russia).

E-mail: art1960.2@yandex.ru

ЛОБАНОВ Евгений Валерьевич — аспирант Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова, Москва (Россия).

LOBANOV Evgeniy Valeryevich — postgraduate student at the A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow (Russia).

E-mail: lobanov.evg@inbox.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом *Times New Roman*, полужирным 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институт психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *.tiff, *.pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *.tiff, *.jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2020

№ 4 (36)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 29.01.2021 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 8,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.